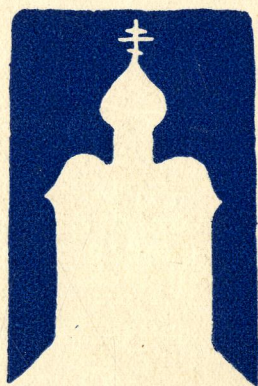


Затис.

Св.ц. Вмгатинов.





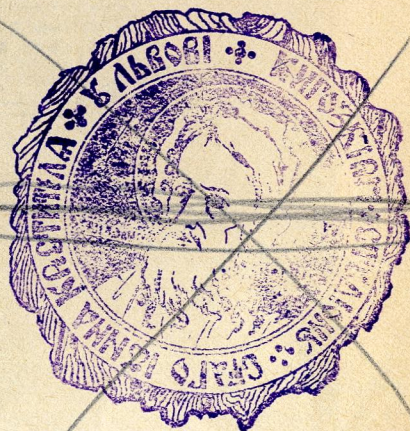
ЗАПИСИ

СВЯЩЕННИКЪ

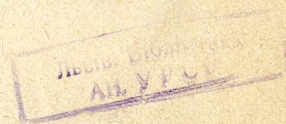
АЛЕКСАНДРЪ ЕЛЬЧАНИНОВЪ

3332

издано



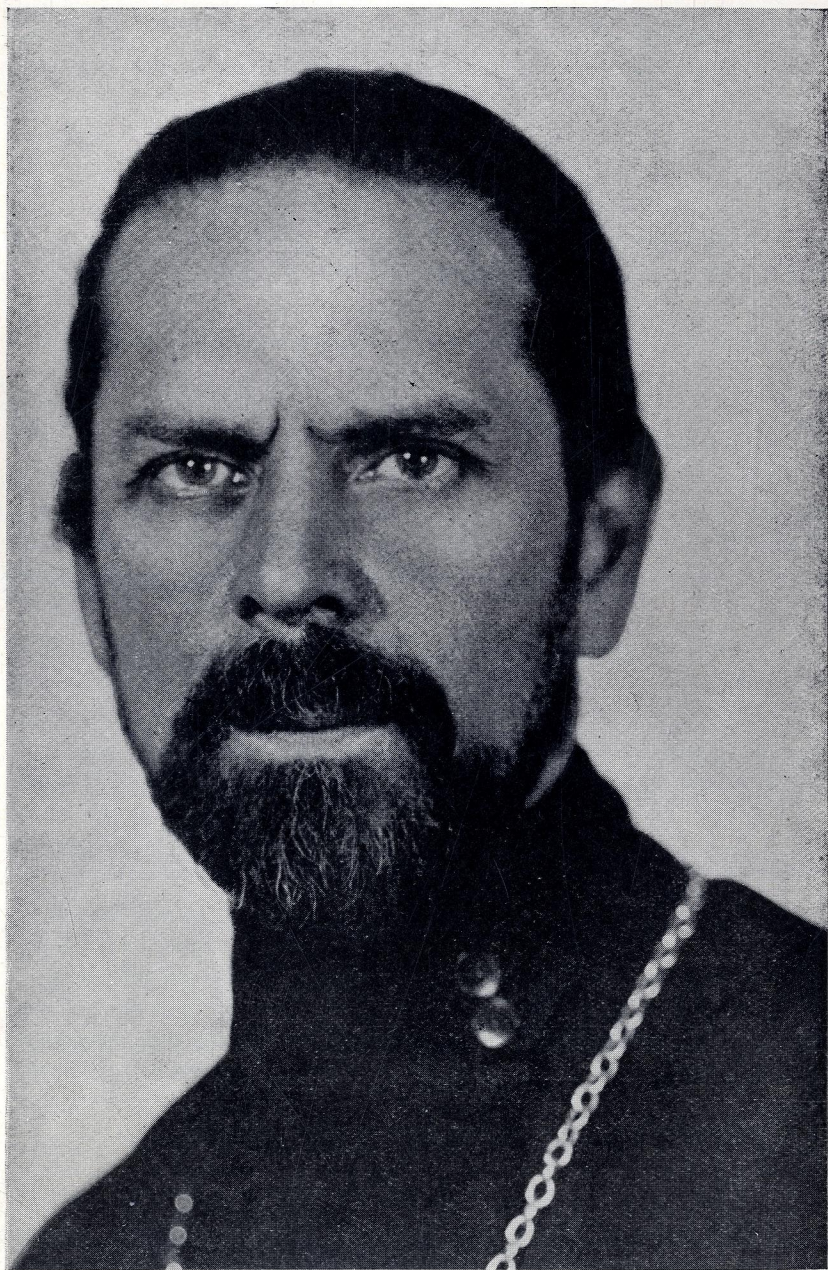
1935
ПАРИЖЪ



Львівська державна
наукова бібліотека

№

2199



Эта книга никогда не готовилась ея авторомъ къ печати — она была задумана и составлена уже послѣ смерти отца Александра, чтобы какъ то продолжить и укрѣпить неоконченное дѣло его жизни и хотя бы отчасти замѣнить собой его живое руководство.

Въ книгу вошли отрывки изъ его дневниковъ, имѣющіе общій интересъ, отрывки изъ писемъ, планы и проэктъ проповѣдей, конспекты и статьи на темы ему особенно близкія.

Незадолго до своей болѣзни отецъ Александръ говорилъ, что хочетъ написать книгу къ молодежи, и дать въ ней отвѣты на часто къ нему обращаемые, типичные для современнаго юношества вопросы. Онъ завелъ даже папку съ надписью «Письма къ молодежи».

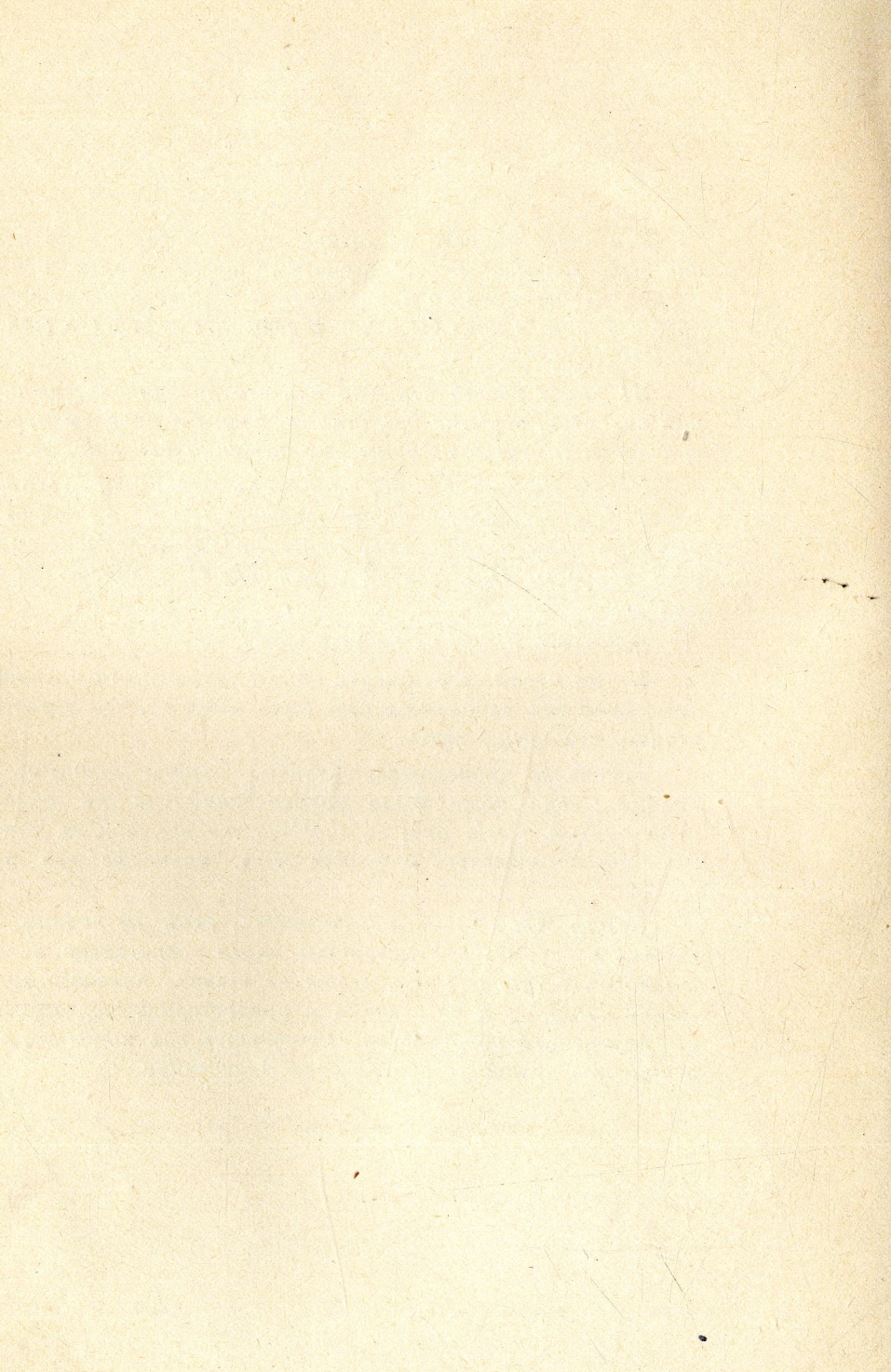
Этотъ его планъ не осуществился.

И уже послѣ его смерти были собраны его письма, къ руководимой имъ молодежи и изъ нихъ взято то, что могло бы хоть отчасти его осуществить.

Таково-же происхожденіе главы «Совѣты молодымъ священникамъ»; она тоже была только намѣчена въ нѣсколькихъ отрывочныхъ замѣткахъ, но помѣщается все-таки въ книгѣ, такъ какъ она затрагиваетъ одну ихъ темъ, наиболѣе его волновавшихъ.

Кромѣ этихъ главъ, намѣченныхъ, какъ мы видимъ, какъ бы самимъ авторомъ, всѣ матеріалы книги сознательно не приведены ни въ какую систему, чтобы не ставить никакого толкованія между авторомъ и читателемъ и предоставить каждому, въ мѣру его внутренней потребности почерпнуть изъ книги то, что было сущностью духовнаго облика отца Александра.

Т. Е.



Отрывки изъ дневника

До священства — какъ о многомъ я долженъ былъ молчать, удерживать себя. Священство для меня — возможность говорить полнымъ голосомъ.

Нѣтъ другого утѣшенія въ страданіяхъ, какъ разсматривать ихъ на фонѣ «того міра»; это и по существу единственная точка зрѣнія вѣрная. Если есть только этотъ міръ, то все въ немъ — сплошь бессмыслица: разлука, болѣзни, страданія невинныхъ, смерть. Все это осмысливается въ свѣтѣ того океана жизни невидимой, омывающей маленькій островокъ нашей земной жизни. Кто не испыталъ духовной «оттуда» въ снахъ, въ молитвѣ! Когда человѣкъ находитъ въ себѣ силы согласиться на испытаніе, посылаемое Богомъ, онъ дѣлаетъ этимъ огромный шагъ впередъ въ своей духовной жизни.

Все размышляю о текстѣ: «Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое»... Признакъ, что мы Христовы — наши страданія; и чѣмъ больше мы страдаемъ, тѣмъ больше, значить, мы «не отъ міра». Почему всѣ святые, вслѣдъ за Христомъ, такъ страдали? Соприкосновеніе съ міромъ и погруженіе въ него даетъ боль послѣдователямъ Христа, а безболѣзненными себя чувствуютъ только дѣти міра сего. Это — въ родѣ безошибочной химической реакціи.

Что умножаетъ въ насъ духовную силу? — преодоленіе искушеніе.

Присутствіе въ насъ, существахъ конечныхъ, безконечнаго — любви, ведетъ къ желанію смерти, какъ входу въ безконечность.

Господь безконечно жалѣетъ насъ, но посылаетъ намъ страданія: только если насъ поражаютъ несчастія и катастрофы, мы можемъ дать какія то искры, какой то святой огонь. Въ этомъ смыслъ войнъ, революцій, болѣзней.

Гордый глухъ и слѣпъ къ міру, міра онъ и не видитъ, а только свое во всемъ отраженіе.

Болѣзнь — вотъ школа смиренія, — вотъ гдѣ видишь, что нищъ, и нагъ, и слѣпъ (незадолго до смерти).

Какъ утѣшить плачущихъ? — плакать вмѣстѣ съ ними.

Такая радость быть священникомъ! Вчера исповѣдывалъ цѣлую семью. Особенно хороши дѣти — два мальчика лѣтъ 7-8. Я весь вечеръ былъ почти въ экстазѣ. Священство — единственная профессія, гдѣ люди поворачиваются къ тебѣ своей самой серьезной сторной и гдѣ и ты все время живешь «въ серьезъ».

Мнѣ часто кажется, что всѣ шипы и терніи нашего жизненнаго положенія точно устроены Богомъ для уврачеванія именно нашей души. Въ своей жизни я вижу это съ полной отчетливостью.

Въ исповѣди слабая память не оправданіе; забывчивость — отъ невниманія, несерьезности, черствости, нечувствительности къ грѣху. Грѣхъ, т я г о т я щ і й совѣсть не забудется.

Болѣзнь самое благопріятное время для возвращенія въ свое сердце, къ Богу. Съ выздоровленіемъ эти возможность опять отходятъ въ безконечную даль.

Бываетъ, что, готовясь къ исповѣди, говѣющей временами испытываетъ страхъ грѣха, искреннее покаяніе до слезъ, а прійдя къ священнику, не чувствуетъ ничего, не имѣетъ страха и сскрушенія. Нельзя ли раздвинуть предѣлы таинства? нельзя ли считать, что таинство покаянія включаетъ въ себя все говѣніе, молитвы, покаянное чувство, а что моментъ самой исповѣди, — только заключительный, хотя и важнѣйшій моментъ?

Ставшему на путь духовнаго совершенствованія, послѣдовавшему за Христомъ, явно, совершенно внутренне для него убѣдительно дѣлается единственность этого пути. Мало ставшихъ на этотъ путь, но затѣ почти нѣтъ — разъ ставшихъ и возвратившихся назадъ. Согласно обѣщанію Христа, всякій ищущій обрѣтаетъ.

Тѣ, кто хотятъ доказательствъ для своей вѣры, — на ложномъ пути. Вѣра — свободный выборъ, и тамъ, гдѣ есть хотя бы скрытое даже отъ самого себя, желаніе доказательствъ, — нѣтъ вѣры. Знаки Божоявленія не надо принимать, какъ «доказательства», — этимъ мы снижаемъ, перечеркиваемъ подвигъ вѣры.

Чувство своей глубокой грѣховности у святыхъ — отъ ихъ близости къ источнику свѣта — Христу.

Какъ затруднено для насъ приближеніе къ Богу, для нѣкоторыхъ особенно, гдѣ все, — и сама природа, наслѣдственность, весь составъ человѣка — ставятъ стѣну между нимъ и Богомъ. Вотъ типъ человѣка часто встрѣчающійся: въ немъ соединеніе трехъ чертъ — 1) гордость, вѣра въ свои силы, упоеніе своимъ творчествомъ, 2) страстная любовь къ жизни земной и 3) отсутствіе чувства грѣха. Какъ такіе люди могутъ подойти къ Богу? Каковъ ихъ путь? Возможно-ли имъ измѣниться? Таковы, какъ они есть — они безнадежно изолированы отъ Бога, лишены даже потребности въ Немъ. И этотъ типъ культивируется современной жизнью, — воспитаніемъ, литературой и т. д.

Идея Бога вытравлена въ его душѣ и какія нужны катастрофы, чтобы такой человѣкъ могъ возродиться!

Есть религіозность тѣсно спутанная съ эмоціями эстетическими, сентиментальными, страстными, легко уживающаяся съ эгоизмомъ, тщеславіемъ, чувственностью. Люди этого типа ищутъ похвалы и хорошаго мнѣнія о нихъ духовника, исповѣдь ихъ очень трудна, такъ какъ они приходятъ на исповѣдь, чтобы пожаловаться на другихъ, поплакать, они полны собой, легко обвиняютъ другихъ. Недоброкачественность ихъ религіозной экзальтаціи лучше всего доказывается легкимъ переходомъ къ раздражительности и злобѣ. Люди этого типа дальше отъ возможности настоящаго покаянія, чѣмъ самые закоренѣлые грѣшники.

Вѣра — отъ любви, любовь — отъ созерцанія. Невозможно не любить Христа. Если-бы мы Его увидѣли сейчасъ, мы бы не оторвали отъ Него глазъ, мы бы «слушали Его съ услажденіемъ», мы тѣснились бы вокругъ Него, какъ тѣснились евангельскія толпы. Надо только не противиться Ему отдаться, созерцанію Его Образа — въ Евангеліи, въ святыхъ, въ Церкви — и Онъ возьметъ въ плѣнъ наше сердце.

Отчего такъ важно чтеніе житій святыхъ? — Среди безконечнаго спектра путей къ Богу, раскрытаго въ различныхъ житіяхъ, мы можемъ найти свой путь, получить помощь и указаніе, какъ изъ дебрей нашей человѣческой запутанной грѣховности выйти на путь къ Свѣту.

Отвѣтъ умирающей, но не знающей о близости своей смерти, на ея недоумѣніе: «ни къ жизни не готовлюсь, ни къ смерти».

Нельзя жить истинной и достойной жизнью з д ѣ с ѣ, не «готовясь къ смерти», не имѣя постоянно въ душѣ мысли о смерти, — о «жизни вѣчной».

... мое жизненное правило — мѣнять мѣсто жительства только когда обстоятельства гонять, ничего въ житейской области не предпринимать самому, а рыть шахту вглубь въ томъ мѣстѣ, куда привелъ Господь...

Нѣкоторыхъ смущаетъ ихъ робость и застѣнчивость въ сношеніяхъ съ людьми. Это яркое доказательство сидящаго въ насъ самолюбія. Если бы, идя къ незнакомому лицу по дѣлу, человѣкъ думалъ бы только о дѣлѣ, то явилась бы прямота, простота, смѣлость. Но бѣда въ томъ, что все время помнишь о себѣ и своей роли, что является безусловно грѣхомъ.

Какъ мы жалки въ нашей успокоенности этой жизнью! Хрупкій островокъ нашего «нормальнаго» существованія будетъ безъ остатка размытъ въ загробныхъ мірахъ.

Совѣты близкимъ умершаго: оторвать свои чувства и боль отъ тѣлесности, которая пойдеть въ землю, не терзать себя воспоминаніями земныхъ чувствъ и земныхъ радостей, связанныхъ съ умершимъ, а перешагнуть, хотя бы мысленно, съ умершимъ въ тотъ міръ, утѣшаться любовью близкихъ и совмѣстными молитвами, дать отдыхъ своимъ нервамъ и своему тѣлу.

Вотъ истоки грѣха и безумія — хаотическое своеволіе, вмѣсто добровольнаго и свѣбоднаго подчиненія Закону.

Бываетъ такое «стянутое» состояніе души, когда трудно улыбаться, никакой мягкости, нѣжности ни къ кому, однимъ словомъ — «окамененное нечувствіе». Только молитва, особенно церковная, разгоняетъ это состояніе. Оно — обычное для гордыхъ, унылыхъ, самолюбивыхъ, распутниковъ, скрягъ; но въ нѣкоторой степени свойственно всѣмъ вообще — это состояніе грѣха и безблагости, обычное состояніе человѣка. Для души — это уже адъ на землѣ, смерть ея при жизни тѣла и оно есть естественное слѣдствіе грѣха, который буквально «убиваетъ» душу.

Думаю объ очищающемъ и ссвѣщающемъ значеніи пота, слезъ и крови — труда, покаянія и мученичества. Въ нихъ тѣло освобождается отъ своей душевно-животной стихіи и духовная настроенность, не встрѣчая препятствій, охватываетъ всего человѣка; въ этомъ смыслъ того, что Церковь такъ высоко ставитъ мучениковъ, подчеркивая именно пролитіе крови, а также почему въ народѣ такъ почитаютъ убитыхъ на войнѣ.

Часто огорчаешься, замѣчая, что близкіе тебѣ люди, поблекли, постарѣли. Но вѣдь это есть истлѣваніе человѣческой душевной стихіи, которое открываетъ путь подниманію изъ глубины силъ благодатныхъ, духовныхъ. То цвѣтеніе, умаленіе котораго мы съ болью въ себѣ и другихъ видимъ — блескъ глазъ, румянецъ щекъ, грудные мелодичные голоса — все это цвѣтеніе нашей плотско-душевной стороны и оно не цѣнно. Чѣмъ больше внѣшній человѣкъ теряетъ, тѣмъ болѣе внутренній возрѣждается. Но хорошо если такъ, если постарѣніе не ведетъ къ унынію, страху старости и смерти, къ духовному упадку.

Намъ надо быть въ постоянной связи со страдающей частью теперешней Россіи, съ Россіей чудесъ, подвиговъ, мученичества. Связь эта возможна въ созданіи здѣсь тѣхъ же напряженной религіозной жизни — продолженія здѣсь нашей Родины.

Вся наша внутренняя жизнь движется любовью къ Богу. Но откуда взять эту любовь? Всякая наша любовь питается впечатлѣніями отъ любимаго объекта (къ міру, роднымъ). Какъ можетъ удержаться и не завянуть наша любовь, а съ нею и наша вѣра, если она не питается впечатлѣніями? Но какія же впечатлѣнія отъ Бога, котораго «никто не видѣ нигдѣ же?» Мы имѣемъ Христа. Размышленія о Немъ, молитва, чтеніе Евангелія — вотъ пища, питающая нашу къ Нему любовь. Но бываетъ, и очень часто, что для этого сердце наше оказывается слишкомъ грубымъ, невоспріимчивымъ. Тогда надо пытаться обратиться къ житіямъ святыхъ, къ писаніямъ отцовъ — у нихъ тотъ же свѣтъ

Христовъ, но въ смягченномъ, ослабленномъ видѣ, уже прошедшій сквозь призму, хотя и святой, но челсвѣческой души.

Кромѣ прямого вреда для душевнаго здоровья — занятіе теософіей, оккультизмомъ, спиритизмомъ вызывается любопытствующимъ желаніемъ заглянуть въ закрытую дверь. Мы должны смиренно признать существованіе Тайны, и не забѣгать съ задняго крыльца, не подслушивать у дверей. Кромѣ того намъ данъ верховный законъ жизни, прямо ведущій насъ къ Богу — любовь, путь трудный, тернистый и по немъ мы должны нести свой крестъ, не сворачивая на окольные дороги.

Смерть близкихъ — опытное подтвержденіе нашей вѣры въ безкочечность. Любовь къ ушедшему — утвержденіе бытія другого міра. Мы вмѣстѣ съ умирающимъ доходимъ до границы двухъ міровъ — призрачнаго и реального: смерть доказываетъ намъ реальность того, что мы считали призрачнымъ и призрачность того, что считали реальнымъ.

П о с л у ш а н і е должно быть просто — безъ вопросовъ, ропота, извиненія невозможностью — какъ дѣти, какъ ангелы; с м и р е н н о безъ выбора, ставя всякаго выше себя; р а д с т в о — какъ Закхей, какъ апостолы, н е м е д л е н н о и н е п р е р ы в н о.

Грѣхъ — разрушительная сила — и прежде всего для своего носителя; даже физически грѣхъ потемняетъ, искажаетъ лицо человѣка.

Есть путь брака и путь монашества. Третье состояніе — дѣвственниковъ въ міру очень опасно, соблазнительно и не всякому посильно. Кромѣ того такіе и для окружающихъ представляютъ собой опасность: сіяніе и красота дѣвственности, которыя вѣдь въ нѣкоторой степени — «брачное опереніе» (когда не имѣютъ прямого религіознаго смысла) сильно влекутъ къ нимъ и возбуждаютъ несчастныя чувства.

Индивидуализмъ нашего времени создаетъ въ бракѣ особыя трудности. Преодоленіе ихъ — сознательными усиліями двухъ надъ созиданіемъ брака, «хожденіемъ» передъ Богомъ (только Церковь по настоящему, до конца разрѣшаетъ всѣ проблемы). И еще, — самое казалось бы простее, но и самое трудное — рѣшимость занять въ бракѣ каждому свое мѣсто: жень смиренно стать на второе мѣсто, мужу — взять тяжесть и отвѣтственность быть главой. Если есть эта рѣшимость и желаніе — Богъ всегда поможетъ на этомъ трудномъ, мученическомъ («Святіи мученицы»... — во время хожденія вокругъ аналоя), — но и блаженномъ пути.

Сребролюбіе, казалось бы, грѣхъ второстепенный; на самомъ дѣлѣ это грѣхъ чрезвычайной важности — въ немъ одновременно фактическое отверженіе вѣры въ Бога, любви къ людямъ и пристрастіе къ низшимъ стихіямъ. Оно порождаетъ злобу, окаменение, многозаботливость. Пресодолѣніе его есть частичное преодоленіе всѣхъ этихъ видовъ грѣха.

О женщинѣ сказано — «немошный сосудъ» — «infirmior vasa». Эта «немошь» состоитъ главнымъ образомъ въ подвластности женщины природнымъ стихіямъ, въ ней самой и внѣ ея. Въ силу этого — слабый самоконтроль, безотвѣтственность, страстность, слѣпота въ сужденіяхъ. Почти ни одна женщина отъ этого не свободна.

Въ чемъ соблазнъ и ядъ театральности для зрителя, но главнымъ образомъ для актера? — привычка жить, и притомъ напряженно и остро, иллюзорной жизнью, часто много острѣе своей настоящей будничной жизни; созданіе въ себѣ «паразитическихъ личностей (отъ Епиходова до Царя Θεодора Іоан. у Москвина); тщеславіе. Поэтому театръ такъ и опасенъ слабымъ людямъ — снѣ ихъ перемалываетъ безъ остатка.

Слѣпота къ своимъ грѣхамъ — отъ пристрастія. Мы, пожалуй, многое видимъ, но оцѣниваемъ непра-

вильно, извиняемъ, даемъ неправильное соотношеніе: чувство почти инстинктивное. Крайняя важность для спасенія «... зрѣти грѣхи наша». Любить Истину больше себя, отверженіе себя — начало спасенія.

Не помню, кто изъ отцовъ сравниваетъ вниманіе на молитвѣ съ фитилемъ въ лампадѣ. Если продлить сравненіе, то «елеемъ» въ молитвѣ, непремѣннымъ условіемъ горѣнія лампы, будетъ — постоянное покаянное чувство, смиреніе, чистота сердца, безгнѣвіе.

«Не приидеть Царствіе Божіе съ соблюденіемъ — се Царствіе Божіе внутри васъ есть». Не то же ли самое можно сказать о гееннѣ огненной? Не насталь ли уже адъ для многихъ людей.

Жить надо не «слегка», а съ возможной напряженностью всѣхъ силъ и физическихъ и духовныхъ. Тратя максимумъ силъ, мы не «истощаемъ» себя, а умножаемъ источники силъ.

Женщину «имѣвшую духа немощи», по словамъ Христа, «связалъ сатана». Здѣсь указывается еще одинъ источникъ болѣзни — діаволь. Вотъ что можно отвѣтить тѣмъ, кто говоритъ (и я въ томъ числѣ), что надо радсваться болѣзнямъ; какъ всякому несчастью, и не надо просить объ исцѣленіи.

Все яснѣе становится мнѣ, что Православіе — это стихія абсолютной свободы. Боязнь уставовъ, правилъ, боязнь какъ то сграницить себя, боязнь слово, мысль, декорацію поставить раньше или безъ факта, отвращеніе къ пропагандѣ, насилію хотя бы чисто идейному или психическому, боязнь убѣждать — вѣра только въ самую наличность религіозной жизни — все остальное прійдетъ само.

Виды христіанства: 1) Умственно - созерцательное, 2) волевое, дѣйственное (Католичество), 3) умственно - этическое

(Протестантство), и 4) Христіанство, понятое, какъ великая Красота — Православіе. Этому видѣнію отдаются всѣ силы въ-рующаго. Всѣ остальные виды христіанства подчинены этому пониманію. Мнѣніе нѣкоторыхъ (старообрядцевъ), что православіе=богослуженію. Отчасти это правильно — жить максимально теургически, «не выходя изъ Храма». Но здѣсь и опасности — какъ только поблѣднѣетъ этотъ идеаль, человѣкъ остается безъ культуры воли, безъ морали, безъ умственной тренировки. Поэтому — съ крушеніемъ Православія (какъ теперь въ Россіи) — распушенность, имморализмъ, тьма. Человѣческое начало мало воспитано въ православномъ человѣкѣ — особенно въ старо-обрядческомъ его уклонѣ, и потому безъ вѣры онъ впадаетъ въ рабство міру. И все таки — мы не идемъ ни на какое христіанство пониженнаго типа — разсудочное, волевое, этическое. Намъ надо воспитать нашу религіозную волю, поднять культурный и моральный уровень, стать достойными драгоцѣннаго дара, намъ ввѣреннаго.

Одна изъ типичныхъ ошибокъ, ведущихъ къ осужденію, унынію, неправильнымъ оцѣнкамъ — «руссизмъ» въ религіи, мысль, что здѣсь, на нашей землѣ, до всеобщаго суда и осужденія, могутъ быть явленія безукоризненныя — въ насъ, въ людяхъ, въ человѣческихъ соединеніяхъ.

Тогда отъ себя требуешь полной святости и унываешь, находя въ самыя святыя минуты нечистоту въ своемъ сердцѣ, тщеславіе, двойственность; тогда элишься, замѣтивъ въ людяхъ, которыхъ считалъ безукоризненными — малодушіе, лукавство, ложь; тогда отчаиваешься, видя даже въ Церкви Божіей расколы, ссоры, ревность, зависть — разгулъ человѣческихъ страстей.

Между тѣмъ «надлежитъ сему быти», весь міръ зараженъ грѣхомъ; сверху до низу проходитъ страшная трещина — язва растлѣнія и смерти, и никто и ничто не свободно отъ нея. Если въ самой совершенной общинѣ — среди учениковъ Христа, былъ Иуда, то что же намъ ужасаться, что въ русской церкви есть Введенскій, а свой маленькій Иуда, какъ и свой кроткій, духоносный

Іоаннъ и вѣрный, дѣятельный Петръ — есть въ каждомъ приходѣ.

Радость почитанія иконъ въ томъ, что Богъ, «Неописанное Слово» сошло съ небесъ, стало плотію, приняло видъ человѣческой и обитало среди насъ «полное благодати и истины», такъ что мы слышали Его ушами нашими, видѣли своими очами, Его осязали руки наши (1 Іоан., 1, 1).

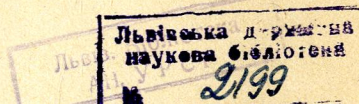
Основная черта нашей религіозности — стремленіе къ святынь въ конкретномъ, осязаемомъ образѣ, жадность къ ней; мы любимъ прикасаться къ ней, лобызать ее, носить у себя на груди, освящать ею наши дома. Этой святыни хотѣли лишить насъ иконоборцы и въ обрѣтеніи ея была радость. Посмотрите, какой холодной и безплотной является вѣра, въ исповѣданіяхъ, отрицающихъ иконы. Явно отрицая иконы, они безсознательно отрицаютъ воплощеніе. Какъ прерождается у нихъ все христіанство, какъ сама Евхаристія, сосредоточіе христіанской жизни, дѣлается у нихъ безплотной и незначительной. Поистинѣ, если у насъ Слово стало плотью, то у нихъ Плоть стала словомъ — божественная Плоть, причащеніе Которой даетъ жизнь вѣчную (Іо. 6), обратилась у нихъ въ слова и разсужденія.

Почему грудна вѣра? До грѣхопаденія люди знали; грѣхъ скрылъ отъ нихъ Бога и вѣра есть преодоленіе этой пелены грѣха между нами и Богомъ.

Очищеніе отъ грѣха приводитъ отъ вѣры къ знанію.

Кто даетъ волю добруму движенію своего сердца, тотъ обогащается прежде всего самъ — въ его душу входитъ свѣтлая цѣлительная сила, радость, миръ, врачующіе всѣ болѣзни и язвы нашей души. Жестокосердый наоборотъ — онъ сжимаетъ свое сердце, онъ впускаетъ въ него холодъ, вражду, смерть.

...Прошло нѣсколько дней и я едва могу вспомнить — и то не внутренне, а внѣшне — то необычайное ощущеніе, которое было у меня во время положенія въ гробъ.



Всегда это самый ужасный, безобразный даже моментъ: служащіе похороннаго бюро, для которыхъ возня съ умершимъ человѣкомъ — надобная обязанность службы, тащутъ его съ постели, тѣло безпомощно обвисаетъ, голова болтается, — и впи-хиваютъ его въ гробъ. Родныхъ въ это время высылаютъ изъ комнаты и хорошо дѣлаютъ.

Сейчасъ было иначе: постороннихъ не было никого, священникъ съ зажженной свѣчей молился про себя, а близкіе подняли почившую и осторожно опустили въ гробъ.

На нѣсколько секундъ я испыталъ совершенно необычайное состояніе: я опредѣленно выступилъ изъ себя и со стороны, а вмѣстѣ и какъ участникъ, переживалъ все, какъ безусловно правильное, какъ какую то икону, частью которой былъ и я. Боюсь теперь передать что либо невѣрно: это было похоже на святое воспріятіе міра. Такъ дѣти и праведники воспринимаютъ Церковь, — храмъ и службу, какъ что то совершающееся одновременно въ двухъ мірахъ (слова одного мальчика — «Богъ, какъ будто обнялъ и держитъ въ Своихъ рукахъ весь храмъ»).

Въ болѣе слабой степени — это эстетическое воспріятіе міра, когда видишь его райски преображеннымъ...

Я такъ чувствую въ самолюбіи, съѣдающемъ души, разрушающемъ семьи, губящемъ всякое общее дѣло настоящее дыханіе діавола. Для христіанина было бы достаточно словъ апостольскихъ «почему бы вамъ лучше не оставаться обиженными» (1 Кор. 6, 7); но хитрый человѣческій умъ сейчасъ же находитъ лазейку, что, молъ, онъ горячится не о себѣ, а о справедливости и т. д. Вообще, какъ трудно Богу съ людьми, какъ упорно они строятъ адъ, какъ не хотятъ они свѣта и блаженства. Чѣмъ, больше живешь, тѣмъ убѣдительнѣе видишь какъ силенъ сатана...

Рожденіе мистично — къ намъ приходитъ вѣстникъ изъ другого міра. Смерть близкихъ еще сильнѣе будитъ въ насъ мистическія чувства — уходя отъ насъ, они изъ ткани нашей души протягиваютъ за собой длинный проводъ и мы уже не мо-

жемъ жить только этимъ міромъ—въ нашъ теплый, уютный домъ поставленъ телефонный аппаратъ въ Безконечность.

Зло не есть дурная привычка, неправильная установка души, — снo есть, точно, наитіе діавольской силы. Особенно ясно это въ переживаніи чувства злобы.

Дѣла плоти извѣстны — идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія ереси и т. д. Что общаго съ плотью въ этихъ грѣхахъ? — Особое состояніе въ тѣлѣ, томленія, напряженія, волненія крови. Законъ Джемса Ланге многое здѣсь объясняетъ. Огромно значеніе также тѣлесныхъ процессовъ во всѣхъ нашихъ душевныхъ переживаніяхъ — въ грѣхѣ и въ молитвѣ.

«Mania grandiosa» неизбѣжно вырастаетъ изъ замкнутости въ себѣ. Гаснутъ кругомъ всѣ масштабы, и «я», распускаясь и увеличиваясь, вырастаетъ до предѣловъ сумасшествія.

«Нервность» въ какомъ то смыслѣ есть психофизическое условіе святости. Тѣло утонченное, трансформированное слезами, постомъ, болѣзнями, трудами, дѣлается болѣе способнымъ къ воздѣйствію духовныхъ благодатныхъ силъ. Но оно же дѣлается болѣзненно чувствительнымъ къ грубому вещественно плотскому міру, и реакція его на міръ — есть нервность.

Святой минусъ его святость есть невропатъ (крылатое слово одного доктора, посѣтившаго Аеоны — «ну, они всѣ тамъ неврастеники»).

Святой павшій и потерявшій свою святость становится легкой добычей бѣсовъ; вотъ почему отцы Церкви утверждаютъ, что возвращеніе обратно отъ духовнаго пути опасно, чѣмъ состояніе внѣ - религіозное. Вотъ чѣмъ опасны постъ и аскетизмъ, не регулируемые опытнымъ лицомъ и лишены молитвеннаго наполненія.

Черная «благодать». У людей злобныхъ наблюдается

приливъ особыхъ силъ, возрастаніе энергіи почти безпредѣльное. Если правильно, что «будь только человекъ добръ и никто не сможетъ ему воспротивиться», то вѣрно также и то, что будь человекъ золь, — очень трудно воспротивиться и этой силѣ (большевики). Если человекъ отдался во власть злобнымъ настроеніямъ, то онъ въ своей душѣ отверзъ входы демонскимъ силамъ.

Глава 2-я посл. къ Евреямъ не о вѣрѣ, какъ думаютъ многіе комментаторы, а объ искушеніяхъ въ вѣрѣ.

Ихъ два: лицепріятіе и вѣра безъ дѣлъ.

Есть два смысла слова «вѣра»: довѣріе — у патріарховъ къ Бгу, у испѣляемыхъ; увѣренность въ опредѣленныхъ истинахъ.

Есть еще и третье, сложный комплекс — особаго типа духовная внутренняя жизнь + міровоззрѣніе. «Многіе покорились вѣрѣ» (Дѣян. 3, 7), «отверзъ двери язычникамъ» (Д. 14, 27), «вѣра дѣйствующая любовію» (Гал. 5, 6).

Для мудрости необходимо приготовить свою душу къ принятію «насаждаемаго слова» — въ молчаніи, кротости, собранности и чистотѣ.

Противное этому: распушенность языка (вмѣсто молчанія и слушанія), распоясанная эмоціональность («скорь на грѣхъ»), нечистота, злоба, отсутствіе глубины, забывчивость.

Есть люди чудеснаго, райскаго типа, съ душой до грѣхопаденія, дѣтски простые и непосредственные, чуждые всякой лжи и злобы. И это не какъ результатъ какой нибудь борьбы съ собой, усилій — такими они и рождаются — людьми безъ грѣха. И странно, что постоянно эти люди стоятъ внѣ Церкви, даже иногда совсѣмъ обходятся безъ религіи. Они слишкомъ просты и цѣльны, чтобы богословствовать и слишкомъ стыдливы и цѣломудренны, чтобы выражать свои чувства какими нибудь словами или знаками (обрядъ). Въ религіи самое важное не вѣра, а любовь къ Богу, а Бога они любятъ, потому что любятъ Красоту,

Добро, Истину — а это все стихии Божества. Сколько есть людей, утверждающих, что они вѣрующіе и не имѣющихъ этого чувства Красоты, Добра, со злобой и грѣхомъ въ душѣ, съ полнымъ безразличіемъ къ Истинѣ, такъ какъ ее вполне для нихъ замѣняютъ полторы дюжины маленькихъ истинъ, за которыя они самолюбиво держатся. А тѣ — простыя и вѣрныя души, живущія и на землѣ въ радости — послѣ смерти, я увѣренъ, прямо идутъ въ Царство Свѣта и Радости, какъ «подобное всегда стремится къ подобному» и въ обществѣ святыхъ — простыхъ и блаженныхъ душъ — они чувствуютъ себя, какъ въ своей родной стихии. Мы, такъ называемые «вѣрующіе», говоримъ: «пойду» и не идемъ, а они вѣдь и не говорятъ «не пойду», а просто исполняютъ волю Отца.

Текстъ «... возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною» — по латыни: «et tolle crucem suam cotidie et sequatur me» тутъ есть словъ, упущенное въ русскомъ переводѣ — „cotidie” (ежедневно).

Мысль о е ж е д н е в н о м ъ несеніи своего креста.

Истинная любовь переживаетъ, какъ измѣну и грѣхъ противъ любимаго человѣка всякое наслажденіе, всякое сильное впечатлѣніе, пережитое врозь, всякое общеніе съ другими людьми — даже принятіе пищи, приготовленной чужими руками.

Въ любви — дѣйствительное, реальное слитіе воедино; отсюда и эта боль всякаго раздѣленія, всякаго небытія воедино.

Юношеская запутанность и сложность, гамлетизмъ, обычно происходятъ отъ слѣдующаго: талантливый юноша (рѣже дѣвушка), съ умомъ и фантазіей, съ сильной впечатлительностью — подъ вліяніемъ книгъ, примѣровъ, людей, въ результатъ работы ума и фантазіи, создаетъ въ себѣ параллельныя личности, гардеробъ костюмовъ и масокъ, которые въ концѣ концовъ — какъ ларвы — утѣсняють основное ядро личности и паразитируютъ на немъ. Отсюда — сложность, запутанность, неизбежная лживость, потеря своей личности. Съ трудомъ приходится

потомъ настоящей личности отыскивать себя въ толпѣ этихъ приживаловъ и пробираться сквозь ихъ галдящую пеструю толпу. Заморить ихъ можно невниманіемъ, пренебреженіемъ, простотой, суженіемъ круга интересовъ. Почти невозможно это безъ помощи друга или духовника, такъ какъ настоящая личность можетъ оказаться до того забитой и затертой, что ее не отыщешь и неопытный человѣкъ можетъ начать укрѣплять одну изъ ларвъ. Отсюда обычно — запутанная жизнь, неправильно выбранная карьера; въ худшемъ случаѣ — сумасшествіе.

На обычное требованіе невѣрующихъ — немедленно, тутъ же «доказать»: — вы не будете доказывать какую нибудь истину научную, математическую, пьяному человѣку; такъ и здѣсь. Вытрезвитесь отъ вашего опьяненія мірсмъ, суетой, заботами, тщеславіемъ — тогда можно начать говорить, и вы получите возможность понимать. «Въ лукавую душу не войдетъ премудрость».

Привычное чувство единственности этого міра — есть полное невѣріе въ «Царство Небесное». Скорбь по умершему — невѣріе, язычество. Надо прійти къ христіанскому ощущенію реальности Царства Небеснаго.

Зрѣлище смерти всегда поучительно. Какая бы она ни была, она всегда—чудо и таинство. Наша мысль, а если это близкій человѣкъ, — наша любовь, вмѣстѣ съ умирающимъ, какъ будто переступаетъ черезъ эту грань, заглядываетъ въ иной міръ и удостоверяется въ его существованіи. Я испыталъ это впервые, когда кто то при мнѣ раздавилъ ногой и растеръ «въ небытіе» уховертку. Тогда впервые у меня стало отчетливое чувство, что ничего нельзя уничтожить, что это бессмыслица, непереносимая нашимъ умомъ и духомъ, что даже уховертка перешла въ другой міръ, исчезла изъ нашего плана бытія, но не уничтожилась.

Почему правая твоя рука не должна знать, что дѣлаетъ лѣвая? — потому что лучшая провѣрка сдѣланнаго добраго дѣ-

ла: «была ли при этомъ оглядка на себя». Если была — значить — безъ любви, или съ малой любовью. Доброе дѣло, сдѣланное отъ полноты сердца обнаруживается тогда, если тебѣ все равно, узнають ли кругомъ объ этомъ.

...Въ молитвы близкихъ и отшедшихъ я очень вѣрю; иногда только Господь, хотя и слышитъ наши молитвы, но медлитъ намъ помочь, по извѣстнымъ Ему причинамъ.

Можно быть ангельски добрымъ съ тѣми, кто относится къ тебѣ съ довѣріемъ, любовью. Но стоитъ натолкнуться на злобу, осужденіе, враждебность — и доброта переходитъ въ чувство обратное. Это явно показываетъ на полное безсиліе передъ зломъ и прежде всего — передъ зломъ въ себѣ; зло — это наше самолюбивое раздраженіе, которое поднимается въ насъ навстрѣчу чужой критикѣ. Укоры, критика, — горькое лекарство нашему тщеславію, нашему довольству собой.

Всякое удовольствіе, наслажденіе принижаетъ, духовно разслабляетъ, обезоруживаетъ душу. Одно изъ правилъ, доминиканцевъ — отнимать у мснаха работу, чуть онъ ею увлекся.

Всегда съ усиленіемъ напряженія, трудовъ возростаешь и духовная сила.

Молясь о дорогихъ умершихъ, мы упражняемся въ ощущеніи нереальности этого міра (ушла его дорогая намъ часть) и реальности міра потусторонняго, дѣйствительность котораго утверждается нашей любовью къ отшедшимъ.

Мысли въ Рождественскій Сочельникъ.

Радость вѣры въ чудо и радость созерцанія чуда въ противоположность кошмару и тяжести признанія незыблемости законовъ природы.

Чѣмъ больше старѣешь, тѣмъ больше пріучаешься цѣ-

нить прочность дружескихъ отношеній въ этомъ непрочномъ, невѣрномъ, призрачномъ мірѣ.

Опредѣлить и формулировать свою боль часто обозначаетъ и избавленіе отъ нея (объясненіе почему рефлектирующія особи обладаютъ слабыми чувствами).

Культура создалась творчествомъ человѣчества не только не по Божьему закону, но часто и противъ него; она отличалась въ неразстворимыя, крѣпкія, антибожескія формы — въ нихъ заложена чужая и враждебная намъ душа.

Какъ же разрѣшить этотъ вопросъ намъ, желающимъ жить по Божьи, но и не уходя изъ міра? — Индивидуальное рѣшеніе болѣе легко — итти въ міръ не теряя себя, храня сердце отданнымъ Христу, жить максимально церковью, не слишкомъ многое себѣ прощая.

Для общества рѣшеніе это много труднѣе.

Католичество даетъ намъ примѣръ энергичнаго «взнузданія» міра, принужденія міра жить по церковному; міръ — слуга Церкви.

Но думаю, что вопросъ этотъ не разрѣшимъ силами индивидуальными и даже церковными. Здѣсь выступаетъ необходимость царства, которое мы потеряли.

Міръ безоружными намъ не пройти; это гордыня, мы должны пользоваться орудіями міра сего. Намъ надо смиренно признать государственность, внѣшніе методы воздѣйствія на міръ. То, что мы потеряли Россію, не только политическая ошибка, но грѣхъ противъ Церкви (не кончено)....

У насъ чисто православное аскетическое чувство «трезвости», въ противовѣсъ «духовному пѣянству» — сладости, «пріятности» — въ этомъ одно изъ нашихъ отличій отъ католичества.

За религію у насъ часто принимаютъ неопредѣленную смѣсь изъ дѣтскихъ воспоминаній, сентиментальныхъ чувствъ,

испытываемыхъ иногда въ церкви, крашенныхъ яицъ и кулича на Пасху. Какъ дать почувствовать хотя бы, — крестный путь грѣшной нашей души къ Богу.... (не кончено).

Когда исполнятся времена и сроки, когда наступить міровая осень и Богъ пошлетъ ангеловъ на жатву — что найдутъ они на безплодныхъ поляхъ нашихъ сердець? А вѣдь эти времена и сроки наступаютъ для каждого изъ насъ еще до времени общей жатвы.

Но не будемъ унывать. Смотрите, съятель все таки съетъ и на камень и въ терніе и при дорогѣ. Значить есть у него какая то надежда даже на такія поля. И мы знаемъ изъ житій святыхъ, какъ часто душа, которая казалась окончательно засоренной грѣхомъ, ослѣпленной страстями, и упорной во злѣ, становилась почвой глубокой, полной плодотворныхъ силъ, чистой отъ вредныхъ примѣсей и чужеродныхъ сѣмянъ.

Не нужно думать, что есть только одинъ видъ богатства — деньги. Можно быть богатымъ богатствомъ молодости, имѣть сокровище таланта, дарованій, обладать капиталомъ здоровья — всѣ эти богатства — тоже препятствія къ спасенію.

Богатство матеріальное поработываетъ насъ, обостряетъ нашъ эгоизмъ, смущаетъ наше сердце, гнететъ насъ заботами, страхами, требуетъ жертвъ себѣ, какъ ненасытный демонъ. Не оно служить намъ, а мы обычно служимъ ему. Но не то же ли и съ богатствами здоровья, силы, молодости, красоты, таланта? Не такъ ли и они усиливаютъ нашу гордость, берутъ въ плѣнъ наше сердце, отводя его отъ Бога.

Да, поистинѣ блаженны нищіе въ смыслѣ имущества — какъ легко имъ приобрести евангельскую легкость духа и свободу отъ земныхъ путъ, но блаженны и не имѣющіе здоровья и молодости (потому что «страдающій плотію — перестаетъ грѣшить»), блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники — они не имѣютъ въ себѣ главнаго врага — гордости, такъ какъ имъ нечѣмъ гордиться.

Но какъ же быть, если Богъ послалъ намъ то или иное изъ

всѣхъ земныхъ богатствъ? Неужели мы не спасемся, пока не освободимся отъ него? — Можно оставить при себѣ (но не для себя) свое богатство и спастись; но только надо внутренне освободиться отъ него, оторвать отъ него свое сердце, владѣть своимъ богатствомъ, какъ бы не владѣя, обладать имъ, но не давать ему обладать собой, принести его къ ногамъ Христа и послужить Ему имъ.

Если мы видимъ грѣхъ, значить сами причастны къ нему, и именно къ этому грѣху. Осуждаетъ ли ребенокъ кого за развратъ? Онъ его не можетъ видѣть. То, что мы видимъ — мы отчасти и мѣемъ.

Иногда у стариковъ душа будто постепенно умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Это впечатлѣніе оскуднѣнія души происходитъ оттого, что тѣло, дряхлѣя, перестаетъ быть достаточнымъ выразителемъ души. Происходитъ то, что бываетъ въ переводныхъ картинкахъ — намоченная бумажка даетъ слабый счеркъ какого-то рисунка (жизнь); потомъ постепенно мы эту бумажку (тѣло) отдираемъ (болѣзнь, старость). Рисунокъ исчезаетъ по частямъ; потомъ онъ исчезаетъ совсѣмъ (смерть). Въ рукахъ нашихъ чистая бумажка (мертвое тѣло), но взглянувши подъ нее, мы видимъ яркій рисунокъ (жизнь будущего вѣка).

Наше нечувствіе, слѣпота, равнодушіе къ грѣху — это и есть то духовное разрушеніе, которое является послѣдствіемъ грѣха, — смерть души.

Планъ (давно обдуманый) работы о памяти и безпамятствѣ.

Значеніе, моральное и религіозное, памяти: благодарность, покаяніе.

Слабая память, думается, одинъ изъ признаковъ грѣховнаго состоянія; въ ней заключаются слѣдующія грѣховныя свойства — неспособность къ духовному усилію, разсѣянное вниманіе и недостаточная любовь. Представимъ ли «безпамятный» святой?

Конечно нѣтъ, потому что у него — активное отношеніе ко всему, сосредоточенное вниманіе, любовь ко всему. Слабая память—узкому сознанію. Съ другой стороны — строго значеніе слабой памяти, безпамятства. Частичная потеря памяти — часто прямая выгода для духовной жизни. Оно освобождаетъ отъ мірскаго, отъ груза ассоціацій, воспоминаній, знаній, даетъ возможность быть вполне непосредственнымъ, значить — искреннимъ, значить — гениальнымъ; оно даетъ возможность жить данной минутой, даннымъ дѣломъ, даннымъ человекомъ, — быть «какъ дѣти»; воспринимать все, какъ новое, свѣтлыми глазами смотрѣть на міръ. Безпамятство — преодоленіе времени, забвеніе обидъ, облегченіе послушанія, забвеніе своихъ заслугъ, пріобрѣтеніе простоты. Все равно — память хранить все на свѣтѣ — и только временно отказывается воспроизводить. Безпамятный, когда то многоученный старецъ похожъ на пассажира, сдавшего свои чемоданы въ багажъ и налегкѣ ожидающаго поѣзда. Придетъ время, суровые таможенники вскроютъ его чемоданы и онъ ужаснется ихъ содержимому.

«Мнѣшествомъ Славы стерлъ еси супостаты» — вотъ методъ религіозной борьбы, единственный — уничтожать, «стирать» супостатовъ обиліемъ, мощностью божественнаго сіянія.

Плохо не имѣть дурные помыслы, а поддаваться имъ. Въ нихъ мы не вольны, такова наша природа, помраченная грѣхомъ; помыслы имѣли и святые. Наше вольное слѣдованіе помысламъ или борьба съ ними — вотъ гдѣ наша побѣда или пораженіе.

Ничто изъ сотвореннаго Богомъ не есть зло; мы сами извращаемъ, претворяемъ въ зло и самихъ себя и все кругомъ себя; на этотъ поворотъ ко злу есть наша свободная воля.

...Въ этомъ, можетъ быть, есть маленькая надежда — что какъ бы мы ни были немощны, духовно слабы, грѣхолобивы,

но Христосъ остается для насъ незыблемой, вѣчножеланной святыней, къ которой мы всегда будемъ возвращаться.

Постоянное наше самооправданіе — это, молъ, еще грѣхъ не великъ, и самоувѣренная мысль — «до большаго себя не допущу». Но горькій опытъ всѣмъ намъ много разъ показалъ, что разъ н а ч а т ы й грѣхъ, особенно — разрѣшенный себѣ — овладѣваетъ человѣкомъ и возвратъ отъ него почти никому не посиленъ.

Ходятъ среди насъ живые мертвецы, со смертью души прежде смерти гѣлесной, не имѣющіе и надежды на ея воскресеніе, такъ какъ *злѣсь* мы подготовляемъ себѣ жизнь будущаго вѣка — и есть души, уже какъ бы воскресшія до смерти тѣла, — дѣломъ, опытомъ, любовью доступныя вышей жизни духа.

Въ нашемъ сумрачномъ мірѣ даже сіяніе всякой добродѣтели отбрасываетъ тѣнь: смиреніе — малодушіе и лукавство; доброта — несправедливость; правдолюбіе — грубость и требовательность. Мы же, склонные видѣть всегда худшее, видимъ прежде всего, а иногда и только — тѣни. Для нашихъ грѣшныхъ глазъ — кроткіе слабы и непросты, молитвенные — эгоистичны и сухи, щедрые и нестяжательные — безхозяйственны и моты, созерцатели — лѣнны. Способность видѣть во всемъ, даже въ хорошемъ темную сторону показываетъ не столько наличіе этой темноты, тамъ гдѣ мы ее видимъ, какъ точно обличаетъ нашу темноту и общую грѣховность.

Надо не только переносить невзгоды, но и видѣть въ нихъ руку Властителя судебъ.

..... скажу Вамъ, къ чему я давно пришелъ изъ чтенія св. отцовъ: періоды скудости вполне естественны и ихъ надо переносить съ терпѣніемъ и благодушіемъ. Эти періоды укрѣпляютъ въ насъ смиренную мысль о нашемъ безсиліи и принуждаютъ всѣ надежды на оживленіе нашего сердца возлагать на Бога.

Жизнь идетъ негладко и эта «негладкость» дѣлается уже какой то привычной нормой: наше бывшее благополучіе такъ далеко (и внутренне далеко, не только внѣшне), что даже не вздыхаешь о немъ. Конечно, это общее мѣсто, давно всѣмъ извѣстное, особенно намъ, русскимъ, что страданія полезны для души; но я недавно какъ то по новому пережилъ этотъ трагизмъ. Наши трудности и горести, если мы ихъ несемъ добровольно (соглашаемся на нихъ) питаютъ и укрѣпляютъ душу, они непосредственно превращаются въ богатства духовныя — «кратковременное страданіе производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу» (2 Кор. 4, 16-17); это благодатный вѣтеръ, надующій паруса нашего духа...

Важна не «праведность» сама по себѣ, — праведны были и фарисеи, но ложной праведностью (основанной не на томъ, на чемъ надо, т. е. на любви, вѣрѣ), праведностью наружной, надменной, лсжной, трижды неправильной. Всѣ добродѣтели безъ смиренія ничто.

Какова наша праведность, поскольку она у насъ есть, — не совмѣщается ли она съ грѣхомъ? Не формальна ли она, не тщеславна ли?

Зло и добро не есть совокупность добрыхъ или злыхъ поступковъ; это злая или добрая сила, владѣющая человѣкомъ. Безмѣренъ этотъ напоръ зла, сила этого злого начала. Мало имѣютъ значенія (религіознаго) поступки сами по себѣ. «Хорошіе» по результату дѣла (накормить, помочь и т. д.) могутъ быть злыми по существу, исходя отъ человѣка, одержимаго зломъ; и неудачныя, глупыя, даже вредныя дѣла могутъ добрыми — исходя изъ добраго источника, имѣя добрыя побужденія.

Велика сила смиренія. Смирненіе и вѣра нераздѣльная пара: если есть смиреніе, значить есть знаніе, ощущеніе Божьяго богатства, изобилія, силы. Кто имѣетъ смиреніе — имѣетъ все.

Часто мы не грѣшимъ не потому, что побѣдили грѣхъ,

внутренно его преодолѣли, а по внѣшнимъ признакамъ — изъ чувства приличія, изъ страха наказанія и проч.; но и готовность на грѣхъ — уже грѣхъ сама по себѣ.

Но внутренній грѣхъ, не исполненный все-таки менѣе совершеннаго: нѣтъ укорененія въ грѣхѣ, нѣтъ согласія другимъ, нѣтъ вреда другимъ. Часто есть пожеланіе грѣха — не нѣтъ согласія на него, есть борьба.

Вотъ ступени по которымъ грѣхъ входитъ въ насъ — образъ, вниманіе, интересъ, влеченіе, страсть.

Жизнь наша не идетъ плавно и равномерно. Она идетъ, какъ всякій живой процессъ, какъ жизнь природы моментами упадка и возвышенія. Постъ — періодъ духовныхъ усилій. Если мы не можемъ отдать Богу всю свою жизнь, то посвятимъ Ему безраздѣльно хоть періоды постовъ — усилимъ молитву, умножимъ милостыню, укротимъ страсти, примиримся съ врагами.

Мы дѣлаемъ добрыя дѣла, очищаемъ свое сердце и приближаемъ себя къ Богу не изъ за награды, а изъ любви къ Богу. Однажды я спросилъ себя, — остался ли бы я со Христомъ, если бы я зналъ навѣрное, что діаволь побѣдитъ Бога? и отвѣтилъ безъ колебанія, — конечно остался бы; гдѣ же тутъ эгоизмъ?

Minderwertigkeitsgefühl — есть та же «гордость», то же обращеніе всего вниманія на себя, эгсцентризмъ, только подъ другимъ видомъ. Смиренному и простому не придетъ въ голову ни манія величія, ни страданія отъ своего ничтожества.

Пугаетъ теченіе времени — когда стоишь на мѣстѣ. Надо погрузиться въ глубину, гдѣ время безразлично.

Самая острая скорбь объ умершемъ есть скорбь о себѣ, эгоистичная, личная боль. Праведные, смиренные, святые не скорбятъ.

Въ нашемъ земномъ мірѣ есть различныя степени вещественности, тѣлесности — земля, вода, воздухъ, огонь... Следовательно тѣлесность понятіе о т н о с и т е л ь н о е. Это можетъ помочь намъ хоть отчасти постигнуть тайну Преображенія, провидѣть тайны будущаго вѣка.

Можно прожить, и живутъ многіе, всю жизнь слабой чьей-то тѣнью, копіей. Самый первый примитивный смыслъ существованія — быть самимъ собой, возвышаясь до преобразованія себя въ «образъ и подобіе Божіе».

«Не прелюбы сотвори» — (οὐ ρεχθήσεαι распорядиться чужимъ). «Пре-любы» — любовь, преступающая законы. Чисто или не чисто не вещь или дѣйствіе само по себѣ, а смѣшеніе и нарушеніе; навозъ въ полѣ, гдѣ онъ — радость хозяина изъ него хлѣбъ; или на столѣ, напр., гдѣ онъ — безчинство.

Для чего просить, разъ «знаетъ Отецъ»? (Молитва «Отче нашъ» и другія).

— Тутъ нашъ сознательный поворотъ къ Богу, смиреніе, чувство связи и зависимости; кромѣ того — важность «выговариванія», общенія.

О посмертной судьбѣ не-христіанъ: «тѣ, которые, не имѣя закона, согрѣшили, внѣ закона и погибнуть...» (Римл. 2, 12). Значить, тѣ, которые внѣ закона не согрѣшили — будутъ оправданы? — вѣдь они (стихъ 15) имѣютъ «законъ написанный въ сердцахъ ихъ» и «совѣсть».

Всякое грѣхопаденіе, невольное или сознательное, уступка грѣху — даетъ явное ощущеніе смерти души. Особенно это явно, когда мы р а з р ѣ ш а е м ѣ себѣ грѣхъ.

Въ обѣтѣ находится и частичное принятіе страданія, посланнаго намъ, и согласіе на него: Ты, Господи, посылаешь страданіе для нашего вразумленія, я прошу замѣнить его другимъ

— исцѣли моего ребенка и я обѣщаю понести это страданіе въ другой формѣ — поста, богомолія, иного псдвига духовнаго или физическаго.

Потъ, слезы, кровь... Если проливается потъ съ внутреннимъ противленіемъ, злобой, проклятіями; если слезы — отъ боли, обиды, злобы; если кровь — безъ вѣры, то ничего добраго душа не пріобрѣтаетъ.

То же самое, когда происходитъ съ послушаніемъ, съ покаяніемъ, съ вѣрою, — очищаетъ и возвышаетъ насъ.

У меня недовѣріе къ основному методу всякаго богословствованія (хоть это и методъ св. отцовъ); всѣ симметрическія построенія, гипотезы и т. п. дѣлаются съ явными натяжками. Я бы прямо сказалъ: если нашему грѣшному уму какая либо богословская истина кажется логичной, симметричной и т. п., значитъ она не истина: *credo, quia absurdum*; и я предпочитаю оставаться при евангельскихъ абсурдахъ, чѣмъ съ философскими композиціями, которыя тѣмъ подозрительнѣе, чѣмъ онѣ красивѣе.

Иудеи не повѣрили, несмотря на то, что имѣли свидѣтельства самого Христа, Предтечи, самихъ дѣлъ Христовыхъ, свидѣтельства св. Писанія, — наконецъ голосъ съ неба — свидѣтельство Отца. Не повѣрили, потому, что «не имѣли любви къ Богу». Вотъ секретъ всякаго невѣрія: если нѣтъ любви къ Богу, то ни прямой голосъ съ неба («галлюцинація»), ни внутреннее озареніе («психозъ, манія»), ни свидѣтельства самыя достовѣрныя ничего не сдѣлають.

И обратно, если есть любовь къ Богу, если знаешь, что въ Немъ твоя истинная жизнь, то не нужны никакія доказательства, т. к. *сама эта любовь есть доказательство*. Если противъ этого будетъ вся философія, законы логики и самоочевидность, — я все же предпочту остаться съ моей любовью, противъ логики, противъ очевидности. Вѣра не есть очевидность, она есть вы-

борь: вотъ передъ тобой жизнь и смерть, проклятіе или благословеніе, — «избери жизнь, чтобы жилъ ты и потомство твое».

Наша способность видѣть въ людяхъ грѣховную ихъ сторону — есть нашъ грѣхъ, наша нечистота.

Всякое духовное усиліе, всякое добровольное (и даже не добровольное) лишеніе, отказъ, жертва, страданіе — обмѣниваются немедленно на духовныя богатства внутри насъ. Чѣмъ больше теряешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь. Горе счастливымъ, сытымъ, смѣющимся — они оскудѣютъ до полной духовной нищеты. Мужественная душа инстинктивно ищетъ жертвы, случая пострадать, и духовно крѣпнѣетъ въ испытаніяхъ. Мы должны просить Бога, чтобы Онъ далъ намъ испытанія и почти печалиться, когда живемъ благополучно. Дѣти, выросшія въ теплѣ, нѣгѣ и сытости, вырастаютъ духовно пустыми. Наоборотъ — прошедшія черезъ болѣзни, нищету — вырастаютъ духомъ, «ибо кратковременное страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу» (2 Кор. 4,6).

Почему надо «подавать» всякому нищему, не входя въ разсмотрѣніе его достоинствъ, и даже, если знаешь, что онъ недостойный человѣкъ: кромѣ того, что дающій обогащаетъ себя духовно, а запирающій свое сердце и кошелекъ — грабитъ самого себя, — кромѣ этого, отказывая въ милостынѣ, особенно у самыхъ вратъ церковныхъ, мы наносимъ тяжкій вредъ просящему, поселяемъ въ него злобу, убиваемъ вѣру, возбуждаемъ ненависть къ богатымъ, сытымъ, религіознымъ.

Мораль въ христіанствѣ не то, что дѣло второстепенное, но въ в о д н о е. Иного порядка нравственность, не вытекающая естественно изъ полноты нашей религіозности; она есть или просто добропорядочность, или дѣло инстинкта, или — очень часто — нестерпимая фальшь.

Чѣмъ больше человѣкъ будетъ, забывая себя и свое,

отдавать свое сердце Богу, дѣлу и людямъ, тѣмъ легче будетъ ему становиться, пока онъ не достигнетъ мира, тишины и радости —удѣла простыхъ и смиренныхъ душъ.

Есть люди, которые, какъ будто не вѣря въ Бога, «жить морально, дѣлая добро». Большею частью это ложная мораль и фальшивое добро, изнутри отравленное скрытымъ тщеславіемъ и гордостью. Если же это — чистое Добро, то эти люди, сами того не зная и не умѣя назвать Бога, «прикасаются къ Его ризѣ».

Если понять слова Апостола о признакахъ вѣры (Мк. 16) въ томъ смыслѣ, что *каждый* вѣрующій обладаетъ всеѣми этими признаками, то можно придти въ полное уныніе: ясно тогда, что вѣры въ насъ нѣтъ. Можетъ быть, утѣшеніемъ будетъ объясненіе Ап. Павла о различныхъ дарахъ Духа Святого (I-ое Кор. 12): «Одному дается слово мудрости, другому слово знанія,... иному дары исцѣленія...»

Святость и познаніе даются соборностью. Невѣдѣніе и грѣхъ — удѣлъ отдѣльныхъ особей. Лишь въ церковномъ единеніи — преодоленіе того и другого. Человѣкъ находитъ въ Церкви самого себя, но не въ безсиліи своего духовнаго одиночества, а въ силѣ своего единенія съ братьями и Спасителемъ. Церковь есть живой организмъ, объединенный взаимной любовью, составляющій абсолютное единство во Христѣ живыхъ и мертвыхъ.

Отъ радостныхъ картинъ вѣры евангельской, обращаясь къ себѣ, мы испытываемъ смущеніе. Мы не только не двигаемъ горами, но мы не имѣемъ и того спокойствія, устойчивости, радости, которая даетъ вѣра; уныніе, страхъ, смятеніе сердца — наши обычные состоянія. И въ отчаяніи мы часто просимъ дать хоть какія-нибудь доказательства, ничтожный знакъ присутствія Божія около насъ, — хоть намекъ на благое Его промышленіе о насъ.

Но ожиданіе доказательствъ бытія Божія есть отказъ отъ подвига вѣры.

Богъ не принуждаетъ и не насилуетъ насъ. Вѣра есть актъ свободной избирающей любви.

Но, скажемъ мы, Господь давалъ Оомѣ свидѣтельства Своего бытія. Для грѣшныхъ душъ и это не помощь — можно видѣть и не вѣрить — какъ фарисеи. И мы имѣемъ чудеса, совершенныя въ наше время (чудесныя исцѣленія, семейныя чудеса, случаи изъ нашей жизни, которые иначе, какъ чуде, истолковать нельзя). Помоги же намъ Господь воспоминаніями о безчисленныхъ проявленіяхъ любви Бога къ намъ, утвердиться въ вѣрѣ, отъ нея же сила, радость и миръ.

Въ бракѣ праздничная радость перваго дня должна продлиться на всю жизнь; каждый день долженъ быть праздникомъ, каждый день мужъ и жена должны быть новы и необыкновенны другъ для друга. Единственный путь для этого — углубленіе духовной жизни каждаго, работа надъ собой.

Для воспитанія дѣтей — самое важное, чтобы они видѣли своихъ родителей живущими большой внутренней жизнью.

Надо избѣгать нервовъ и декламациі въ церковномъ чтеніи. Уставное чтеніе — монотонность, модуляціи, ничего не подчеркивающія, чтеніе, ставящее слушателей лицомъ къ лицу со святыми словами, — это все та же православная свобода: чтецъ, священникъ никого никуда не тянетъ, не даетъ своей интерпретаціи, которыхъ, вѣдь, можетъ быть безконечное множество.

Почему Церковь молчитъ о загробномъ мірѣ? — Человѣкъ живетъ, мыслить и чувствуетъ въ условныхъ формахъ пространства и времени. Въ этихъ формахъ мы не можемъ ни мыслить, ни говорить.

Потустороннее живетъ иными формами. Если будемъ говорить о немъ, мы будемъ говорить плотскимъ языкомъ. Вотъ откуда «цѣломудренное молчаніе Церкви».

Выслушиваетъ священникъ раздирательныя исповѣди и выслушиваетъ съ полнымъ участіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не устаетъ, не чувствуетъ себя сломленнымъ этой лавиной человѣческаго грѣха и скорби, которая на него обрушивается, — потому, что онъ принимаетъ ее (силой благодати священства) н е н а с в о е сердце. Такъ надо и жить.

Сама по себѣ ограниченность человѣческая не есть глупость. Самые умные люди непременно ограничены до нѣкоторой степени. Глупость начинается тамъ, гдѣ появляются упрямство и самоувѣренность, т. е. проявленія гордости.

Гордость=одиночество=тъма кромѣшная. Гордость, — отсюда самолюбіе, отсюда — пристрастность, неспособность самооцѣнки, — отсюда глупость. Каждый гордецъ глупъ въ своихъ оцѣнкахъ хотя бы имѣлъ гениальный разумъ. И обратно, смиренный мудръ, хотя бы былъ и «неумень»; сущность мудрости — чувство Истины и смиреніе передъ ней — доступна ему.

О непротивленіи злу — Толстой понялъ внѣшне и внесъ эту заповѣдь любви много смуты и зла: отрицаніе государственныхъ постановленій, суда, настроеніе бунта. Аскетичное пониманіе — исполненіе этой заповѣди въ л и ч н о й м о р а л и.

...Такъ грустно всегда разставаться съ Постомъ и съ пасхальной недѣлей. Я всегда тяжело переживаю и закрытіе вратъ въ Алтарь въ субботу Фоминой и вообще конецъ пасхальной седмицы. Хотя и поютъ еще «Христосъ воскресъ», но все дѣлается труднѣе, какъ будто дѣйствительно снова затворились двери Царствія, открывшіяся было навстрѣчу усиліямъ и подвигамъ поста. Люди съ какой-то усиленной жадностью опять погружаются въ земное, въ суету, Церкви пустѣютъ....

Обычный въ наше время страхъ передъ мыслью, философіей, богословствованіемъ — никакъ нельзя оправдать ни Еван-

геліємъ, ни св. отцами, которые очень много размышляли, рассуждали — напр., Григорій Нисскій, Максимъ Исповѣдникъ, каппадокійцы вообще; я не могу припомнить ни одного св. отца, у котораго былъ бы страхъ передъ человѣческимъ разумомъ, рассужденіемъ, различіемъ мнѣній. А что должно это происходить движимое любовью къ Богу, жаждой Истины, такъ это само собою разумѣется.

Та ошибочность сужденій, обычно неправильная — въ хорошую или дурную сторону оцѣнка, которой почти всѣ грѣшатъ по отношенію къ своимъ близкимъ — отъ неумѣнія объективно отнестись къ своему, отъ кровной и страстной заинтересованности *своимъ*, что и ведетъ къ слѣпотѣ и преувеличеніямъ.

Говорятъ иногда, будто легче молиться, когда новыя молитвы; напр., вмѣсто обычныхъ каноновъ читать каноны октоиха текущаго гласа. Но по существу — это неправильное чувство; новыя молитвы — возбужденіе любопытства.

Велика очищающая сила страданій и смыслъ ихъ. Духовный нашъ ростъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, *какъ* мы переносимъ страданія. Мужество передъ ними, готовность на нихъ — вотъ знакъ «правильной» души. Но не надо искать ихъ и выдумывать

Постоянно сталкиваешься съ людьми свѣтскими, внѣшними, стоящими вдали отъ церкви и не желающими признать *свое* непониманіе, *свою* неготовность воспріять Истину, а ставящими это свое непониманіе въ вину Церкви и Истинѣ. Наше православное пониманіе, подходъ къ Богу не чувственно - эмпирическое, не формально - логическое и раціональное, а жизненно - опытное, въ мѣру нашего духовнаго роста, въ связи съ молитвой и нашей нравственностью, — «въ лукавую душу не войдетъ Премудрость». И всѣмъ намъ надо заранѣе согласиться на непониманіе многого, на Тайну.

«Св. Антоній цѣлый годъ молился, чтобы ему открыто было, что бываетъ по смерти съ душами праведныхъ и грѣшныхъ» — отвѣтъ любопытствующимъ.

«Твой осквернихъ образъ и сластемъ поработихъ». Сладости міра губятъ духовную жизнь, съ ними теряется холодная трезвенность духа, ясность мысли, контроль надъ собой, разсѣивается вниманіе, слабѣетъ воля, ослабляется, растекается, растрепывается личность.

Сила дѣвства — сіяніе нерастраченного пола — сублимируется въ высшія духовныя цѣнности. Цѣломудріе — условіе и источникъ настоящаго творчества.

Вся современность говоритъ: «грѣши!», и тѣ, кто хотятъ жить и живутъ по Свѣтлому Закону — всегда боримы и не должны ожидать легкой «пріятной» жизни.

Когда Христосъ за заслуги одного говоритъ: «Нынѣ пришло спасеніе дому сему», то эти слова говорятъ о признаціи и въ томъ мірѣ, о вѣчности нашихъ земныхъ, кровныхъ связей. Заслуги и страданія одного спасаютъ и его близкихъ — какъ утѣшительны и многозначительны эти слова, какую вѣчную цѣнность придаютъ они нашей земной жизни!

Все кругомъ насъ — воспитаніе съ дѣтства, «жизненная борьба» учатъ насъ «собственному достоинству». Но если есть среди насъ такой, кто почувствуетъ себя мытаремъ, — а дай Богъ, чтобы каждый чувствовалъ себя таковымъ, — да возрадуется онъ, потому что онъ — та заблудшая овца, та драхма потерянная, ради которой пришелъ Христосъ и о спасеніи его большая радость на небѣ, чѣмъ о сотняхъ праведниковъ.

Не всѣми одинаково серьезно сознается важнѣйшее въ нашихъ духовныхъ путяхъ значеніе созерданія жизненнаго пути святыхъ. Есть даже рѣчи — «у меня есть Евангеліе, у меня

есть Христосъ — мнѣ не нужны посредники». Иные, можетъ быть, не скажутъ этихъ самоувѣренныхъ словъ, но фактически не прибѣгаютъ къ помощи святыхъ въ періоды (а у кого ихъ не бываетъ) духовнаго упадка. Вѣдь что такое всякій святой? — тотъ же человѣкъ, но который, пойдя по правильному пути, нашелъ то, чего ищемъ мы всѣ — Бога. Какъ же намъ не вглядываться въ нихъ и не брать примѣръ съ нихъ, не идти за ними! Собственно, «святость» — задача каждаго изъ насъ въ мѣру его силъ.

Общее мѣсто гордыхъ — возмущаться чужой ложью, протестовать противъ неправды, возстановлять истину. Они и не замѣчаютъ въ своемъ ослѣпленіи, что сами опутаны ложью, что они не выносятъ истины даже въ $\frac{1}{2}\%$ ея растворѣ, что надо заслужить право на истину.

Истину по отношенію къ себѣ они не выносятъ, да и можно ли говорить правду душевнобольному? На что ему эта правда? Всякая о немъ правда обратится только въ воду на мельницу его безумія.

При наличіи богатой психической жизни сфера сексуальная въ значительной части превращается въ энергію эстетическаго, моральнаго и другого порядка. Но если этого нѣтъ, какъ у большинства европейской молодежи, то остается чистое скотство, которое само, наоборотъ, поглощаетъ даже слабыя искры другихъ, болѣе высокихъ проявленій.

Скорбями истребляются грѣхи наши, «нѣтъ скорбей, — нѣтъ и спасенія» (слова преп. Серафима). Не только страданія, посылаемые Богомъ, но всякое духовное усиліе, всякое добровольное лишеніе, всякій отказъ, жертва немедленно размѣниваются на духовныя блага внутри насъ; чѣмъ больше мы теряемъ, тѣмъ больше приобретаемъ. Вотъ почему «трудно богатымъ войти въ Царство небесное» — потому что въ нихъ не совершается этого размѣна благъ земныхъ, временныхъ, тлѣнныхъ, на блага небесныя, нетлѣнныя. Мужественныя души инстинктомъ ищутъ жертвы, страданій и крѣпнуть въ отреченіяхъ. Многочис-

ленные подтвержденія этого въ Евангеліи и у Апостоловъ. Особенно много объ этомъ у ап. Павла. Это знаютъ даже внѣхристіанскія религіи: какъ истязаютъ себя факиры, іоги, дервиши; у нихъ это точный расчетъ.

Богъ посылаетъ намъ скорби — примемъ ихъ мужественно и мудро, возрастая и укрѣпляясь въ нихъ духовно.

Разрѣшеніе, отпущеніе грѣховъ дается Богомъ въ мѣру нашего покаянія и вѣры.

Какъ отличить истинное покаяніе отъ формальнаго, часто обманывающаго самого кающагося? Стоитъ согласиться съ нимъ, и если покаяніе не исходитъ отъ глубины сердца, — то мигомъ оно переходитъ въ самооправданія, недовольство, даже обиду.

Каждый человѣкъ имѣетъ живой и убѣдительный опытъ борьбы съ грѣхомъ, радость побѣды надъ нимъ, сладость добра и молитвы.

Во время cadaго Великаго Поста за исповѣдью Богъ внушаетъ ту или другую руководящую мысль. Въ этомъ году — главная добродѣтель — любовь ко Христу и главное средство борьбы съ грѣхомъ — молитва Ему же.

Совершенно не основательно ожидать, что Богъ намъ откроется несомнѣнно и полностью такимъ, какіе мы сейчасъ. Но въ словахъ Апостола — «Всякій любящій знаетъ Бога... потому что Богъ любовь. (I посл. Іоанна) намъ дается путь, по которому надо идти.

Дѣтскость утрачивается въ жизни и восстанавливается въ святости.

Православіе особенно чувствуетъ контрастъ «умной красоты міра горняго» и «міра сего». Мы страдаемъ отъ ощущенія тьмы и грѣха, примѣшаннаго ко всему міру. Становясь православными, мы становимся всѣ отчасти аскетами.

Богъ создалъ жизнь.
Діаволь побѣдилъ ее смертью.
Богъ отразилъ побѣду смерти Воскресеніемъ.

Только первые шаги приближенія къ Богу легки; окрыленность и восторгъ явнаго приближенія къ Богу смѣняются постепенно охлажденіемъ, сомнѣніемъ, и для поддержанія своей вѣры нужны усилія, борьба, остаиваніе ея.

Начало духовной жизни — выходъ изъ своей субъективности, изъ самаго себя, переростаніе самого себя — въ общеніи съ высшимъ, началомъ съ Богомъ.

Столько смертей кругомъ, что смерть почти перестала быть страшной и стала временами, для меня реальнѣе, чѣмъ жизнь. И чѣмъ больше близкихъ уходитъ туда, тѣмъ легче дѣлается этотъ переходъ.

Затрудненія при чтеніи книги Іова — происходятъ отъ того, что ищутъ и ждутъ разрѣшенія тѣхъ антиномій, которыя, ставитъ Іовъ, между тѣмъ какъ суть какъ разъ въ томъ, что вопросы Іова разрѣшены только пришествіемъ Христа.

«Многословіе» въ молитвѣ хотя бы тѣмъ уже хорошо, что наше сознаніе долѣе привязано въ святымъ словамъ.

Если при этомъ нѣтъ даже полной погруженности въ смыслъ произносимыхъ словъ, а только отвлеченіе отъ пустяковъ, суеты, заботъ, нечистыхъ мыслей, и то это очень много. А если къ этому — переживаніе хоть 1/100 читаемаго, то душа пріобрѣтаетъ этимъ неисчислимыя сокровища.

Таинственная сфера искусства, такая плѣнительная, околдовывающая, — такъ мало приближаетъ своихъ служителей къ тому, что мы считаемъ истиной; для нихъ обычныя черты — эгоизмъ, гордость, жадность къ славѣ, часто крайняя чувствен-

ность. Во всякомъ случаѣ сфера искусства — не духовная сфера, а область чистой душевности.

Почему священники не ходятъ въ театр? — Самый принципъ театральности отвергается Церковью. Запрещаются маски, ряженіе, переодѣваніе въ костюмъ другого пола, такъ какъ все это поддѣлка, двусмысленность, фальшь. Даже смотрѣніе на это — какое-то участіе. Что же касается актера — то чѣмъ съ большимъ увлеченіемъ онъ играетъ, тѣмъ большій ущербъ наноситъ своей душѣ, поселяя въ ней путаницу и ложь.

Почему такъ ярко воспринимаютъ русскую національность люди смѣшанной крови (Даль, Гершензонъ — даже Пушкинъ)? Потому, что смѣсь разныхъ кровей даетъ возможность рельефнаго, стереоскопическаго видѣнія.

Читаю объ исцѣленіяхъ по молитвамъ о. Іоанна Кронштадтскаго и недоумѣваю: я склоненъ частію считать болѣзнь посѣщеніемъ Божиимъ и даже не всегда имѣю твердость молиться о выздоровленіи больныхъ, настолько признаю руку и волю Божию въ болѣзни. Не есть ли молитва объ исцѣленіи вторженіе въ судьбы Божіи? Что же такое тогда исцѣленіе? Можетъ быть, — освобожденіе отъ грѣховъ, по молитвѣ праведника и, какъ результатъ, — выздоровленіе.

Близость Бога, Духа Святаго и Его благодатныхъ дѣйствій — не только въ молитвѣ, но во всякой нашей чистой, безкорыстной радости, даже въ матеріи міра сего — въ хлѣбѣ, винѣ, елѣ и въ чистѣйшей изъ стихій — водѣ.

Младшія дѣти въ семьяхъ или «дѣти старости» — обычно избранныя: Св. Дѣва, Іоаннъ Предтеча, Исаакъ, Іосифъ. Св. Тереза была послѣдней изъ девяти. Въ сказкахъ — отличенъ, именно въ духовномъ смыслѣ — младшій. Вѣрно это отъ того, что плотское, эгоистическое, страстное, ослабѣло въ родителяхъ, а духовное возрасло.

Отчего у насъ такая слѣпота къ нашимъ грѣхамъ? — Отъ пристрастія къ себѣ. Мы, пожалуй, многое видимъ, но оцѣниваемъ неправильно, приуменьшаемъ, извиняемъ, не придаемъ значенія. Тенденція инстинктивная, мимовольная.

Наша, такъ называемая, реальная дѣйствительность — только полуреальна и мало дѣйствительна. Своимъ отношеніемъ мы дѣлаемъ явленія такими или иными, додѣлываемъ ихъ, обрашаемъ въ добро или зло. Такъ же и съ людьми. Каковы они на самомъ дѣлѣ — никому, кромѣ Бога, неизвѣстно; вѣрнѣе, что они нѣчто зыбкое, пластичное, и мы формируемъ сами, часто по случайному признаку, воображаемую схематическую фигуру и потомъ сами же или восхищаемся ею, или поносимъ ее. Насколько мудрѣе люди простые: они не выдумываютъ людей, а берутъ человека, какъ онъ есть, и безъ протеста принимаютъ часто вопіющія диссонирующія качества.

...Была ли у меня, какъ у многихъ бываетъ, встрѣча отчетливая, несомнѣнная — съ Объективнымъ? — Прямо скажу — нѣтъ; но очень много частичныхъ прикосновеній: въ рѣдкихъ случаяхъ совершенно самоотверженной любви, иногда въ молитвѣ, особенно во время богослуженія — опредѣленно чувствуешь выходъ изъ себя и вхожденіе въ тебя «не твоего»; во многихъ случаяхъ жизни, когда явная помощь Божія не можетъ быть объяснена никакъ иначе; это — уже не вѣра, а знаніе, — точные и понятные сигналы съ того свѣта. Все остальное — вѣра, «любовью къ Богу споспѣшествуемая».

Иногда наблюдаю состояніе души, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ какъ будто доброкачественное — человекъ часто и подолгу молится, любитъ бывать въ церкви, всѣ его интересы — тамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ — онъ сухъ, жестокъ, никого не любитъ. Очень я плохо это понимаю: я знаю молитву, послѣ которой мѣняется весь человекъ, но такая, «изолированная» отъ всего остального молитва, думаю, не есть правильное, благодатное состояніе,

такъ какъ налицо въ ней есть только первое и не самое важное — форма, а нѣтъ живыхъ, ощутительныхъ результатовъ.

Поклоненіе кресту, позорному орудію казни, отобрало христіанству самыхъ внутренно свободныхъ людей.

Одиночество — прекрасный опытъ и прекрасное упражненіе. Опытъ — есть ли у тебя что-нибудь за душой, можешь ли ты жить внутреннимъ, когда внѣшнее сведено къ минимуму. Въдѣ большей частью мы живемъ внѣшними впечатлѣніями—люди, дѣла, заботы. Что будетъ, если устранить все это? Что было бы, если бы закрылись двери внѣшнихъ чувствъ? — съ болью, съ трудомъ, со скрежетомъ — открылись бы тогда двери во внутреннюю горницу души.

Суть дѣла не въ поступкахъ, словахъ, дѣйствіяхъ, а въ томъ, чѣмъ наполнено твое сердце. Добрый поступокъ не тотъ, который по видимости добръ, а который исходитъ отъ полноты милующаго сердца; такъ же и злыя слова и дѣла суть брызги изъ наполненнаго злой силой сердца. Быть добрымъ — это не значить натащить себя на добрые поступки, а накопить тепло благодати въ своемъ сердцѣ, и прежде всего — очищеніемъ и молитвой. Какъ не простудиться на морозѣ? — быть внутренне согрѣтымъ. Какъ не охладѣть въ мірѣ? — обложить сердце теплотой благодати Духа Святаго.

Просмотрѣлъ съ ствращеніемъ нѣсколько томиковъ современной детективной литературы (Maurice Leblanc и пр.), которой объѣдается современная молодежь, на которой она строитъ свое жизнепониманіе. Совершенно открытое и ясное, постоянно и настойчиво внушаемое представленіе: глупость, скука, бездарность всего, что имѣетъ отношеніе къ порядку, государству, и привлекательность, красота, благородство, блестящая талантливость представителей порока, преступленія, служенія своимъ низкимъ инстинктамъ. Читателей сознательно приучаютъ къ такимъ комбинаціямъ, какъ «воръ-джентельменъ», «благородный

убійца». Это самый настоящій и, я увѣренъ, сознательно приготовляемый ядъ.

По поводу катастрофы подъ Парижемъ.

Каждая катастрофа — угроза и напоминаніе: «если не обратитесь — всѣ такъ же погибнете». Каждая катастрофа — испытаніе нашей вѣрности Богу, попытка дьявола поколебать нашу вѣру. Нашъ ужасъ — въ значительной степени — отъ плотскаго плѣна нашей мысли. Міръ полонъ слезъ и крови, а мы какъ малыя дѣти ужасаемся надъ двумя сотнями погибшихъ. Сошедшій съ рельсъ поѣздъ, сломанныя руки и ноги, разбитыя головы — для насъ реальность, въ то время какъ все это иллюзія, временное полу-бытіе, «ибо проходитъ образъ міра сего» (I Кор. 7, 13). Если бы мы видѣли духовную сторону этой катастрофы, души дѣтей и т. д. — мы не ужасались бы. Если бы это было открыто матерямъ!

Какъ грустно и неполно существованіе дѣвушки, и какая полнота существованія у женщины. Никакой романъ не можетъ замѣнить бракъ. Въ романѣ люди являются въ пышности, въ расцвѣтѣ, но все же не самими собой: въ романѣ открывается призрачная, пріукрашенная дѣйствительность, и жизнь каждого изъ двухъ — непременно поза, хотя бы и простительная и невинная.

Только въ бракѣ возможно полное познаніе человѣка — чудо ощущенія, осязанія, видѣнія чужой личности — и это такъ же чудесно и единственно, какъ познаніе Бога мистиками. Вотъ почему до брака человѣкъ скользитъ надъ жизнью, наблюдаетъ ее со стороны, и только въ бракѣ погружается въ жизнь, входя въ нее черезъ другую личность. Это наслажденіе настоящимъ познаніемъ и настоящей жизнью даетъ то чувство завершенной полноты и удовлетворенія, которое дѣлаетъ насъ богаче и мудрѣе.

Большинство неразрѣшимыхъ жизненныхъ противорѣчій, несчастій, внутреннихъ затрудненій, о которыхъ слышишь на исповѣди, происходитъ отъ того, что люди живутъ внѣ Церкви,

а искать разрѣшенія своихъ трудностей приходять въ Церковь. Ни рѣшимости перемѣнить всю жизнь, ни даже мысли объ этомъ; — поэтому Церковь и безсильна имъ помочь. Войдите въ Церковь, примите весь чинъ церковной жизни, и тогда трудности разрѣшатся сами собой.

Вся наша жизнь здѣсь построена по схемѣ пасхальныхъ пѣснопѣній: съ одной стороны — гробъ, смерть, схождение во Адъ, съ другой — воскресеніе, жизнь, радость. «Аще и во гробъ снисшелъ еси, безсмертне, но адову разрушилъ еси силу». Задача нашей жизни — чтобы въ ней элементы Рая и Воскресенія торжествовали надъ силами Ада и Смерти.

Быть мудрымъ доступно всякому — даже неумному, потому что сущность мудрости — чувство истины и смиренія передъ ней — дѣло не ума, а сердца.

Почему важны слезы при исповѣди? — потому что главное препятствіе къ покаянію — «окаменѣнное нечувствіе».

«Не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ»... — признаніе необходимости ритма въ жизни христіанина, чередованіе поста и молитвы съ жизнью обычной. Указаніе глубокой мудрости: попытка безъ пониженія удержаться на молитвенной высотѣ ведетъ къ унынію и отчаянію.

Какъ соединить вниманіе къ себѣ (аскетическое) и отверженіе себя? — внимая своимъ грѣхамъ, мы этимъ отвергаемъ себя.

Не называніе грѣха, даже не психологическое точное описаніе, не разсужденія, хотя бы и правильныя, о причинахъ и слѣдствіяхъ грѣховъ, — а ощущеніе самой м а т е р і и грѣха, самой его стихіи, боль и скорбь о немъ, жажда освобожденія отъ него — вотъ что важно.

Нельзя у с ы п л я т ь страсти, надо их и с к о р е н я т ь. Вотъ преимущество жизни въ міру: она открываетъ намъ, черезъ столкновеніе съ искушающими людьми и обстоятельствами, наши сердца.

Молитва — искусство: неправильно поставленная молитва усиливаетъ внутренній хаосъ, особенно у нервно-неустойчивыхъ людей.

Вотъ истоки грѣха и безумія — хаотическое своеволие, вмѣсто добровольнаго и свободнаго подчиненія свѣтлому закону. «Я пришелъ, чтобы имѣли жизнь, и имѣли съ избыткомъ» (Іо. 10, 1).

Съ грустью провожаю уходящій Великій Постъ. Такъ многое доброе дѣлается легче, а злое ослабляется и завядаетъ, такъ радостно видѣть молящихся, говѣющихся, съ волненіемъ приступающихъ къ св. Чашѣ. Какъ ни много разочарованій и огорченій на исповѣди, какъ ни велико количество вялыхъ, равнодушныхъ, омраченныхъ грѣхомъ и страстями, но тоже не мало людей съ чуткой совѣстью, безпощадныхъ къ себѣ, любящихъ Бога и жаждущихъ очищенія. Всякая исповѣдь — урокъ и духовное пріобрѣтеніе и для священника.

Есть два рода людей по ихъ способности къ духовному, — если не опыту, то хоть пониманію.

Одни, — въ разговорѣ съ ними языкъ прилипаетъ къ гор-тани, — никакого отклика и резонанса, глухота и слѣпота. И это почти всегда люди благополучные, сытые, благоустроенные; они шутливы, остроумны, добродушны.

И другіе, которые ловятъ каждое слово о духовномъ, понимаютъ съ полуслова, строги къ себѣ, способны къ покаянію и умиленію, до боли чувствительны къ чужому горю, — это больные, несчастные, умирающіе. Раньше я боялся ихъ, а теперь радуюсь всякой возможности быть именно въ т а к о м ѣ обществѣ, и всегда самъ получаю урокъ. Сколько прошло передъ

моими глазами случаевъ, когда безнадежно-«плотскіе» люди, подъ вліяніемъ болѣзни дѣлались тонкими, одухотворенными, умилительными. Иногда, впрочемъ, бываетъ и наоборотъ: человекъ подъ вліяніемъ несчастій, какъ то грубѣетъ. И это ясно отчего — человекъ жадно кидается на жизнь, на счастье, ставитъ его выше всего, выше Церкви, Бога любви ко Христу и обрушившееся несчастье застаетъ его врасплохъ, озлобляетъ, огрубляетъ его.

Болѣзнь не несчастье, а поученіе и Божіе посѣщеніе; больного преподобнаго Серафима посѣтила Матерь Божія и насъ, если мы смиренно переносимъ болѣзни, посѣщаютъ высшія силы.

Всѣ мы счастливы уже хотя бы однимъ тѣмъ, что принадлежимъ къ Церкви Православной, которая научила насъ молиться, открыла всю вмѣстимую намъ мудрость и продолжаетъ видимо и невидимо наставлять насъ.

Мы знаемъ Путь и Истину и Жизнь. Сколько великихъ сердецъ и умовъ запуталось, погибло, не найдя истины, мы же этой истиной обладаемъ. Правда, нѣкоторые изъ насъ отпускаютъ на время веревку, какъ учащіеся плавать, но все таки и они знаютъ, что путь одинъ, а остальное — баловство и грѣхъ.

Доводъ невѣрующихъ — «ни по чему не видно вѣры «вѣрующихъ», — если бы они дѣйствительно вѣрили въ такія изумительныя потрясающія вещи, они жили бы иначе».

— Но вотъ и вы, невѣрующіе, — вѣрите вы въ неизбежность своей смерти? не только вѣрите, — знаете навѣрное. Ну и что же? — сильно ли это отзывается на вашей жизни? — нисколько не отзывается.

Постъ есть средство совершенно виѣшнее, техническое, подсобное, и если оно не сопровождается молитвой, усиленной духовной жизнью и т. д., то даетъ только повышенно раздраженное состояніе. Естественно, напримѣръ, что наша прислуга, которая постилась въ серьезъ, но которую заставляли

на Страстной усиленно работать, не пуская въ церковь, была раздражена и озлоблена во время поста.

Приближеніе свѣта страшно и мучительно для лжи и грѣха. Страхъ Божій — начало мудрости, начало покаянія, начало спасенія.

Въ евристическомъ методѣ Сократа поразительное смиреніе и кротость. вмѣсто того, чтобы сразить оппонента однимъ рѣзкимъ ударомъ у него терпѣніе матери, ведущей ребенка, поднимающей его много разъ и опять направляющей.

Наша слабая власть надъ нашими чувствами, слабый контроль надъ содержаніемъ нашего знанія — отъ отсутствія религиозной культуры. Отсюда внутренняя хаотичность современныхъ европейскихъ умовъ и дисциплинированность людей Востока, гдѣ все на основѣ религіи. Внѣ этого всякая работа надъ собой бесплодна.

Съ начала Великаго Поста читаю Исаака Сирина. Восхищаюсь, умиляюсь, духовно питаюсь имъ. Восхищаюсь силой его разсужденія, смѣлымъ, легкимъ взлетомъ въ самыя заповѣдныя сферы, умиляюсь благостностью, святой любовью, которой насыщенъ даже его слогъ (въ прекрасномъ старомъ переводѣ Моск. Духовн. Акад. 1854 г.); питаюсь его мудрыми совѣтами, всегда точными и конкретными, всегда сопровождаемыми любовью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасаюсь: онъ пишетъ для монаховъ и требуетъ отъ нихъ такъ многого, что ввергаетъ въ безнадежность мірянина - читателя. На что же надѣяться намъ, погруженнымъ въ суету, ложь, злобу, и страсти. Отъ монаховъ онъ требуетъ уединенія, отъ отшельниковъ — безмолвія, отъ безмолвниковъ — полной отданности молитвѣ, когда даже заботы о приносѣ воды, милостыня — уже измѣна Божьему дѣлу. Поистинѣ единственная наша надежда — на милость Божію, а не на какіе свои труды и заслуги.

Всегда лучше преодолевать сомнѣнія и несчастія, не обходя ихъ и не отстраняя, а проходя с к в о з ъ нихъ.

«Въ немъ открывается благодать Бсжія отъ вѣры въ вѣру» (Римл. 1, 17), — очевидное утвержденіе о ступеняхъ вѣры.

Смѣхъ (не улыбка) духовно обезсиливаетъ человѣка.

Къ вопросу о томъ, отпускаются ли грѣхи тому, кто безъ достаточнаго раскаянія и вѣры приступаетъ къ Таинству, — еп. Иннокентій Херс. говоритъ: «безъ этого (вѣра, покаяніе) сколько бы священникъ ни говорилъ «прощается, разрѣшается» — ты отъ Бога не получишь разрѣшенія».

О томъ, чтобы молиться намъ «чужими» молитвами (гордое противопоставленіе «своей» молитвѣ): примѣръ намъ Христосъ. Его молитвенные вопли на крестѣ — «цитаты» изъ псалмовъ — «Боже мой, вскую мя оставилъ еси» — Пс. 21, 2. «Въ руки Твои предаю духъ мой» — Пс. 30, 6.

Не можетъ не быть удачно дѣло, начатое съ молитвой — потому что оно начато съ любовью, надеждой, вѣрой.

Въ исповѣди четыре главныхъ момента:

Испытаніе совѣсти, сокрушеніе сердца, признаніе устъ, исправленіе жизни.

Намъ непонятны многія божественныя истины — но вѣдь непостижимость, необъятность ихъ — ихъ свойство. Чтобы мы, со своимъ ограниченнымъ человѣческимъ сознаніемъ ихъ могли цѣликомъ охватить — мы должны сами стать наравнѣ, стать божественными.

Условія, которыми окружилъ насъ Господь, это — первая ступень въ Царствіе Небесное — это единственный для насъ путь спасенія. Эти условія перемѣняются тотчасъ же, какъ мы ихъ используемъ, обративши горечь обидъ, оскорбленій, болѣзней, трудовъ — въ золото терпѣнія, безгнѣвія, кротости.

И достоинства наши нерѣдко оказываются недостатками. Напримѣръ, равнодушіе къ деньгамъ, къ своему положенію иногда вытекаетъ не столько изъ довѣрія къ Промыслу Божію, какъ изъ лѣни и легкомыслія. Обломовъ тоже былъ равнодушень къ своей карьерѣ и Стива Облонскій могъ показаться безсребренникомъ.

Съ дѣлами внутренними всегда плохо; не дай Богъ, если мы увидимъ въ одинъ прекрасный день, что все у насъ въ душевномъ хозяйствѣ прекрасно. Такъ и будетъ плохо, пока Господь по безконечному Своему милосердію не приметъ насъ всѣхъ къ себѣ — и сильныхъ и слабыхъ, и больныхъ грѣхами и праведныхъ — хотя бы за нашу любовь къ Нему.

«Глаза ихъ исполнены любострастія и непрестаннаго грѣха» (2 Петр. 2, 14); «непрестанный грѣхъ» — ему противопоставляется «непрестанная молитва».

«Нечувствіе», каменность, мертвость души — отъ запущенныхъ и неисповѣданныхъ во-время грѣховъ. Какъ облегчается душа, когда немедленно, пока больно, исповѣдуешь совершенный грѣхъ. Отложенная исповѣдь даетъ безчувствіе.

Pia fraus у православныхъ. Разсказъ о келейникѣ, ложью примирившемъ пссорившихся старцевъ. Совѣтъ о. Іоанна Кронштадтскаго не только не передавать дурныхъ отзывовъ, но передать лучше несуществующіе хорошіе. Вообще нечувствительность Православія къ нѣкоторымъ видамъ лжи. По моему, это происходитъ отъ нѣкотораго пренебреженія къ житейской дѣйствительности. Наши дразги, ссоры, злоба — это «не-сущее», хотя

оно какъ то существуетъ, въ то время, какъ выдуманное доброе болѣе реально, хотя оно и выдумано.

«Неврастенія», «нервность» и т. п., мнѣ кажется просто виды грѣха и именно грѣха гордости. Самый главный неврастеникъ — діаволь. Можно ли представить себѣ неврастеникомъ человѣка смиреннаго, добраго, терпѣливаго. И обратно — почему неврастенія выражается непремѣнно въ злобѣ, раздражительности, осужденіи всѣхъ, кромѣ себя, нетерпимости, ненависти къ людямъ, крайней чувствительности ко всему личному?

Природа, или вѣрнѣе, Богъ - Промыслитель, каждому возрасту диктуетъ свой религіозный режимъ. Съ наступленіемъ старости уменьшаются возможности тѣлесныя и улучшаются условія неразсѣянной внутренней жизни: уменьшается подвижность — больше времени для молитвы; притупляются органы внѣшнихъ чувствъ — меньше рассѣянія и больше вниманія къ своему внутреннему міру; меньше способность переваривать тяжелыя, утучняющія вещи — естественное расположеніе къ посту; вынужденное цѣломудріе. Блаженъ тотъ, кто пойметъ эти знаки и самъ пойдетъ навстрѣчу промыслу Божию о насъ и постепенно замѣнитъ въ своей жизненной постройкѣ матеріалы тлѣнные — нестораемыми и неразрушимыми матеріалами.

Часто самыя страшныя самобичеванія, взрывы покаянія моментально исчезаютъ отъ тѣни только признанія духовникомъ грѣховности кающагося. И въ этомъ провѣрка источника покаянія — истинное ли оно или это только истерическое удовольствіе самобнаруженія, хотя бы и съ возведеніемъ на себя всѣхъ возможныхъ грѣховъ.

«Водворяясь въ тѣлѣ, мы устранены отъ Господа» — ибо мы ходимъ вѣрою, а не «видѣніемъ», *per fidem... et non per speciem...* (2 Кор. 5, 7). Насколько «устранены» — неужели полностью? Сидимъ въ сѣни смертной, въ преисподней? Это моя обычная скорбь и ощущеніе. Выходъ — таинства, молитва.

Постоянная моя мысль — о недоступности для насъ Бога, о Его безконечной отдаленности отъ насъ, о томъ, что даже когда мы приступаемъ къ Божественной Евхаристіи, когда мы принимаемъ Божественное Тѣло и Кровь — Господь остается въ другихъ мірахъ, безнадежно отъ насъ отдаленныхъ. Только Божія Матерь, «одна изъ насъ», «рода нашего» съ такой легкостью поднялась выше Серафимовъ; а это было до воплощенія Христа; Значитъ есть возможность близости. Лишь дѣти, наиболѣе «дѣтскія», вѣроятно близки къ Богу; но остальные? Почему нужны такія сверхчеловѣческія усилія (подвижники), чтобы изъ милліона одинъ увидѣлъ ангеловъ, бесѣдоваль съ Богомъ, молился бы, получая отвѣтъ? Откуда эта чугунная толща грѣховъ, непроницаемая для Бога, для Св. Евхаристіи, для жертвы Христа, для Любви Его?

Вопросы для размысленія передъ исповѣдью нераскаяннымъ грѣшникамъ («ну, какіе у меня грѣхи»... «нѣтъ, особливо ничѣмъ не грѣшнень»).

1. Почему святые считали себя первыми грѣшниками?
2. Что значитъ «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный»?
3. «Вотъ и Небеса недостаточно чисты передъ Нимъ и въ Ангелахъ Своихъ Онъ находитъ недостатки» (Іов. 4, 18).

Изъ 36 гл. Иисуса Сына Сирахова можно сдѣлать прекрасную молитву о Россіи. Вотъ отрывки: «Помилуй насъ Владыка и призри».... «Возобнови знаменія и сотвори новыя чудеса»... «Прославь мышцу Твою и десницу Твою»... «Ускори время и да возвѣстятъ о великихъ дѣлахъ Твоихъ»... «Умилосердися надъ градомъ Святыни Твоея, воздвигни пророчества отъ Имени Твоего»...

Почему духовнику не противенъ грѣшникъ, какъ бы ни были отвратительны его грѣхи? — Потому что въ таинствѣ покаянія священникъ созерцаетъ полное раздѣленіе грѣшника и его грѣха.

Не всякій больной можетъ вынести тяжелую операцію, не всякій исповѣдующійся способенъ вынести настоящую исповѣдь. Какъ операція, можетъ быть и необходимая, можетъ убить больного, такъ зрѣлище всей своей грѣховности, если ее разомъ вызвать изъ подполья души, можетъ быть убійственно для человѣка. Приходится снисходить и до времени питать больного укрѣпляющими лѣкарствами.

Бываютъ положенія, когда человѣку закрыты всѣ пути въ горизонтальной плоскости, и ему остается одинъ путь — вверхъ.

Развѣ есть во мнѣ, при всей моей худости, хоть что либо, что сознательно воспротивилось бы Христу, когда Онъ прійдетъ во всей своей славѣ? Развѣ не бросится къ нему неудержимо всякая человѣческая душа, какъ къ чему то долгожданному, бесконечно желанному.

«Помянникъ» нянекъ — изъ десятковъ именъ, (ужъ непременно вся своя деревня); у «интеллигентныхъ» — 5-6 именъ.

Важны не идеи, а факты и реальности. Христіанство стоитъ на фактахъ, которые надо или отвергнуть съ достаточными основаніями или признать со всѣми выводами.

Факты эти двоякаго рода.

1. — Христось, Его жизнь, смерть и воскресеніе, описанныя въ Евангеліи. Опровергнуть все, признать Евангелистовъ лжецами и сознательными обманщиками — это очень трудно; фантазерами и визионистами — тоже. Если вчитываться въ евангельскіе рассказы, особенно о воскресеніи, если читать безъ предразсудковъ, предубѣжденій — свободной душой, то невозможно не увидѣть, что все это такъ и было; это — самая простая и естественная гипотеза.

2. — Вторая группа фактовъ — это жизнь, чувства, чудеса и молитвы святыхъ и просто вѣрующихъ людей, фактъ необыкновеннаго расцвѣтанія людей въ христіанствѣ, преодоленіе ими

болѣзней, старости, смерти, преображеніе ихъ душъ; — объ этомъ говорить житіе каждого святого. Неужели «научно» можно объяснить факты изъ жизни Серафима Саровскаго, св. Франциска или Іоанна Кронштадтскаго?

Законъ Джемса Ланге въ религіозной жизни.

— Надо прибѣгать къ извѣстнымъ позамъ, жестамъ, знакамъ (крестное знаменіе, поклоны, колѣнопреклоненія) для того, чтобы возбуждать и поддерживать въ себѣ религіозную настроенность.

Но, скажутъ, чего стоитъ эта настроенность, если она является результатомъ искусственныхъ и внѣшнихъ пріемовъ?

— Дѣйствительно, тѣлесные и психическіе процессы тѣсно связаны между собой и взаимно вліяютъ другъ на друга, но ничего унижающаго духовную жизнь нѣтъ въ томъ, что — не всякіе — а святые и символическіе позы и жесты вліяютъ на духовную жизнь: все наше тѣло въ его формахъ и линіяхъ не случайно — «образъ есмь неизреченныя Твоея славы», и священные и символическіе — божественные его позы, выраженія и жесты влекутъ за собой духовно высокія состоянія въ душѣ и духѣ.

Реалистическая живопись — это характерно грѣшное воспріятіе міра. Поэтому роспись храмовъ въ реалистическомъ «итальянскомъ» стилѣ коробитъ наше религіозное чувство. Икона, писанная «по канону» — противоположный полюсъ этого грѣшнаго воспріятія — здѣсь міръ преображенный, все «по чину и благообразно».

Часто слова молитвъ и псалмовъ не трогаютъ насъ, кажутся намъ чуждыми, непонятными по своему внутреннему чувству. И это совершенно понятно, такъ какъ вся обстановка, весь укладъ нашей внѣшне благоустроенной и внутренне пустой жизни такъ мало соотвѣтствуютъ тѣмъ пустынямъ, монастырямъ, гдѣ слагались молитвы, всему духу, который ихъ внушилъ. Въ рѣдкіе моменты жизни — въ большомъ горѣ, одиноче-

ствѣ, если временно уйти отъ плѣна міра — какъ отъ сердца идуть, какъ твои собственные, вопли къ Богу, «Боже, въ помощь мою!» Какъ тогда понятенъ становится опытъ затворниковъ и молчальниковъ!

Сущность духовной слѣпоты — невидѣніе Истины. Разны виды ея — иная слѣпота людей, отягченныхъ тяжелыми заботами житейскими, блудниковъ, блудницъ грѣшниковъ; иная — Савла и учениковъ Христа, иная фарисеевъ. Первые двѣ отъ незнанія и, главнымъ образомъ, отъ неправильныхъ, глубоко укоренившихся взглядовъ, такъ же — отъ страстей чувственныхъ, потемняющихъ наше внутреннее зрѣніе, а послѣдняя — отъ гордости. Спасаются и первые и вторые, третьи — гибнутъ.

«Болить ли одинъ членъ — страдаетъ все тѣло» — о Церкви (Кор. 12, 21), а если мы этого не чувствуемъ, — мы не въ Церкви.

«Я ищу истины». — Счастье, если кто при этомъ дѣлаетъ удареніе на послѣднемъ словѣ — «истина». Много хуже, если съ гордостью подчеркиваютъ слово «ищу», гордясь положеніемъ постоянно стремящихся къ истинѣ — «всегда учащихся и никогда не могущихъ дойти до познанія ея» (2 Тим. 3).

Совсѣмъ плохо, что бываетъ чаще всего, когда удареніе дѣлается на словѣ «я».

Маленькій діалогъ о нервности съ **.

** (на мой вопросъ): «Да, вотъ все борюсь съ собой, все не могу достигнуть полного спокойствія и философскаго отношенія къ жизни».

Я. — А какъ Вы думаете — отъ чего это спокойствіе зависитъ?

** — Я думаю, оно исключительно зависитъ отъ общаго здоровья организма; въ частности отъ здоровья нервной системы.

Я. — Развѣ Вамъ не приходилось видѣть людей съ больнымъ тѣломъ, въ частности съ очень больными нервами, которые по-

бѣждали бы ихъ, господствовали бы надъ ними вмѣсто того, чтобы быть ихъ рабами?

** — Да, но вѣдь это такая высота! Сколько нужно предварительной работы, чтобы достигнуть такого контроля надъ собой и такого самообладанія.

Я. — Но что, по Вашему, помогаетъ человѣку въ такой работѣ надъ собой? Во имя чего онъ это дѣлаетъ?

** — Затрудняется отвѣтить.

Я. — Не кажется ли Вамъ, что такая работа надъ собой и своими анархически-автономными нервами очень облегчается, дѣлается совсѣмъ легкой, отъ правильной установки вниманія и воображенія, что мы непременно будемъ спотыкаться на каждомъ пустякѣ, пока въ нашей душѣ не станетъ отчетливо, ярко и убѣдительно то, что не пустякъ, когда влеченіе къ этому главному — всей душой, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разумніемъ — поставить на мѣсто тѣхъ пустяковъ, которые отравляютъ намъ повседневную жизнь.

Итакъ, три ступени борьбы съ «нервами».

1. — Лечение — (бромъ).

2. — Самоконтроль.

3. — Созиданіе въ душѣ высшихъ цѣнностей.

Теперь только видимъ мы гибельное непониманіе русскаго національнаго духа, который, будто бы охраняя Россію, губилъ ее. Сюда относится преслѣдованіе славянофиловъ и безсмысленное преслѣдованіе старообрядцевъ, истребленіе ихъ иконъ, запечатываніе храмовъ, разрушеніе алтарей, престоловъ, иначе сказать, преслѣдованіе самыхъ вѣрныхъ носителей русскаго духа.

Культъ мертвыхъ — примитивнѣйшая форма религіи и этотъ культъ — самое живое, что осталось въ безбожной Европѣ. Празднованіе Tous saints — минимумъ духовной жизни средняго европейца.

Древній стиль иконописанія соотвѣтствуетъ древнему благочестію (молитва, постиженіе Бога и т. д.). Отсюда какъ будто вытекаетъ ложность нашихъ попытокъ усвоить себѣ древній стиль, такъ какъ наше благочестіе не вполне совпадаетъ съ религіознымъ стилемъ XI-XVI в.в. Но новыя дерзанія должны идти съ полноты новой духовной жизни; безъ этого будетъ выдуманіе и ложь. Если и есть у насъ какая либо духовная, молитвенная жизнь, то она того же вѣчнаго стиля, какъ у ап. Павла, Симеона Новаго. Поэтому писаніе иконъ по «древнему канону» и даже скромное копированіе, — все равно, какъ перечитываніе древнихъ подвижниковъ — помогаетъ намъ въ укрѣпленіи нашей слабой духовной жизни.

Неумѣющимъ видѣть свои грѣхи рекомендуется обращать вниманіе — какіе грѣхи видятъ въ нихъ близкіе люди, въ чемъ упрекаютъ. Почти всегда это будетъ вѣрное указаніе на наши недостатки.

Работа, правильно-религіозно поставленная не можетъ привести къ переутомленію, неврастенію или сердечной болѣзни. Если это есть, то это знакъ, что человекъ работаетъ «во имя свое» — надѣясь на с в о и силы, с в о й шармъ, краснорѣчіе, доброту, а не на благодать Божию.

Какъ бываетъ правильно поставленный голосъ, такъ бываетъ и правильно поставленная душа. Карузо пѣлъ безъ утомленія; Пушкинъ не могъ сказать, что писаніе стиховъ утомительно; соловей поетъ всю ночь и къ утру его голосъ не слабѣетъ.

Если мы устаемъ отъ нашего дѣла, отъ общенія съ людьми, отъ разговора, отъ молитвы — это только потому, что «душа наша «неправильно поставлена». Бываютъ голоса «поставленные отъ природы»; другимъ приходится добиваться того же продолжительными трудами, и с к у с т в е н н ы м и упражненіями. Такъ и съ душой.

Письмо ** о пустующемъ новомъ, прекрасномъ, только что отстроенномъ храмѣ — «молящихся почти никого». Мнѣ все

болѣе кажется, что наши декоративныя пышныя богослуженія должны кончиться, уже кончились внутренно, они искусственны, не нужны, они не питають болѣе жаждущихъ душъ и должны замѣниться иными, болѣе активными и болѣе теплыми видами религіознаго общенія.

Какъ не похожи наши богослуженія, со священникомъ, отдѣленнымъ стѣной иконостаса, съ охлаждающимъ разстояніемъ паркета между молящимися и Св. Престоломъ, съ прохладными сквозняками между «отдѣльными посѣтителями» — молящимися, съ тщетно выносимой Св. Чашей и упорнымъ отказомъ «приступить» — какъ все это не похоже на богослужебныя собранія апостольскаго вѣка и періода мученичества. Падаеть религіозность и выше поднимаются декораціи, гаснеть горѣніе душъ и ярче блестятъ позолота и электрическія люстры.

Схема отношеній къ людямъ часто бываетъ такова — человѣкъ очень нравится, идеализируешь его, искренно не видишь ничего плохого и вдругъ прорвется человѣкъ въ чемъ либо — солжетъ, расхвастается, струсить, тебя же предастъ. И вотъ дѣлаешь переоцѣнку, перечеркиваешь все, что видѣлъ раньше (и что всетаки продолжаетъ существовать) и выкидываешь человѣка изъ своего сердца. Я давно понялъ, что это неправильный и грѣшный способъ отношенія къ людямъ. Въ основѣ такого обращенія съ людьми лежатъ двѣ неосознанныхъ мысли: 1) я — внѣ грѣха; 2) и человѣкъ, котораго я полюбилъ, тоже безгрѣшенъ. Какъ же иначе объяснить и рѣзкое осужденіе другихъ и удивленіе, когда хорошій, добрый, благочестивый челсвѣкъ согрѣшитъ. Это выводы изъ горестныхъ размышленій о своемъ собственномъ сердцѣ и сознаніе, что самъ способенъ на всякій грѣхъ.

А между тѣмъ норма отношенія къ нашимъ близкимъ — прощать безъ конца, такъ какъ мы сами безконечно нуждаемся въ прощеніи. Главное не забывать, что доброе, что мы цѣнимъ — оно остается, а грѣхъ всегда тоже былъ, только его не замѣчали.

Во снѣ мы испытываемъ иногда такія высокія и напря-

женныя состоянія молитвы, умиленія, радости, на которыя почти не способны въ бодрствованіи. Нельзя ли это объяснить пассивностью нашего тѣла во снѣ? — оно не мѣшаетъ.

Твердыя и отчетливыя линіи имѣютъ только мертвыя тѣла и умершія маски; живыя окружены зыбкой и перемѣнчивой аурой дыханія и излученія.

Дѣтскость утрачивается въ жизни и обрѣтается вновь въ святости.

Міръ кривъ и Богъ его выпрямляетъ. Потому страдалъ (и страдаетъ) Христосъ и страдали всѣ мученики, святые преподобные — и мы, любящіе Христа, не можемъ не страдать.

Главная ошибка нашей молодежи — въ убѣжденіи, что все можно постигнуть, что христіанство есть философская система, логически доказуемая и излагаемая, что они въ данномъ своемъ состояніи (моральномъ, религіозномъ интеллектуальномъ) могутъ усвоить себѣ всякую истину вѣры. Что христіанство есть ж и з н ь, этого они часто упорно не хотятъ видѣть. Въмѣсто того, чтобы полюбить Истину и преклониться передъ Нею, они ее оспариваютъ, полемизируютъ съ Нею.

Недавно, напримѣръ, мнѣ былъ предложенъ вопросъ: «какъ могутъ блаженствовать праведники, если другіе люди будутъ въ аду». — Вопросъ ребяческій, который обнаруживаетъ, что всѣ термины вродѣ «блаженство», «праведность», «адъ», — для вопрошающаго только логическія категоріи и что за вопросомъ не стоитъ никакого религіознаго опыта.

Думается, что Церкви надо освободиться отъ балласта маловѣрующихъ и невѣрующихъ (какъ это произошло въ Россіи), подобраться, почиститься отъ чуждыхъ элементовъ, и это усилитъ Ея сіяніе.

И адъ, и рай уже отчасти имѣемъ мы здѣсь на землѣ — въ страстяхъ нашихъ и въ опытѣ добра.

Въ тотъ моментъ, когда человѣкъ съ благодарностью приметъ отъ Бога посланныя ему страданія, онъ сразу войдетъ изъ нихъ въ такой миръ и счастье, что всѣмъ кругомъ него станетъ свѣтло и радостно. Лишь бы пожелать этого — и Богъ пошлетъ.

Жизнь — тяжелое испытаніе и наши горести не оставлять насъ до смерти: идилліи и комфорта христіанинъ не имѣетъ никогда. Зато и радости, которыя посылаетъ Богъ христіанину, не сравнятся ни съ какими радостями «міра сего».

Очень часто несчастье кажется намъ громаднымъ, потому что мы увеличиваемъ его совершенно необязательными элементами: ожиданіе несчастья, подготовительные моменты, резонансъ въ сердцахъ близкихъ, промежутки между моментами дѣйствительныхъ страданій, въ которые страдаемъ по инерціи, воспоминаніе о только что прошедшей боли. Если по православному жить полнотой каждаго момента жизни, то несчастье будетъ этимъ сильно обезврежено, если не преодолено совѣмъ.

Сократъ по душевному своему складу православенъ; одна изъ существенныхъ чертъ православія — озаренныя благодатью сердца «въ глиняныхъ сосудахъ» (2 Кор. 4, 7). То же плѣняетъ и у Сократа.

Причиной многихъ неустройствъ въ бракъ и даже разрушенія его является ошибочная современная идея о равенствѣ въ бракѣ. Женщина, не просвѣщенная христіанствомъ, — существо низшее, слабое, «немошный сосудъ». Считать ее другомъ, равнымъ себѣ — ошибка, влекущая за собой разрушеніе семьи. Женщина всегда раба своихъ страстей, своихъ антипатій, своего «хочется». Только въ христіанствѣ женщина становится равной мужчине, подчиняетъ высимъ началамъ свой темпераментъ, пріобрѣтаетъ благоразуміе, терпѣніе, способность рассуждать, мудрость. Только тогда возможна дружба ея съ мужемъ.

Какимъ образомъ тѣлесныя состоянія могутъ вліять на

духъ? Какъ можетъ случиться, чтобы поклоны, крестное знаменіе, произнесеніе святыхъ словъ — могли привести въ движеніе нашу душу? Нормально, что моторъ приводитъ въ движеніе колеса; но бываетъ, что вялый негодный моторъ никакъ не можетъ начать работать, пока не станешь толкать автомобиль и вертѣть колеса.

Стояніе въ Церкви, даже лѣнливое и разсѣянное, не остается безъ плода; если обратиться на себя внутрь, когда стоишь въ Церкви, — то увидишь, что въ этотъ моментъ способенъ на многое доброе и легче удержаться отъ злого, легче простить, сохранить мирнымъ свое сердце.

Слезы такъ значительны, потому что они потрясаютъ весь организмъ. Въ слезахъ, въ страданіяхъ истлѣваетъ наша плоть земная и рождается тѣло духовное, плоть ангельская.

Тѣло духовное создается слезами, постомъ и бодрствованіемъ.

Важна молитва всякая, даже невнимательная. Сила и дѣйствіе слова независимы отъ психологіи говорящаго. Если бранное, грязное слово сквернить и ранить душу произносящаго и даже слушающаго, то святые слова молитвъ, даже разсѣянно повторяемыхъ, тонкими штрихами покрываютъ нашу память, умъ, сердце и производятъ надъ нами благую работу намъ невѣдомую.

Понятно, почему протестующими, беззаконниками, врагами Божества — являются Каинъ и его потомство, Хамъ и все духовные «хамиты». «Законъ Божій» — это не ихъ законъ, онъ чуждъ и даже отвратителенъ имъ. Напротивъ, кроткіе по духу «сыны Авеля» видятъ въ законъ божественномъ нѣчто свое родное, чему они добровольно и охотно покоряются, такъ какъ они «сыны Божіи»; какъ мы, на примѣръ, охотно подчиняемся традиціямъ нашей семьи, школы, обычаямъ нашего народа.

Прямое богообщеніе было у Моисея, у святыхъ — въ

рѣдкія минуты. Въ этомъ смыслѣ наша вѣра есть вѣра (и знаніе) ихъ вѣры.

Но если бы — невозможный случай — святыхъ не было, и мы не имѣли бы ни одного достовѣрнаго случая прямого богообщенія (а мы имѣемъ ихъ тысячи) — и все же каждый изъ насъ имѣетъ слабый, — по нашей слабости, но достовѣрный опытъ богообщенія.

Именно, когда мы говоримъ о Богообщеніи, мы или *знаемъ*, о чемъ мы говоримъ, или говоримъ безсмыслицу. Говоря о Богѣ, мы Ему приписываемъ два признака — формальный, что Онъ объективно существуетъ, и реальный — что Онъ — Любовь.

«Что мы *познали* Его, узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ заповѣди Его», «изъ сего узнаемъ, что мы — въ Немъ». «Кто любитъ брата, тотъ пребываетъ въ Свѣтѣ».

«Всякій любящій знаетъ Бога»... «...потому что Богъ есть Любовь» — все это изъ 1-го посланія Св. Іоанна.

Совершенно неосновательно ожидать, что Богъ намъ откроется несомнѣнно и полностью такимъ, какіе мы сейчасъ. Но въ этихъ словахъ св. Апостола намъ дается нить, по которой (нѣтъ другихъ путей) нади итти къ Богу.

Кромѣ того, все же невозможно откинуть всю евангельскую исторію, чудеса и ученіе Христа, Его самосознаніе, какъ Сына Божія, Преображеніе, Воскресеніе и Вознесеніе, явное и объективное сошествіе Св. Духа на апостоловъ, весь послѣдующій сонмъ святыхъ. Или придется стать на плоскую, философски несостоятельную точку зрѣнія отрицанія всего этого, или же, признавая объективность и реальность всѣхъ этихъ случаевъ Богоявленія, спросить: «почему же мнѣ трудно принятіе всего этого?», — а отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ.

Предметъ моихъ постоянныхъ размышленій и наблюденій — грѣховная психологія, вѣрнѣе, психическій механизмъ падшаго человѣка. вмѣсто внутренняго постиженія — разсудочные процессы; вмѣсто сліянія съ вещами — пять слѣпыхъ чувствъ (поистинѣ «внѣшнихъ»); вмѣсто воспріятія цѣлаго — анализъ. Къ райскому образу гораздо ближе люди примитивные, съ сильными инстинктами, неспособностью къ анализу и логикѣ. Какую грѣхов-

ную работу мы совершаемъ надъ дѣтьми, развивая въ нихъ всѣ черты падшей души!

Особый нашъ крестъ — отдаленность наша — по времени, отъ временъ Христа, но «блаженни невидѣвшіе и увѣровавшіе». Какъ труденъ путь ко Христу сейчасъ, когда мы не видимъ ни Христа, ни людей только что видѣвшихъ Его, когда мы почти не видимъ людей, дѣйствительно любящихъ Его.

Представить только, что мы м о г л и б ы (только временно отдѣлены мы отъ этого), видѣть Христа своими глазами, слышать Его, слышать проповѣдь Павлову или Петрову!

Какъ любить враговъ? — Мы неуязвимы для зла, когда мы въ панцырѣ Духа, когда зло людей до насъ дойти не можетъ, когда мы съ жалостью и любовью смотримъ на причиняющихъ намъ зло. Это такъ же, какъ не страшно быть на морозѣ съ запасомъ тепла внутри, — напримѣръ послѣ пробѣга на лыжахъ.

Не надо смѣшивать это состояніе беззлобія съ самодовольной бронированностью отъ міра.

Всякое богословствованіе, познаваніе ученія Церкви имѣетъ смыслъ, даже больше — возможно, только отъ полноты любящаго и вѣрующаго сердца. Тогда оно плодотворно, осмысленно, жизнеспособно и тогда оно — естественное слѣдствіе живой во Христѣ души.

Анализъ покаянія, — боль отъ грѣха, отвращеніе отъ него, признаніе его, исповѣданіе, рѣшимость и желаніе избавленія, таинственное преображеніе человѣка, сопровождаемое слезами, потрясеніемъ всего организма, очищеніемъ всѣхъ этажей души, чувство облегченія, радости, мира.

Путь ко Христу для всѣхъ насъ — отверженіе своего человѣческаго естества, смиреніе — «мнѣ должно малиться, Ему расти» (Іоаннъ 3), радоваться слыша голосъ Жениха. Идя ко Христу, нельзя миновать подвига Предтечи.

Если мы примемъ рѣшеніе во всемъ всегда слѣдовать голосу совѣсти, такъ какъ это голосъ Божій въ насъ, то эта рѣшимость разовьется въ насъ утеранный органъ богообщенія.

Болѣзнь и мудрость. Доказывая ритору Евдокію его предрасположенность къ занятіямъ философіей, Платонъ, какъ аргументы, приводитъ возвышенность души, тихій нравъ и болѣзненность и тѣлесную немощь; и это Платону кажется не маловажнымъ въ дѣлѣ любомудрія.

Наша любовь къ Богу уже есть для насъ лично, въ нашемъ опытѣ — Его утвержденіе. Наша любовь къ Богу — есть Самъ Богъ въ насъ; и субъективно ощутивъ эту любовь въ себѣ, — мы уже этимъ самымъ признали Бога.

Этотъ *опытъ любви* — единственный путь — вѣрный и самоочевидный. До этого движенія сердца человѣкъ глухъ и слѣпъ ко всему, даже къ чуду. Послѣ же ощущенія Бога въ себѣ ему не нужны и чудеса — чудо уже совершилось въ немъ самомъ.

Неоконченное письмо къ **.

...Если въ насъ есть хотя бы слабое влеченіе къ духовному, то какъ бы мы ни были погружены въ разсѣянную и многзаботливую жизнь, съ трепетомъ и надеждою мы ждемъ наступленія великихъ дней покаянія и каждый разъ надѣмся ступить на эту Таинственную Лѣствицу, возводящую наши сердца къ небу.

Вотъ наступаютъ великіе печальные дни поста и мы, послѣ исповѣди и Причастія, очистившись душой, переживши умиленіе, слезы, почувствовавъ въ себѣ новыя силы, принимаемъ рѣшеніе начать новый образъ жизни. Но обычно, въ самый же день Св. Причастія, мы срываемся на пустякъ, торопимся исправить ошибку, дѣлаемъ новые промахи все въ большемъ количествѣ и, наконецъ, махнувъ рукой, погружаемся въ безболѣзненную привычную грѣховность на весь годъ. Но вотъ снова близокъ постъ и при одной мысли о немъ начинается снова оживать нашъ «внутренній человѣкъ», возрождается надежда, и мы снова ждемъ спасительныхъ и благодатныхъ дней поста съ волненіемъ и упованіемъ на

окончательное и прочное возмужаніе нашей вялой и грѣхлюбивой души. Но между этими намѣреніями и истиннымъ покаяніемъ лежитъ трудно проходимое пространство множества препятствій. Не буду говорить о препятствіяхъ внѣшнихъ — обремененности дѣлами, заботами о тысячахъ внѣшнихъ причинъ — эти препятствія, какъ бы ни были велики, преодолеваются, если есть въ насъ какое-нибудь внутреннее горѣніе, жажда очищенія и добрая къ этому воля.

Важнѣ трудности внутреннія — маловѣріе, страсти, нечистота — наконецъ слѣпота къ своимъ грѣхамъ и «окамененное нечувствіе»; особенно эти два послѣднія.

«Видѣть свои грѣхи въ ихъ множествѣ и во всей ихъ гнусности дѣйствительно есть даръ Божій». (І. Кронштадтскій).

«Восчувствовавшій свой грѣхъ выше того, кто молитвою своею воскрешаетъ мертвыхъ; кто сподобился видѣть самого себя, тотъ выше сподобившихся видѣть ангеловъ» (Св. Исаакъ Сиринъ).

И обратно — слѣпота къ своимъ грѣхамъ, невидѣніе ихъ — естественное состояніе природнаго падшаго человѣка. Мы безсознательно утаиваемъ отъ себя наши грѣхи, забываемъ ихъ, потому что такъ легче жить. Можетъ быть самъ Господь временно закрываетъ отъ насъ часть нашихъ грѣховъ, чтобы не повергнуть насъ въ ужасъ и уныніе отъ яснаго созерцанія всей бездны нашей нечистоты. Во вѣдь если нѣтъ видѣнія своихъ грѣхсвъ, нѣтъ и покаянія; а нѣтъ покаянія, — нѣтъ и спасенія. «Дай мнѣ зрѣти моя прегрѣшенія» — естественный молитвенный вздохъ cadaго изъ насъ, вступающаго въ великіе дни Поста. А для этого нужно не щадить себя, отвергнуться отъ себя, отречься отъ грѣховнаго своего естества.

Есть два вида нечувствія: первое — натурального плотскаго человѣка, сытаго, благополучнаго, второе — нечувствіе человѣка грѣшнаго, надменнаго.

Первый не знаетъ духовной области, второй — вышелъ изъ нея. Первый — не доросъ, второй — потерялъ.

Какъ радостно бываетъ видѣть явные плоды, дѣйствія

на душу вѣры, любви ко Христу. Вотъ сегодня — признаніе ** о томъ, что послѣ его горя и обращенія за помощьюъ въ Церковь, онъ чувствуетъ себя совершенно преображеннымъ, — то, что было привычно-скучно, почти мертво, наполнилось живымъ реальнымъ содержаніемъ, весь міръ зазвучалъ по иному. Да, только опытъ, единственно собственный опытъ можетъ привести къ этому чувству жизненности и правды Церкви и ученія Христова. И, какъ ни горько сказать, — страданія обычный путь къ этому.

Земное счастье — любовь, семья, молодость, здоровье, наслажденіе жизнью, природой, — все это «добро есть» и не надо думать, что Высшій законъ сурово осуждаетъ все это.

Плохо только *рабство* всему счастью, когда оно владѣтъ человекомъ, и онъ всецѣло въ него погруженъ, забывая главное.

И страданія съ точки зрѣнія духовнаго роста цѣнны не сами по себѣ, а только по своимъ результатамъ; отнимая земное счастье, они ставятъ человека лицомъ къ лицу съ высшими цѣнностями, заставляютъ его открыть глаза на себя и міръ, обращаютъ его къ Богу.

Отсюда слѣдуетъ, что земное счастье, связанное со всегдашней памятью о Богѣ, не исключющее напряженности духовной жизни — есть безусловное добро; равно какъ страданія, если они озлобляютъ, или принижаютъ человека, не преображая его, не давая благотворной реакціи — только сугубое зло.

Это въ отвѣтъ на очень распространенное убѣжденіе, что Церковь и Евангеліе осуждаютъ *всякое* земное счастье и зовутъ къ страданіямъ, ради ихъ самихъ.

Наша жизнь на землѣ есть подобіе, реальное отраженіе жизни невидимой и надо здѣсь намъ жить не той упрощенной обезбоженной видимостью жизнью, какъ мы живемъ обычно, а полной истинной жизнью, неразрывно связанной и имѣющей общую природу съ жизнью божественной. Это относится ко всему и главному и второстепенному. Отъ нашего отношенія къ Богу до каждаго нашего самаго незначительнаго слова и поступка.

Въ частности, въ вопросѣ брака — то, что люди свели на плоскость физиологическаго акта, прикрытаго бытовыми обрядами — есть высшее раскрытіе личности человѣка, достиженіе завершенной полноты ея въ таинственномъ соединеніи двухъ, имѣющее о себѣ слова Апостола, уподобившаго это соединеніе союзу Христа и Церкви.

Сегодня я совершилъ хорошую прогулку. Сначала подъемъ былъ довольно скучный — едва замѣтной тропинкой по известковымъ осыпямъ, среди рѣдкаго низкаго сосноваго лѣса; правда, были утѣшительныя событія — почти изъ подъ ногъ выпрыгнувъ заяцъ, встрѣчались кусты барбариса, отцѣтающаго шиповника. Я шелъ потихоньку, читалъ утреню и часы про себя, присаживался. Поднимался часа два, пока добрался до перевала: сразу все измѣнилось. Слѣва маленькая деревушка вокругъ церкви, справа — прекрасные луга, а прямо, за переваломъ — безмѣрный видъ на горы, полосами и пятнами покрытыя снѣгомъ. Кругомъ совсѣмъ близко, — разорванныя, зубчатая скалы. Ниже — зеленые склоны, лѣсъ, а главное, надъ всѣмъ этимъ — необыкновенный снѣговой воздухъ и абсолютная тишина. Только снизу доносился шумъ рѣчки да гдѣ-то подъ камнемъ булькалъ невидимый ключъ. Я долго сидѣлъ тамъ, наслаждаясь тишиной, горами, запахами. Рядомъ со мной цвѣли безсмертники, но такіе, какихъ я не видѣлъ раньше — голубые съ темно-фіолетовой серединкой. Внизу цвѣтотъ совсѣмъ не было, а здѣсь, на высотѣ — такое изобиліе, какъ будто они рождаются не изъ земли, а изъ воздуха и солнца.

И я подумалъ — вотъ чѣмъ горы хороши — въ нихъ, какъ въ общеніи съ мудрымъ человѣкомъ, впитываешь въ себя свѣжесть, ясность, спокойствіе — качества происходящія отъ высоты.

...Напередъ рѣшаю — по возможности никогда не жить въ отеляхъ. Комната гостиницы, даже хорошей, полна вся чужими, вредными для моего душевнаго мира, флюидами. Какіе-то чуждые запахи, постель, на которой спали тысячи людей, умывальникъ съ непременно прилипшимъ чужимъ волосомъ, все это безпокойно, подозрительно, фальшиво. Можно ли нормально жить, стдыхать

въ такой обстановкѣ! Д о м ъ — совсѣмъ другое дѣло, даже самый примитивный и неудобный — здѣсь все естественно, человѣчно, доброкачественно.

Упорно мечтаю о своемъ очагѣ, и даже въ буквальный смыслъ — о каминѣ, который топится дровами, объ своей библіотекѣ, садѣ. Конечно, это только «безсмысленныя мечтанія», вся жизнь наша и вся исторія идутъ противъ этого, — къ сокращенію очаговъ, къ истребленію семейной жизни, къ муравейнику и улью.

Фонтанъ, и на немъ статуя Божіей Матери въ коронѣ. То же — у меня въ комнаткѣ. Мужикъ поить у источника лошадь; другіе мужики и бабы гребутъ сѣно. Молчаливая, неспѣшная жизнь; даже поѣздъ не торопится и перевозить все доброкачественныя вещи: бревна, дрова, прессованную солому и сѣно; и бѣсовскія силы, правящія міромъ, пересѣкаютъ этотъ тихій человѣческій мірокъ только въ видѣ молніями пролетающихъ автомобилей по узкой полоскѣ шоссе залитой смраднымъ гудрономъ (точно чтобы отдѣлить міръ бѣсовскій и Божій).

Живемъ въ старой 250-300-лѣтней фермѣ: низкіе потолки съ толстыми балками, небольшія окна, каминъ, крѣпостныя стѣны. На мѣстѣ прежняго камина сейчасъ чугунная печка, но и она, особенно въ сырые дни, даетъ впечатлѣніе настоящаго дома, уюта, чего то желаннаго. Я думаю настоящее чувство домашняго очага могло быть только у людей, выросшихъ въ такихъ гнѣздахъ, въ с в о и х ъ домахъ, съ настоящимъ живымъ огнемъ очага, съ закопченнымъ потолкомъ. Какое можетъ быть особое тяготѣніе къ теперешнему нашему «дому» — квартирѣ, одной изъ тысячъ одинаковыхъ, съ центральнымъ отопленіемъ, электричествомъ, водопроводомъ вмѣсто колодца или источника, безъ своихъ особыхъ свойствъ, — которую легко перемѣнить на любую другую. Такъ современная культура убиваетъ чувство дома, родной семьи и пролагаетъ путь къ социализму, коммунизму, анархіи въ душахъ, такъ же, какъ и въ быту.

Какъ бы ни мѣнялись моды, трауръ женщинъ остается тѣмъ же, потому что въ горѣ женщина не выдумываетъ, а беретъ готовое и общепринятое. Въ этомъ объясненіе всякаго консерватизма: консервативно то, что серьезно. Самымъ консервативнымъ явленіемъ человѣческой жизни является религія, потому что она — самое глубокое явленіе. Наименѣе консервативна наука — и она наиболѣе подвержена переменамъ. Реформа начинается, когда больше ничего нѣтъ въ душѣ — я говорю все время о реформѣ формъ, поэтому революція — всегда признакъ оскудѣнія духовной жизни націи.

Множество недоумѣній современныхъ христіанъ разрѣшилось бы если бы мы дѣйствительно были христіанами, въ прямомъ, евангельскомъ смыслѣ; разрѣшился бы въ томъ числѣ вопросъ о смыслѣ страданій: «какъ Господь терпитъ»... и мн. др. При нашей жадной, безъ оглядки привязанности къ благамъ этого міра, когда сама эта привязанность родитъ множество страданій, о какомъ р е л и г і о з н о мъ смыслѣ нашей жизни и въ томъ числѣ — и нашихъ страданій, мы можемъ говорить!

Наша постоянная ошибка въ томъ, что мы не принимаемъ всерьезъ данный, протекающій часъ нашей жизни, что мы живемъ прошлымъ или будущимъ, что мы все ждемъ какого то особеннаго часа, когда наша жизнь развернется во всей значительности, и не замѣчаемъ, что она утекаетъ, какъ вода между пальцами, какъ драгоцѣнное зерно изъ плохо завязаннаго мѣшка.

Постоянно, ежедневно, ежечасно, Богъ посылаетъ намъ людей, обстоятельства, дѣла, съ которыхъ должно начаться наше возрожденіе, а мы оставляемъ ихъ безъ вниманія и этимъ ежечасно противимся волѣ Божіей о насъ. И дѣйствительно, какъ Господь можетъ помочь намъ? — Только посылая намъ въ нашей ежедневной жизни опредѣленныхъ людей и опредѣленные стеченія обстоятельствъ. Если бы мы каждый часъ нашей жизни принимали бы какъ часъ воли Божіей о насъ, какъ рѣшающій, важнѣйшій, единственный часъ нашей жизни — какіе дотолѣ

скрытые источники радости, любви, силы открылись бы на днѣ нашей души!

Мы мало знаемъ и не пытаемся, въ большинствѣ, узнать наше богослуженіе, жизнь нашей Церкви. И мы должны это восполнить, стать живыми ея членами. Не всѣ даже знаютъ, что такъ называемый «хоръ», ликъ — говорить, поеть отъ лица всѣхъ предстоящихъ и въ древнія времена не было искусственно выдѣленныхъ профессионаловъ, которые несутъ эту «обязанность» теперь, а пѣли всѣ, свидѣтельствуя свою вѣру, съ отвѣтственностью за произносимыя слова. Мы даже и слова эти не всегда знаемъ. Многіе-ли ихъ понимаютъ? Мы своимъ стояніемъ въ церкви какъ бы подписываемъ письмо, котораго не читали, беремъ на себя обязательства, которыхъ не знаемъ. Церковь жива и жива будетъ во вѣки. Не будемъ же висѣть изсохшими, помертвѣвшими листьями на этомъ вѣчно живомъ Древѣ.

Если бы у насъ было больше любви къ Богу — съ какой легкостью мы довѣрили бы Ему себя и весь міръ со всѣми его антиноміями и непонятностями. Всѣ трудности — отъ недостатка любви къ Богу и всѣ трудности среди людей отъ недостатка любви между ними. Если есть любовь — трудностей быть не можетъ.

Какъ укрѣпить себя въ Церкви?

Руководство, духовный отецъ, постоянная съ нимъ связь. Частое прибѣганіе къ таинствамъ, тщательное къ нимъ приготовленіе, посѣщеніе богослуженій, домашняя молитва, ежедневное чтеніе Евангелія, чтеніе книгъ религіознаго содержанія, соблюденія церковнаго года, дружба и общеніе съ людьми вѣрующими и церковными.

Глубоко заблужденіе относительно будто бы низменности нашего тѣла, грѣховности его самаго по себѣ. Оно грѣховно по столько же по сколько и душа — оно поражено грѣхомъ и оно свято и образъ Божій по своему существу.

По первоначальному Божию замыслу свято было тѣло и душа въ немъ. Грѣхопаденіе и наказаніе за грѣхъ были одновременны для души и тѣла. И совершенно въ такой же мѣрѣ мы должны очищать свое тѣло, какъ и душу. «Образъ есмь неизреченныя Твоя славы, аще и язвы ношу прегрѣшеній» — вотъ эти язвы и надо лѣчить, помня «по образу Божию созданную нашу красоту», которая воскреснетъ и приобщится къ славѣ Божіей.

Всѣ добродѣтели ничто безъ смиренія. Примѣръ — фарисеи. Вся сумма добродѣтелей при отсутствіи смиренія — «кораблекрушеніе въ пристани». Признаки смиренныхъ — не вѣрить своимъ достоинствамъ, — не знать даже о нихъ (смиренномудріе), не осуждать, радоваться униженію. И имъ — блаженство на первой же ступени.

Приближеніе свѣта страшно и мучительно для тьмы и грѣха. Постоянное наблюденіе — какъ люди упорно избѣгаютъ Святаго Причастія; идя въ церковь, какъ будто по внутреннему влеченію — остаются стоять на дворѣ; это признаніе многихъ.

Между духовнымъ ростомъ и многословіемъ — обратная пропорціональность. Легка и соблазнительна замѣна духовнаго напряженія болтливостью. Въ этомъ — соблазнъ всякаго «учительства».

«Я глубоко вѣрующій» — общее мѣсто всѣхъ сомнѣющихся, ограниченныхъ и мало вѣрующихъ людей. Апостолы, видя Христа, осияя Его, просили: «умножь въ насъ вѣру»; въ Евангеліи точно указаны признаки глубоко вѣрующихъ; «увѣровавшихъ будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ, ...возложать руки на больныхъ, и они будутъ здоровы». Маркъ 17; «...ничего не будетъ невозможнаго для васъ». Мф. 17; «...чего не попросите съ вѣрою дастся вамъ». — Похоже ли это на насъ — холодныхъ, безпомощныхъ и немощныхъ духовно?

Текстъ «Богъ не искушается зломъ» (Евр. 1. 13) по русски неясенъ. Эти слова надо понимать можетъ быть въ томъ

смыслъ, что отъ Бога не исходитъ никакое зло и Самъ Онъ не искушаетъ никого, а каждый провоцируетъ искушенія своими грѣхами. Отъ Бога только добро, Онъ «Отецъ свѣтовъ» — ангеловъ.

Что такое сонливость, разсѣянность, трудность молитвы, «окамененное нечувствіе», — какъ не явная смерть, результатъ грѣха, убивающій насъ, данная намъ въ прямомъ нашемъ опытѣ, въ наблюденіе надъ собой, смерть до смерти.

Кто возставитъ, кто воскреситъ? Какая сила можетъ обратить мертвое въ живое? — Сила Божія и на нее мы надѣемся снова и снова.

Въ жизни нашей мы знаемъ *навѣрно* только то, что мы умремъ; это единственно твердое, для всѣхъ общее и неизбежное. Все переменчиво, ненадежно, тлѣнно и, любя міръ, его красоту и радости, мы должны включить въ нашу жизнь этотъ послѣдній завершительный и тоже, если мы захотимъ, могущій быть прекраснымъ, моментъ — нашу смерть.

Познание себя, всматриваніе въ глубины своей души важно для выясненія именно *своихъ* слабыхъ мѣстъ и соответственно этому — борьба съ тьмой въ себѣ и сознательное приближеніе себя къ свѣту. Какъ и тѣлесныя болѣзни, у каждого изъ насъ есть свои, съ ему свойственными особенностями, душевныя немощи и, какъ лѣченіе тѣла индивидуально для каждой болѣзни и для каждого человѣка, такъ, кромѣ общаго для всѣхъ «духовнаго режима», должна быть у каждого своя особенная борьба, обращенная противъ именно ему свойственныхъ грѣховъ и пороковъ.

Ужасаетъ не только грѣхъ, но и возможное послѣ него отчаяніе и уныніе. Исаакъ Сиринъ объ этомъ говоритъ: «не устрашайся хотя бы ты падалъ каждый день и не отходи отъ молитвы; стой мужественно и ангелъ тебя охраняющій почтитъ твое терпѣніе». Вспомнимъ, что говоритъ Христосъ въ подобномъ случаѣ — «иди и впредь не грѣши» — и только: ни прокля-

тій, ни отлученій. Нельзя поддаваться злему духу, который тянетъ въ большій грѣхъ — уныніе. Снова и снова надо припадать ко Христу и Онъ снова и снова насъ приметъ.

Очень много даетъ мнѣ чтеніе Исаака Сирина. Особенно хорошъ общій его тонъ, — благодостной мудрости, любви, крайней жалости къ грѣховному человѣчеству, его замѣчательный языкъ, сжатость и сила его изрѣченій. Какъ убѣдительно онъ говоритъ о томъ, что мы, изгнанные изъ рая «въ страну терній», не должны удивляться, что и сѣмъ мы въ терніяхъ и собираемъ среди терній и больно уязвляемся ими, даже если мы ищемъ только добраго и поступаемъ праведно; и это все до тѣхъ поръ, пока снова не найдемъ въ своемъ сердцѣ рая любви божественной, когда все опять, даже на этой землѣ, станетъ для насъ радостнымъ и свѣтлымъ. Да пошлетъ намъ Господь хотя бы предчувствіе этой радости, а пока безъ ропота будемъ жить и трудиться среди «терній».

Всякое богоборчество — низкаго происхожденія. Истинный аристократизмъ въ преклоненіи передъ Высшимъ.

Мудрость жизни, въ томъ числѣ и христіанской, не быть требовательнымъ къ людямъ.

«Душа соединяется вся съ тѣломъ, а не часть съ частью и не объемлется имъ, но объемлетъ оное и, находясь въ немъ, совершаетъ свойственное ей дѣйствіе» (І. Дамаскинъ). Это соображеніе важно для объясненія вліянія тѣлесныхъ состояній и процессовъ на душу: колѣнопреклоненіе, поклоны, мимика, — все, что касается закона Джемса-Ланге.

Ни мужчина, ни тѣмъ болѣе женщина, не имѣютъ въ бракѣ другъ передъ другомъ абсолютной власти. Насиліе надъ волей другого, хотя бы во имя любви, убиваетъ саму любовь; а тогда вопросъ: надо ли подчиняться такому насилію, разъ въ немъ опасность для самого дорогаго? Безконечное количество

несчастливых браковъ именно отъ того, что каждая сторона считаетъ себя собственникомъ того, кого любить. Почти всѣ трудности брака — отсюда. Величайшая мудрость брака — дать полную свободу тому, кого любишь: бракъ нашъ земной — подобіе брака небеснаго (Христосъ и Церковь), а тамъ полная свобода.

Вотъ общее наблюденіе надъ молодежью — всѣ почти юноши унылы, мрачны, тяжелы, у всѣхъ дѣвушекъ — легкость, простота, лучистость какая то. Имъ все дается легче, въ обращеніи ихъ къ христіанству имъ легче дается с е р д е ч н о с т ь этого обращенія. Для юноши надо преодолѣть гораздо больше — разсудочность прежде всего, самолюбіе и т. д. Поэтому въ будущемъ русскомъ церковномъ обновленіи женщинѣ предстоитъ, вѣрно, не малая роль.

Наблюдаю у людей одну особенность и вывожу изъ нея, значительный, какъ мнѣ кажется, психологическій законъ. Часто люди, имѣя даже запасъ времени, всегда опаздываютъ, во всякомъ словѣ и дѣйстви. У нихъ есть какой то неосознанный ими самими упоръ противъ в с я к а г о дѣйствія — безразлично: пріятнаго или непріятнаго — нейтральнаго. Когда приходитъ моментъ сказать, отвѣтить, взять, — они безсознательно тормозятъ, производя множество мелкихъ ненужныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью отдалить моментъ предстоящаго акта, — и въ концѣ концовъ опаздываютъ. Я думаю, этотъ механизмъ есть во всякой душѣ, доходя до психоза у однихъ и совершенно исчезая у праведныхъ. Это какой то элементарный видъ грѣха, чистаго, безпредметнаго, «безкорыстнаго».

Почему всякое «наслажденіе», «сладость» есть грѣхъ? Потому что моментъ наслажденія есть моментъ усиленія личнаго самочувствія, и чѣмъ острѣе наслажденіе, тѣмъ глубже разрывъ нашъ со всеобщей гармоніей.

Отъ наслажденія къ самолюбію, отъ самолюбія — къ разложенію гармоніи, отъ разложенія — къ смерти.

Самолюбивый человекъ безнадежно слѣпъ и одинокъ; ничего ни въ мірѣ, ни въ людяхъ онъ не увидитъ, кромѣ себя самого.

Съ начала міра люди умираютъ, съ начала міра извѣстно, что все земное непрочно, проходить, тлѣть, и все таки съ какой то слѣпой жадностью люди ставятъ все, что имѣютъ, всѣ силы своей души на эту карту, которая навѣрно будетъ бита, несутъ свои сокровища въ банкъ, который навѣрное лопнетъ.

Слова с томъ, что мы созданы по образу и подобію Божію, — вотъ наше мѣрило, наша совѣсть, путь, по которому надо идти. Всякій иной путь — потеря себя, извращеніе своей личности и только въ преобразованіи себя въ образъ и подобіе Божіе, въ возвращеніи къ тому, чѣмъ мы созданы и что исказили въ себѣ, — истинный путь человека.

Міръ — система символовъ — *ab rebus ad realiora* — отображеніе духовнаго міра въ плоти міра природнаго, — «образъ и тѣни небеснаго» (Евр. 8, 5). Смыслъ символовъ — радость сознанія, что міръ нашъ подобенъ міру иному. Отсюда — иконы, свѣчи, дымъ кадильный.

Вся ли вселенная развращена грѣхопадениемъ? Не созерцаемъ ли мы райскіе міры, глядя на звѣзды?

Душа ищетъ радости вопреки всему; горе, страданія сами по себѣ несвойственны человеку и это инстинктивное обращеніе къ радости и свѣту не есть ли воспоминаніе души объ утерянномъ раѣ и стремленіе къ нему?

Современные безбожники, отрицая религію, борясь съ нею, не могутъ все таки остаться совсѣмъ безъ религіи, такъ какъ преклоненіе передъ Высшимъ вложено въ природу человека. И они невольно создаютъ жалкую имитацию религіи — поклоненіе вождямъ (святые), даже ихъ праху (мощи), религіозное прекло-

неніе передъ своимъ ученіемъ (Евангеліе) — т. е. подмѣняютъ вѣчное и прекрасное своимъ временнымъ и бездарнымъ, но идущимъ отъ той же потребности, которую они заглушить въ себѣ не могутъ. Подмѣна истинной религіи ложной приводитъ ихъ въ духовный тупикъ — т. к. ихъ религія духа не питаетъ, а религиозная потребность внѣшне, какъ будто, удовлетворена.

Отчего слаба любовь къ Богу? — Отъ того, что слаба вѣра. А вѣра слаба отъ равнодушія къ божественнымъ вещамъ. Отъ познаванія, изученія ихъ явится вѣра, отъ вѣры — любовь.

Постоянно слышишь «трудно жить!» и на приведеніе примѣра святыхъ — обычное возраженіе: «на то они святые, имъ все легко». Обычное заблужденіе. Имъ то и трудно. Они преодолѣли не только трудности житейскія, но и самое естество человѣческое. Обычный путь святого — отъ бездны грѣха на вершину святости, — тѣсный и трудный путь; тогда, какъ нашъ — всегда путь легкій — по линіи наименьшаго сопротивленія. Но тяжки и горьки плоды нашего пути, тогда какъ «трудный» путь, даетъ награду настоящихъ блаженствъ.

Какъ велика сила смиренія. Какъ обезсиливаетъ отсутствіе его. Если въ проповѣдникѣ, ораторѣ, чувствуется хоть тѣнь самодовольства — это не только зачеркиваетъ всѣ его дѣйствительныя достоинства, но и вооружаетъ противъ него. Наоборотъ — смиренный, даже при отсутствіи большого ума, талантовъ, беретъ въ плѣнъ всѣ сердца (Saint Curé d'Ars).

Сущность гордости — замкнуться для Бога, сущность смиренія — дать Богу жить въ себѣ.

Почему святые часто имѣли весьма среднія способности (до своей святости — если можно такъ сказать)? — Потому что наши выдающіяся, но плотскія способности, можетъ быть мѣшаютъ развитію способностей благодатныхъ. Возьмемъ, наприкладъ, память. Можно имѣть слабую человѣческую память, но въ

минуты вдохновенія вспомнить все, что надо. Я часто испытываю это во время исповѣди, бесѣды или проповѣди: нужныя цитаты, примѣры, точныя слова являются сами собою. Всякое записываніе и прочее крохоборство есть проявленіе невѣрія въ силу Божію — «дать вамъ Господь, что сказать въ тотъ часъ». Дѣйстви-тельно, «сила наша въ помощи совершается», — «когда я немощенъ — тогда силенъ».

Есть три ступени послушанія — обращеніе за совѣтомъ въ случаѣ полного своего недоумѣнія, исполненіе совѣтовъ, совпадающихъ съ нашими мыслями, наклонностями, съ нашей точкой зрѣнія и, наконецъ, — исполненіе послушанія, даже когда оно противорѣчитъ нашимъ взглядамъ и желаніямъ — только это и есть истинное послушаніе.

Если не осуждать, то какъ же помочь брату своему согрѣшающему? — Заняться «бревномъ» въ своемъ глазу; и только повозившись съ нимъ, поймешь, какъ глубоки причины грѣха, какъ трудна борьба съ нимъ, какими способами врачуется грѣхъ, какой жалости и сочувствія достоинъ грѣшникъ, и эти чувства и твой опытъ въ борьбѣ съ грѣхомъ помогутъ вынуть «сучокъ» изъ глаза брата твоего — сочувствіемъ, примѣромъ, любовью. Осужденіе стпадетъ само.

Тщеславіе — простая стекляшка, сверкающая и играющая, если на нее падаютъ лучи; и тѣмъ больше играетъ, чѣмъ больше лучей, и тускла и безцвѣтна, когда ихъ нѣтъ.

Въ общежитіи существуетъ коренное непониманіе поста. Важенъ не самъ постъ, какъ *неядѣніе* того то и того то или какъ *лишеніе* себя чего либо въ видѣ наказанія; — постъ есть лишь испытанный способъ достигнуть нужныхъ результатовъ — черезъ истощеніе тѣла дойти до утонченія духовныхъ мистическихъ способностей, затемненныхъ плотію, и этимъ облегчить свое приближеніе къ Богу.

Наука разрушает самое себя, уже разрушила отчасти. Всякія обобщенія, выводы почти уже не доступны отдѣльнымъ людямъ изъ за колоссальнаго нарастанія матеріала, невозможно-сти быть въ курсѣ всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ, все время мѣняющихся. Посильно только новое собираніе матеріаловъ и обработка частныхъ темъ, узкихъ областей. Общіе выводы становятся никому не по силамъ, и темы становятся все болѣе частными. Чего же стоятъ послѣ этого выводы науки, въ частности — антирелигіозные!

Раціонализмъ и матеріализмъ, отвергая религію, пытаясь научно объяснить всѣ тайны мірозданія, проявляютъ прежде всего научную же нечестность, т. к. по существу они ничего не объясняютъ, положительнаго отвѣта на многое не даютъ и не хотятъ признать эту свою несостоятельность. Основная ошибка ихъ въ томъ, что они не видятъ поврежденности грѣхомъ человѣческаго разума, т. е. именно той основы, на которую они опираются. Второе — то, что они считаютъ, что *все* можетъ быть объяснено. Отсюда ихъ жалкія и бесплодныя попытки дать матеріалистическое объясненіе всему, въ то время, какъ признаніе поврежденности грѣхомъ человѣческой природы, а слѣдовательно и разума, преклоненіе передъ Высшимъ и признаніе существованія Тайны — есть самая сущность религіи. Она не даетъ объясненія всему — потому что и нѣтъ этого объясненія здѣсь, но даетъ обѣщаніе и предчувствіе Гармоніи тамъ, гдѣ будетъ примиреніе всѣхъ антиномій.

Для людей нашего строя жизни, смерть является неожиданностью, нелѣпостью, она никакъ не гармонируетъ и не вяжется со всѣмъ предшествующимъ. А такъ такъ смерть — явленіе высшаго божественнаго порядка, то значить весь строй нашей жизни не вяжется съ строемъ божественнымъ.

«Толстовство» — результатъ потуги средняго ума провѣрить всѣ основы человѣческой жизни, созданныя геніями, святыми и творчествомъ великихъ народовъ. Безсиліе средняго

ума понять смысл основъ, законовъ, и учреждений — приводитъ къ ихъ отрицанію.

Истерія — есть разложеніе личности, и оно освобождаетъ огромныя, пагубныя своей разрушительной силой количества энергіи, какъ въ распадающемся атомѣ.

Откуда стыдность (и безстыдство) наготы, запрещеніе ея въ Библии и въ религіозномъ сознаніи народовъ? — Я думаю, что «голый человѣкъ» = «грѣшный человѣкъ», отпадшій отъ Божіей славы. Тѣла прародителей и тѣла святыхъ облечены «свѣтомъ, яко ризою»; у насъ, павшихъ, свѣтъ замѣненъ одеждами до времени; «голое состояніе» — есть вызовъ Богу, утвержденіе въ своемъ грѣхѣ.

«Почему Богъ не облегчаетъ нашихъ страданій? Какъ Онъ, благой, можетъ допускать ихъ?» Самыя острые страданія — отъ грѣховной злобы, самолюбія, ревности, желанія мести; всякій грѣхъ несетъ въ себѣ боль и скорбь («скорбь и тѣснота всякой душѣ, дѣлающей зло» Римл. 2, 9). Винавать ли Богъ въ этихъ страданіяхъ? Хотѣли ли бы мы, чтобы грѣхъ не влекъ за собой боль, т. е., чтобы грѣхъ не искупался, чтобы міръ утонулъ въ грѣхѣ? — «Грѣхи наши горятъ и сгораютъ скорбями».

Какъ различить плохое или хорошее въ поступкахъ, въ людяхъ. Единственная мѣра — чувство радости, мира, любви; и обратно — сомнѣнія, смятенія. Въ этомъ почти безошибочный судъ.

Отъ нашего человѣческаго: любить любящихъ и ненавидѣть ненавидящихъ, намъ показано два пути: путь Божій — любить ненавидящихъ и дьявольскій путь — ненавидѣть и оскорблять любящихъ.

Въ программахъ нашихъ высшихъ духовныхъ школъ преобладало интеллектуалистическое, а не аскетическое трактова-

ніе христіанства. Миѣ кажется, вмѣсто учебниковъ по исторіи Церкви надо было бы поставить въ первую голову «Житія», вмѣсто учебниковъ богослуженія — часословъ и подробный молитвенникъ, церковный календарь съ типикономъ; раньше догматическихъ отцовъ—отцовъ наставниковъ внутренней жизни и молитвы — Авву Дорофея, Исаака Сирина, Святаго Касьяна, Исхія и др.

Учебники по исторіи философіи указывались сплошь новокантіанскіе, т. е. внѣ-религіозные. Не лучше ли было вмѣсто жвачки учебниковъ рекомендовать сами философскія вещи — Гераклита, (въ издательствѣ Мусагетъ), *Memorabilia* Ксенофонта, діалоги Платона и т. д..

Не надо было потомъ удивляться вольнодумству и негативистической настроенности нашего молодого духовенства.

Общеніе съ дѣтьми учить насъ искренности простотѣ, умѣнію жить даннымъ часомъ, дѣломъ — основному въ Православіи.

Дѣти каждый день, какъ бы снова рождаются — отсюда ихъ непосредственность, неосложненность души, простота сужденій и дѣйствій.

Кромѣ того — у нихъ не заглушенное чувство добра и зла, свобода души отъ плѣна грѣха, отсутствіе суда и анализа.

Все это мы имѣемъ, отъ рожденія, какъ даръ, который мы легкомысленно растериваемъ въ пути и потѣмъ съ муками и трудами собираемъ по крошкамъ, растерянное богатство.

Мы слѣпы, слѣпы, когда не видимъ своихъ грѣховъ, когда отчетливо видимъ чужіе недостатки; когда считаемъ себя единственными обладателями всецѣлой истины и въ самолюбовомъ раздраженіи отвергаемъ чужую точку зрѣнія. Пусть послужитъ намъ примѣромъ прозрѣвшій евангельскій слѣпецъ. Съ какою простотой, мужествомъ и искренностью преклонился онъ передъ Истиной, когда увидѣлъ Ее тѣлесными и душевными очами. Да пошлетъ и намъ Господь этой мудрой простоты, да просвѣтитъ наши очи, ослѣпленные мракомъ грѣховъ, да возлѣжитъ на очи наши брѣнія смиренія и омоетъ покаянія слезами.

Не торопиться слова и декораціи ставить на пустое мѣсто, пока оно не заполнено глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ.

Какъ въ наркозѣ, въ опьяненіи, во снѣ — такъ и въ постѣ человѣкъ проявляетъ себя — у однихъ проявляются высшія способности духа, другіе дѣлаются только раздражительны и злы; — постъ открываетъ истинную сущность человѣка.

Чѣмъ сберегались великія націи, что сохраняло ихъ отъ уничтоженія? — Языкъ и вѣра. И языкъ и вѣру мы должны сохранить нашей молодежи, чтобы она осталась русской.

Есть разные виды духовной слѣпоты; — по разному слѣпы и добросовѣстно заблуждающіеся, отъ незнанія (Савль, язычники); иначе — погрязшіе въ грѣхахъ, покрываемые мракомъ страстей; еще по иному — пстерявшіе критерій истины, гордые — «мое — значить истина, не мое — ложь». Для прозрѣнія однихъ — надо только встрѣтить истину, для остальныхъ — прозрѣніе въ покаяніи: «Душевными очима ослѣпленъ, къ Тебѣ, Христе, прихожду, яко же слѣпый отъ рожденія зову Ти, сущихъ во тьмѣ свѣтомъ покаянія просвѣти».

Постоянное явленіе, что страданія не обращаютъ души къ Богу, что они безплодно раздавливаютъ ее и являются такимъ образомъ бессмысленными. Почему такъ спасительны были страданія блуднаго сына? Почему онъ, «войдя въ себя», нашель путь спасенія? — Потому, что онъ вспомнилъ домъ Отца, потому, что онъ твердо зналъ, что есть этотъ домъ, потому, что онъ любилъ его, потому, что, оставивъ языкъ образовъ, — грѣшникъ этотъ вѣрилъ въ Бога. Вотъ, что спасаетъ насъ въ страданіяхъ. Вотъ, что открываетъ намъ врата Небеснаго Чертога, единственные врата, въ которыя стоитъ стучаться.

Грѣхомъ, гордостью одного человѣка пало единосущное ему человѣчество, и смиреніемъ Одной же, «рода нашего», оно возродилось.

Евангельскій сотникъ (Мѣ. 8) — образъ совершеннаго человѣка, «который имѣя у себя въ подчиненіи воина, одному говоритъ — уйди (злымъ помысламъ) — и уходитъ, другому — прииди (добру въ себѣ) — и приходитъ, и слугѣ своему (тѣлу) — сдѣлай то и дѣлаетъ».

Обратная картина у обычнаго средняго человѣка — разсѣянность, дисгармонія, неподчиненность чувствъ и воли; и надо замѣтить, что единственно приходъ къ вѣрѣ и Церкви — снова упорядочиваетъ эту растрепанность души, пріобщиаетъ ее своей гармоніи.

Всякое принужденіе, даже къ добру — вызываетъ всегда только отпоръ и раздраженіе. Единственный путь привести человѣка, къ чему либо — это дѣйствовать собственнымъ примѣромъ и привести его къ желанію стать на тотъ же путь — тогда только, какъ самостоятельный, свободный актъ — поворотъ этотъ будетъ проченъ и плодотворенъ.

Смиренный не употребляетъ гиперболю.

Послушаніе не убиваетъ, а усиливаетъ духовную волю человѣка.

Почему такъ важны впечатлѣнія дѣтства? Почему важно торопиться наполнить сердце и умъ ребенка свѣтомъ и добромъ съ самаго ранняго возраста? — Въ дѣтствѣ — сила довѣрія, простота, мягкость, способность къ умиленію, къ состраданію, сила воображенія, отсутствіе жестокости и окамененности. — Это именно та почва, въ которой посѣянное даетъ урожай въ 30, 60 и 100 кратъ. Потомъ, когда уже окаменѣетъ, очерствѣетъ душа, воспринятое въ дѣтствѣ, можетъ снова очистить, спасти человѣка. Отъ того такъ важно держать дѣтей ближе къ Церкви — это питаетъ ихъ на всю жизнь.

На урокъ сегодня дѣти спросили меня (очевидно послѣ большого спора между собой) — что такое аскетизмъ? Я отвѣ-

тиль — «система упражненій, приводящихъ тѣло въ подчиненіе духу».

«А какія самыя первыя упражненія?» (въ 12 лѣтъ!).

— 1) Дыханіе носомъ; 2) ѣда не досыта, не брать второй разъ; 3) не валяться въ постели.

Это могло бы быть темой большой самостоятельной бесѣды съ дѣтьми.

Въ бракѣ расширеніе личности, рожденіе черезъ него въ міръ въ новой полнотѣ.

Осужденіемъ занята вся наша жизнь. Мы не щадимъ чужого имени, мы легкомысленно, часто даже безъ злобы, осуждаемъ и клеветаемъ — почти уже по привычкѣ. Какъ осенніе листья — шуршатъ и падаютъ и гніютъ, отравляя воздухъ, такъ и осужденія разрушаютъ всякое дѣло, создаютъ обстановку недоверія и злобы, губятъ наши души.

Признакъ недолжнаго суда — страстность, злобность, безлюбовность, отъ снисходительности къ себѣ, непризнанія своей грѣховности и требовательности къ другимъ.

Осужденіе отпадетъ, если мы вспомнимъ безконечную нашу задолженность передъ Богомъ; наше немилосердіе, неумолимость, безпощадность къ людямъ заграждаютъ пути Божьяго къ намъ милосердія, отдаляютъ насъ отъ Бога.

Благо намъ, если мы сами во время внутренно освобождаемся отъ широкихъ путей міра сего, если ни радости жизни, ни богатство, ни удача, не заполняютъ наше сердце и не отводятъ его отъ самаго глазнаго. Въ противномъ случаѣ Господь въ гнѣвъ своемъ сокрушаетъ идоловъ нашихъ — комфортъ, карьеру, здоровье, семью, чтобы мы поняли наконецъ, что есть единый Богъ, которому надо кланяться.

Все меньше у меня становится вкуса и вѣры къ словеснымъ методамъ воздѣйствія, вообще къ словамъ — «сокровен-

ный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно передъ Богомъ» (1 Петр. 3).

Изъ письма о. Александра незадолго до смерти:

«Многое я снова передумалъ и пережилъ за эту болѣзнь. Страшная и сомнительная и зыбкая вещь — наша жизнь; такой тонкой пленкой отдѣлена она отъ боли, страданія и смерти. И такъ безсиленъ человѣкъ передъ всѣмъ этимъ мракомъ, такой слабой оказывается вся духовная жизнь, не выдерживающая температуру въ 40°, ослабѣвающая при большой боли. Вообще болѣзнь сильно смиряетъ; Господь не оставляетъ безъ своихъ утѣшеній, но такъ ясно видишь с в о е ничтожество и безсиліе. Единственная защита противъ всѣхъ ужасовъ окружающихъ насъ — вѣрная любовь ко Христу и неотступное за него держаніе».

Изъ писемъ къ молодежи

«Если уже ты принимаешь мое руководство, то я посоветую тебѣ вотъ что:

Молиться утромъ и вечеромъ, хоть одну молитву, хоть 1-2 минуты, но стараться достигнуть полного сосредоточенія мыслей на словахъ молитвы, изгнанія изъ ума всего посторонняго, хоть слабой степени *сердечной* теплоты, чувствуемой и реально въ области сердца, такъ какъ мы молимся прежде всего *сердцемъ*.

Читать, когда сможешь, но каждый день, хоть 1-2 стиха Евангелія, съ усиліемъ примѣнить прочтенное къ своей жизни, къ пониманію окружающаго, т. е. съ усиліемъ понимать читаемое, какъ живое слово Бога, направленное именно къ тебѣ.

Читать всегда какую-нибудь книгу религіознаго содержанія, жизнеописаніе святыхъ, по исторіи церкви. Здѣсь могутъ быть полезны и французскія книги — напр., о св. Францискѣ Ассизскомъ, о св. Терезѣ, если нѣтъ православныхъ.

По каждому изъ этихъ пунктовъ можетъ быть безконечное развитіе и углубленіе, я только чуть коснулся этихъ темъ....»

На твои вопросы о постѣ: постъ не есть голодъ. Голодаетъ и диабетикъ, и факиръ, и іогъ, и заключенный въ тюрьмѣ, и просто нищій. Нигдѣ въ службахъ Великаго Поста не говорится о постѣ изолированномъ въ нашемъ обычномъ смыслѣ, т. е. какъ о неядѣніи мяса и проч. Всюду одинъ призывъ — «постимся, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ». Слѣдовательно, постъ только тогда имѣетъ религіозный смыслъ, когда онъ соединенъ съ ду-

ховными упражненіями. Постъ—истощенію, утонченію. Нормальный зоологическій благополучный человѣкъ недоступенъ вліяніямъ высшихъ силъ. Постъ расшатываетъ это физическое благополучіе человѣка, и тогда онъ дѣлается доступнѣе воздѣйствіямъ иного міра, идетъ духовное его наполненіе.

...Что касается исповѣди, — не откладывай ее. Слабая вѣра и сомнѣнія — не препятствіе. Непремѣнно исповѣдуйся, каюсь въ слабой вѣрѣ и сомнѣніяхъ, какъ въ своей немощи и грѣхѣ. Такъ оно и есть: полная вѣра только у сильныхъ духомъ и праведныхъ; гдѣ намъ, нечистымъ и маловѣрнымъ, имѣть ихъ вѣру. Была бы она — мы были бы святы, сильны, божественны и не нуждались бы въ той помощи Церкви, которую она намъ предлагаетъ. Не уклоняйся и ты отъ этой помощи.

...ты очень хорошо опредѣлили сущность свѣтской литературы — гордость, самомнѣніе, нечистота. Нужно обращаться къ ней только въ случаѣ необходимости, а постоянно читать то, что питаетъ твою душу, указывая цѣль, единственную цѣль жизни. Здѣсь нуженъ своего рода аскетизмъ, самоограниченіе, самопринужденіе; всякій христіанинъ — подвижникъ, — помни это; человѣческая природа такъ искривлена, что на нее приходится жестоко нажимать, если ты хочешь выравнять себя по евангельскимъ мѣркамъ, и выравнивать приходится каждый день, каждый часъ; помоги тебѣ въ этомъ Господь...

Я убѣдился, что ежедневное чтеніе св. отцовъ и житій въ нашихъ условіяхъ главнѣйшее и дѣйствительнѣйшее средство для поддержки нашей вѣры и любви; это чтеніе конкретно рисуетъ намъ области, куда мы стремимся, даетъ нашей вѣрѣ сказы, идеи, чувства, указываетъ пути, обнадеживаетъ описаніемъ ступеней, этаповъ внутренняго движенія, согрѣваетъ сердце влеченіемъ къ блаженной жизни святыхъ подвижниковъ и т. д. Какъ можно любить то, чего не видишь, отъ чего не имѣешь постоянныхъ впечатлѣній. Первые христіане оттого и горѣли «такой вѣрой — любовью, что слышали, видѣли

своими очами, осязали руками» (1 Иоанн. 1). Эту возможность имѣть прямыя впечатлѣнія отъ Божественнаго свѣта даетъ намъ или общеніе съ живыми святыми, или общеніе съ ними же черезъ проникновеніе, путемъ чтенія, въ ихъ внутреннюю жизнь. Естественный, казалось бы, путь къ тому же черезъ чтеніе Евангелія. Конечно, да, для тѣхъ, кто способенъ читать его съ пользой. Есть множество людей, которымъ Евангеліе ничего не говоритъ — или оттого, что оно съ дѣтства «зачитано», или свѣтъ евангельскій слишкомъ силенъ для слабыхъ глазъ, и не всѣ способны воспринять его, и нуждаются въ смягчающей средѣ жизни святыхъ, въ которыхъ тотъ же свѣтъ Евангельскій, но въ болѣе доступномъ намъ видѣ.

Ты спрашиваешь о значеніи текста: «Если зерно пшеничное» и т. д. (Иоан. 12, 24).

Здѣсь подразумѣвается смерть нашей низшей личности, эгоизма, «самости», своеволія — только съ ихъ истребленіемъ въ насъ рождается новая благодатная жизнь, которая свѣтитъ всѣмъ, «приноситъ многимъ плодъ». Это говорилъ Гете: „Entbehren sollst du, sollst entbehren“, — это подразумѣвалъ святой Серафимъ, говоря: «Радость моя, стяжи духъ мирный и тысячи людей спасутся окло тебя». Т. е. приобрѣсти миръ душевный, безстрастіе, безгнѣвіе, тишину въ душѣ и ты будешь свѣтитъ всѣмъ окружающимъ, (а это явится тогда, когда ты откажешься стъ всего с в о е г о).

То, что я говорилъ и писалъ тебѣ о послушаніи, не понимай какъ какую-то мягкотѣлость, перекладываніе своего на чужія плечи, отказъ отъ своего пути.

Нѣтъ, послушаніе — это подвигъ, и подвигъ труднѣйшій, требующій, можетъ быть большей силы воли, (какъ это ни звучитъ парадоксально), чѣмъ жить по-своему.

Совѣтую тебѣ вести дневникъ, это помогаетъ изученію себя, предохраняетъ отъ повторенія ошибокъ, сохраняетъ живымъ прошлое. Стоить записывать всякую большую радость, горе, важ-

ную встрѣчу, о книгѣ, произведшей впечатлѣніе, свои вкусы, желанія, надежды.

Разрѣши дать тебѣ нѣкоторые совѣты:

Самое радикальное средство отъ гордости — быть въ послушаніи (родителямъ, друзьямъ, отцу духовному).

Принуждать себя выслушивать и быть внимательнымъ къ чужому мнѣнію.

Не торопиться вѣрить въ истинность открытыхъ тобой мыслей.

Быть попросту съ людьми, не подозрѣвать за ихъ словами и поступками никакой особой подкладки.

Не избѣгать игръ, веселости, общества.

Молиться почаще — «Господи, дай мнѣ терпѣніе, великодушіе и кротость» или — ...«смиреніе, цѣломудріе и послушаніе».

Помоги тебѣ Господь стяжать плоды Духа Святого, изъ которыхъ первые суть — любовь, радость, миръ, д о л г о т е р п ѣ н і е.

Будь терпѣливъ въ своихъ скорбяхъ: безъ страданій не живутъ даже низшія существа; а чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ больше онъ страдаетъ.

Вопросъ: Какъ сдѣлать, чтобы не было скучно съ человекомъ?

— Надо понять, что Богъ творить Свою волю о насъ черезъ людей, которыхъ онъ посылаетъ къ намъ; нѣтъ случайныхъ встрѣчъ: или Богъ посылаетъ намъ нужнаго намъ человѣка, или мы посылаемся кому-то Богомъ, невѣдомо для насъ.

Мы умоляемъ Бога о помощи, а когда онъ посылаетъ намъ ее черезъ опредѣленное лицо, мы отвергаемъ его небрежностью, невниманіемъ, грубостью.

Я думаю, въ основѣ твоихъ душевныхъ недуговъ лежатъ двѣ причины: 1) чрезмѣрная занятость собой и, какъ результатъ, — малая занятость окружающими, и 2) малая любовь ко

Христу. Эта любовь есть основа и корень всякой духовной жизни и силы, и ее нужно въ себѣ растить и воспитывать. Начни хоть съ такой неотразимой мысли, что прекраснѣе Христа не было никогда ничего во всю человѣческую исторію. Если ты возьмешь всѣхъ Наполеоновъ, Цезарей, Александровъ, всѣхъ геніевъ и вождей человѣчества, — во всѣхъ нихъ ты найдешь пятна, нечистоту; и только въ кроткомъ Сынѣ Маріи ты увидишь все прекрасное, все желанное, о чемъ всегда грезило человѣчество. Всматриваться въ этотъ образъ, выяснять и углублять его въ себѣ, жить мыслью о Немъ, отдавать Ему свое сердце, — это и есть жизнь христіанина. Если это есть, тогда есть и полная тишина сердечная, тотъ миръ, съ которымъ говорилъ Св. Исаакъ Сиринъ: «Умирись съ собой, и умиряйся съ тобою Небо и земля».

Ты спрашиваешь, что самое главное въ религіи, если не нравственная сторона.? — Не менѣ важны Тайинства, догматы, обряды, а самое главное — реальное соединеніе съ Богомъ и приготовленіе свсей души къ безсмертію.

Изъ наблюденій надъ молодежью. Дружбы, которой всѣ какъ будто жаждутъ, не получается, — каждый зараженъ такимъ количествомъ самолюбія, вздорныхъ пустяковъ, раздражительности, неумѣнія простить своему ближнему ни малѣйшаго недостатка (себѣ прощая все), что о сближеніи между собой думать не приходится. И вмѣстѣ съ тѣмъ всетаки всѣ, зная великую цѣлительную силу дружбы, предпочитаютъ погибать въ аду своей самости, чѣмъ поступиться своимъ.

«Разрѣшите нѣсколько словъ о Вашемъ чтеніи. Все, что Вы читали до сихъ поръ — все это былъ въ развитіе и укрѣпленіе Вашей христіанской мысли, христіанскаго міровоззрѣнія. Но этого мало и не только мало, но этого рода чтеніе должно стать опредѣленно на второмъ мѣстѣ. Христіанство не есть философская система, оно есть ж и з н ь, особый методъ жизни, и вотъ этому надо поучаться непрестанно, буквально каждый день. Есть мастера этой божественной жизни, начавшіе съ первыхъ ступенекъ

и дошедшіе до такихъ вершинъ, что ихъ даже не всегда понимаешь, когда они говорятъ съ этихъ вершинахъ. Ихъ надо и читать. Это, конечно, св. отцы, аскеты, подвижники, богатыри вѣры и ревности о божественной жизни. Въ приблизительной послѣдовательности вотъ главные изъ нихъ: свв. Антоній Великій, Ефремъ Сиринъ, Авва Дороеей, Макарій Великій, преподобн. Іоаннъ Лѣствичникъ, Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Н. Богословъ. До нихъ можно прочесть нашихъ русскихъ — Иннокентія, Игнатія Брянчанинова, Феодана Затворника, Іоанна Кронштадтскаго. Они напитаны духомъ перечисленныхъ выше отцовъ, но излагаютъ ихъ языкомъ нашего времени и примѣнительно къ условіямъ нашей жизни. Многіе изъ аскетическихъ св. отцовъ собраны въ рядъ томовъ «Добротолюбія», приблизительно въ должной послѣдовательности. Читать ихъ надо медленно, съ выписками, съ размышленіемъ, по тому въ 2-3 мѣсяца.

Прочесть книгу — это только первая половина дѣла; вторая — переварить проглоченное, упорнымъ размышленіемъ усвоить себѣ прочитанное, обратить его въ кровь духовную.

Вотъ почему не надо много прочитывать, но основательно переварить и усваивать.

Съ Евангеліемъ у тебя ничего не выходитъ, во-первыхъ, потому, что не хватаетъ воображенія. Евангельскія слова не даютъ тебѣ живого образа Христа; для этого надо твое собственное усиліе. Во-вторыхъ, ты мало любишь Христа, иначе ты бы съ жадностью читалъ и перечитывалъ эту единственную книгу о Немъ и находилъ бы все новые и новые подробности и оттѣнки.

Есть два способа читать Евангеліе:

1. Читать очень понемногу, по одному-два стиха и перечитывать, обдумывать ихъ весь день, разсматривать ихъ, какъ обращенное къ тебѣ слово Христа.

2. Когда хорошо знаешь Евангеліе — читать большими порціями (всего Евангелиста, всѣ 4 Евангелія сразу), чтобы уловить связь событій и общій духъ.

Куреніе и всякій наркозъ затмеваютъ наше чувство чистоты, цѣломудрія. Первая папироса — первое паденіе, потеря чистоты. Не ложное пуританство, а непосредственное чувство и глубокое убѣжденіе въ этомъ побуждаютъ меня это тебѣ сказать. Спроси всякаго курящаго — несомнѣнно, начало куренія было для него въ какомъ то смыслѣ паденіемъ.

Вы пишете о «холодѣ и одиночествѣ» Вашей жизни. Мнѣ такъ хотѣлось бы утѣшить васъ! Но неужели молитвы, друзья, работа не выводятъ васъ изъ одиночества и не согреваютъ ваше сердце? Я увѣренъ, что да, и что ваши слова надо понимать въ томъ смыслѣ, что и н о г д а, можетъ быть даже ч а с т о вамъ бываетъ холодно и одиноко; часто, но не всегда. Конечно, большую роль въ этомъ одиночествѣ играютъ обстоятельства вашей жизни, но будемъ мужественны и признаемъ, что не малое значеніе, можетъ быть даже главнѣйшее, принадлежитъ вамъ самимъ. Вы пишете сами, что вамъ «трудно выходить изъ себя», т. е. что въ васъ есть нѣкоторая обращенность на себя, а это грѣхъ и не какой нибудь, а коренной и первичный грѣхъ нашей человѣческой природы. «Люди впали въ с а м о в о ж д е л ь н і е, предпочитая с о б с т в е н н о е созерцаніе божественному» (св. Афанасій Великій). Выходъ отсюда, изъ этсй обращенности на себя — въ раскрываніи себя навстрѣчу Объективному. Стремитесь къ блаженной простотѣ и молитесь о ней, о той святой простотѣ, которая дается забвеніемъ себя и полной, безъ остатка, обращенностью къ свѣту Божественному, къ міру, къ братьямъ. Тогда въ Вашу душу снизойдутъ и полный миръ и радость и покой. А путь къ нимъ — послушаніе, быстрое, добровольное, радостное, неразсуждающее. Вы спросите: кому послушаніе? — первому встрѣчному, близкимъ, голосу совѣсти, уставамъ Церкви, духовному отцу. Замкнутость наша всегда грѣхъ, но только не всегда н а ш ѣ личный грѣхъ; часто это порокъ всего рода, семьи, предковъ. Не тогда тѣмъ больше побуждений бороться съ грѣхомъ для спасенія всего своего рода. Въдѣ всякое личное пріобрѣтеніе духовное таинственнымъ путемъ сообщается всѣмъ нашимъ роднымъ живымъ и умершимъ. Господь явно покажетъ это на Вашемъ опы-

тъ, если вы преуспѣете на этомъ пути. Въ Вашей семьѣ вамъ дано понимать въ этихъ вопросахъ больше всѣхъ и если Вы вымолите у Бога для себя кротость, душевный миръ, терпѣніе, то Вы обратитесь на духовный путь всю Вашу семью, и не проповѣдью, не поученіями, а молчаливымъ совершенствованіемъ въ добръ.

Будьте мудры и извлеките изъ тѣхъ испытаній, которыя посылаетъ вамъ Богъ, максимальную выгоду для себя. Что пользы, если мы прочли цѣлыя библіотеки мудрецовъ, философовъ, богослововъ, а спотыкаемся въ жизни на каждомъ шагу, — «тѣмъ большее мы примемъ осужденіе». Гершензонъ писалъ въ «Вѣхахъ»: «всѣ мы знаемъ такъ много божественныхъ истинъ, что одной тысячной доли того, что мы знаемъ, было бы достаточно, чтобы сдѣлать насъ святыми, но знать истину и жить по истинѣ, какъ извѣстно, разные вещи». Не позволяйте же себѣ итти легкимъ путемъ накопленія и расширения знаній, а зарывайте глубже въ нѣдра вашего сердца металлъ Вашего плуга. Условія, которыми окружилъ насъ Господь, — это единственный возможный для насъ путь спасенія; эти условія перемѣняются, какъ только мы извлечемъ изъ нихъ всю пользу — достаточно разовьемъ наше терпѣніе, безгнѣвіе, кротость, снисходительность. Не позволяйте такъ раздѣляться Вашей душѣ, чтобы одна ея часть воспаряла до седьмого неба съ Діонисіемъ Ареопагитомъ, а другая пресмыкалась на землѣ въ уныніи, мелкой обидчивости, можетъ быть даже злобѣ.

Вы должны держать себя въ чистотѣ и ясности, чтобы свѣтъ Вашъ свѣтилъ другимъ. А для этого надо любить Свѣтъ, не измѣнять ему: «вѣруйте въ Свѣтъ, да будете чадами свѣта». — А практически? — искать этого Свѣта въ себѣ и въ другихъ, поддерживать, культивировать въ себѣ и другихъ каждую искорку добра и свѣта, радоваться о свѣтѣ, не вѣрить въ тьму, ложь, закрывать на нихъ глаза, потому что они — призрачны, и впускаютъ отъ устремленнаго на нихъ вниманія.

Для чего нужна вѣра? — ни для чего. Если бъ я сказалъ, что она нужна, чтобы быть хорошимъ человѣкомъ, чтобы

помогать людямъ, чтобы познавать Бога, чтобы спасти свою душу — все это означало бы корыстное и эгоистическое отношеніе къ вѣрѣ. Мы вѣримъ не для чего-то, а п о т о м у ч т о — мы любимъ Бога, потому что Богъ есть для насъ (въ своемъ явленіи на землѣ въ качествѣ Богочеловѣка-Христа) — совокупность всего самаго свѣтлаго, чистаго, безконечно прекраснаго, короче — всего самаго желаннаго. Люб о в ь к ъ Б о г у — ведетъ за собой вѣру въ Бога. Когда Вы ищете истины среди противорѣчивыхъ философскихъ системъ, это потому, что Вы любите И с т и н у; если всякая земная красота только томить Ваше сердце и никогда его не насыщаетъ — это потому, что мы успокоимся только на Вѣчной Неплѣнной Красотѣ. Если Вы мучаетесь нечистотой Вашего сердца, — это потому, что сами того не зная, Вы жаждете абсолютной чистоты и святости.

Относительно религіозности Толстого и Руссо дѣло обстоит такъ. Религія дѣло сложное. Вино, напр., состоитъ изъ воды, спирта, ароматическихъ и красящихъ веществъ и т. д. Такъ и религія — въ ней есть спиртъ догматовъ, ароматическія вещества культа и обрядовъ и нравственные правила — вода. Вотъ Толстой и Руссо одну эту воду и видятъ.

Вы жалуетесь на «шероховатости» Вашей жизни — но таково все, совершаемое людьми — гдѣ люди, тамъ и страсти, узость, эгоизмъ, самолюбіе; тѣмъ болѣе надо все время держать себя на извѣстной глубинѣ, не терять изъ виду общихъ, послѣднихъ дѣлей, истреблять въ себѣ все мелкое и будничное; тогда станетъ легче переносить все это въ людяхъ. Пошли намъ Господи терпѣнія, великодушія, кротости. Мы всѣ дѣлаемъ не свое, а Божье дѣло и поэтому всѣ конфликты уладятся не нашими великими усилиями, а Божіей мудростью.

Ваше воспріятіе міра почти что правильно. Дѣйствительно, въ мірѣ почти все обманъ, пустота, ничтожество. Такъ воспринимаетъ міръ и Евангеліе («похоть плоти, похоть очей, и гордость

житейская»; «не любите міра ни того, что въ мірѣ»). Но не люб и т ь это одно, а унывать и отчаиваться — совсѣмъ другое.

«Нѣтъ намъ пути унывать», какъ любилъ говорить преп. Серафимъ. Ужъ одно, что Васъ тяготитъ эта жизнь, показываетъ, что и въ Вашей душѣ есть что-то свѣтлое, что ужасается этой общей лжи, нечистотѣ и ничтожеству. Каждый изъ насъ — двойное существо: съ одной стороны достойное суда и осужденія, съ другой — судящее, жаждущее правды и свѣта. Чѣмъ больше будетъ вырастать въ Васъ внутренній человѣкъ, тѣмъ больше Вы будете видѣть свѣта и въ окружающемъ и окружающихъ, пока не достигнете такой чистоты сердца, что все кругомъ будетъ Вамъ казаться свѣтлымъ и пресбраженнымъ; это и есть — пребываніе въ раю еще до смерти. Въ этомъ состояніи живутъ праведники и святые, которыхъ много среди насъ, но которыхъ мы не видимъ по нечистотѣ нашихъ глазъ и сердецъ. Т. е. мы ихъ видимъ, но они намъ кажутся или совсѣмъ обыкновенными людьми, или чудаками и юродивыми.

Если сердце холодно и молитва не идетъ, — обратиться къ Евангелію; если не поможетъ — раскрыть любимого св. отца; такой «другъ-святой» долженъ быть у каждого.

Какъ во многомъ, бесплодны индивидуальныя усилія. Ищите дружбы. Вотъ случай, когда $1 + 1$ не 2, а по крайней мѣрѣ 3: это вы двое $+$ то великое — взаимная любовь, что поддержитъ и укрѣпитъ васъ.

Вы пишете о «религіозномъ минимализмѣ». Но вѣдь никакой другой точки зрѣнія изъ Евангелія не вычитаетъ, кромѣ какъ соединенія духовнаго максимализма и житейскаго минимализма («будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный» — «не заботьтесь о томъ, что вамъ ѣсть или что пить» и т. д.). Къ какимъ бы ухищреніямъ мы ни прибѣгали въ толкованіи этихъ ясныхъ словъ, обращенныхъ прямо къ намъ, иного смысла изъ нихъ не извлечь. Есть единственный путь сдѣлать для себя необходимыми эти слова — это сознательно сдѣлать для себя обяза-

тельнымъ Евангеліе, т. е. отречься отъ Христа. Значить ли это, что надо немедленно бросить нашу работу, наши уютныя квартиры, дѣтей, семью, наши маленькія ежедневныя радости и босыми странниками итти куда глаза глядятъ? — Это было бы неправильное рѣшеніе вопроса, неправильное, потому что внѣшнее. Надо начинать не съ этого, а съ поисковъ того состоянія души, когда внѣшнія рѣшенія явятся сами собой, когда постоянная «радость о Господѣ» и сила благодати сами настойчиво продиктуютъ намъ иной образъ жизни взамѣнъ того эпикурейски-эгоистическаго, который мы ведемъ. А пока — хотя бы томиться и страдать о своей духовной нищетѣ и убожествѣ, о своемъ недостойнствѣ, маловѣріи и духовной лѣни, а не возводить ихъ въ принципъ и правило жизни. Если бы я могъ заподозрѣть, что вы, остановились на программѣ маленькой обывательской жизни, съ максимумомъ развлеченій и минимумомъ духовной жизни, то я серьезно бы встревожился. Но этого, конечно, нѣтъ; у васъ, навѣрно, есть и внутренняя тревога о себѣ, и скорбь о Россіи и Церкви и желаніе высшаго праведнаго и святаго, и готовность на жертвы, и сознаніе своей духовной слабости — и слава Богу.

Какъ сдѣлать, чтобы не сердиться, не обижаться, «когда обижаютъ и оскорбляютъ»? Терпѣть, стиснувъ зубы? Тренироваться въ самообладаніи, разбивать терпѣніе? — Само по себѣ все это не плохо, но это не то, все это внѣшніе, не благодатные, не христіанскіе пути. Единственный вѣрный путь — имѣть постоянно, ежеминутно передъ собой высокую цѣль, «всегда видѣть передъ собой Господа», какъ говоритъ псалмопѣвецъ — «предзрѣхъ Господа моего выну (всегда), яко одесную мене есть». Помните ли вы разсказъ изъ жизни Клемансо? — Обходя однажды траншеи, онъ подошелъ сзади къ стрѣлку и, хлопнувъ его по плечу, спросилъ: «Какъ дѣла, старина?», а тотъ, не оборачиваясь и не зная, кто съ нимъ говоритъ, ударилъ его ногой и скверно выбранился; Клемансо, который никогда не прощалъ ни одной обиды, только улыбнулся и пошелъ дальше. Откуда этотъ язычникъ, этотъ страстный и гнѣвный человѣкъ взялъ «кротость и терпѣ-

ніе въ перенесеніи обидъ»? — Отъ великой идеи, которая всегда была у него передъ глазами — «побѣда Франціи». Да защитить и насъ отъ грѣха непрестанная память о «побѣдѣ Побѣдившаго міръ». Когда мы унываемъ отъ обиды, злимся, то грѣхъ нашъ въ томъ, что въ эту минуту мы упустили изъ сердца нашего вѣру, любовь ко Христу, высоту нашего призванія; мы въ этотъ моментъ сузились до того, что помнимъ только о письмѣ, которое намъ помѣшали написать, о книгѣ, которую хотѣли прочесть, о тысячѣ мелочей, ранившихъ насъ, а главное — все о себѣ, да о себѣ. «Предзрѣхъ Господа моего выну, яко одесную мене есть» — вотъ единственный путь — на немъ же да утвердить васъ Господь.

Обычныя (юношескія) ошибки въ богословствованіи:

1. Предпосылка, что всѣ вопросы разрѣшимы, и 2. Увѣренность, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ — процессъ чисто интеллектуальный, дискурсивный (значить, независимый отъ внутренняго подвига, очищенія ума и сердца, молитвы).

....насчетъ семьи — не надо понимать буквально. Мы знаемъ, что апостолы (Петръ) жили со своими семьями, что Лазарь и его сестры не бросили другъ друга, принимали Христа въ своей семьѣ, оставаясь Ему вѣрными. Знаемъ многихъ святыхъ семейныхъ. Нужно только умѣть въ душѣ поставить семейныя отношенія на второе мѣсто, быть готовымъ каждый моментъ поставить на первое мѣсто свою вѣру. Это такъ же, какъ съ имуществомъ — «можно владѣть всѣмъ, но чтобы ничто не обладало тобою» (ап. Павелъ).

Очень тебя понимаю въ твоихъ жалобахъ на пустоту жизни вокругъ тебя. Посоветую тебѣ двѣ вещи: во первыхъ частую коротенькую молитву среди дня про себя, на ходу, вродѣ «Боже, очисти меня грѣшнаго», «Боже, буди милостивъ мнѣ грѣшному», «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя» — по многу разъ. Это какъ средство имѣть память о Богѣ, которая предохранитъ отъ легкомыслія, болтовни и проч.

И второе — не особенно скрывать отъ товарищей свою ре-

лигіозность. Неожиданно ты можешь встрѣтить сочувствующихъ, вопрошающихъ, заинтересованныхъ. Однимъ словомъ, не старайся скрывать передъ людьми свою истинную сущность подъ общей маской легкомыслія и пустоты.

Наше дѣло, православныхъ русскихъ людей — уразумѣть с в о ю вѣру, двумя путями: знакомясь съ ней и ж и в я е ю. Ты задашь мнѣ рядъ вопросовъ, но имѣй въ виду, что богословскіе и философскіе вопросы нельзя разбирать въ какомъ угодно порядкѣ и послѣдовательности, какъ и въ математикѣ и въ любой наукѣ.

Если ты хочешь основательно понять нашу вѣру, то для этого читай Евангеліе съ комментариемъ въ рукахъ и старайся жить церковно. До этого все будетъ одна игра ума и праздное любопытство. Я понимаю, какъ это неисполнимо и какъ, наоборотъ, легко и занимательно читать теософскія фантазіи, но ничего другого посовѣтовать тебѣ не могу.

...Ты спрашиваешь о формѣ въ религіи. Что же скажешь съ этимъ больше, чѣмъ сказалъ Христосъ: «Что мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яко глаголю» (Лк., 6, 46). Думаю, что всякое преобладаніе эстетики въ богослуженіи есть нарушеніе 3-ей заповѣди. А эстетическая эмоція такъ похожа на религіозную, что тутъ легко ошибиться. Да и вообще, гдѣ «страстное» отношеніе тамъ дѣло подозрительно, надо слѣдить, чтобы не нарушить внутренней правдивости.

Совѣты молодымъ священникамъ

Пастырская работа должна быть индивидуальной и творческой.

Методъ, часто практикуемый, становится рутиной.

Всякое слово, поученіе имѣть смыслъ и цѣну только тогда, когда идетъ отъ собственнаго духоваго опыта, знанія. Всякое слово, сказанное только устами, мертвое и ложно, и всегда слушающіе безошибочно это различаютъ.

Надо учить людей исповѣдываться. Какъ часто вмѣсто исповѣди слышишь совершенно житейскіе разговоры, хвастанье собой, цитированіе хорошихъ отзывовъ о себѣ, жалобы на близкихъ и на трудности жизни. Отчасти это отъ незнанія, отъ отсутствія «церковной культуры»; отчасти — отъ грѣховной запутанности, слабости, когда человекъ не умѣетъ и не пытается увидѣть себя, когда у него нѣтъ ни навыка, ни желанія разбраться въ своей душѣ, нѣтъ отвращенія къ грѣху, нѣтъ стремленія къ свѣту и жажды очищенія.

Стараться, чтобы всѣ входящіе къ исповѣди вынесли изъ каждаго говѣнія хоть одну добрую привычку—напримѣръ, обязательную двукратную молитву, молитву среди дня, неосужденіе и т. д.; настойчиво прививать, провѣрять — потому само дѣлается необходимостью.

Первая, слишкомъ ранняя исповѣдь (есть дѣти, въ 6 лѣтъ — совершенные младенцы) не нарушаетъ ли простоту, цѣльность, непосредственность — искусственно пробуждаемымъ самоанализомъ? Для нѣкоторыхъ дѣтей, особенно «дѣтскихъ», я бы переносилъ ее на годъ, два позже.

Безвыходность положенія многихъ кающихся, кажущаяся безнадежность ихъ положенія («все равно, вернусь къ тому же, нѣтъ силъ бороться съ грѣхомъ») — въ томъ, что люди эти стоятъ в н ѣ Церкви. Спасеніе ихъ въ томъ, чтобы в о й т и въ Церковь, въ общеніе любви съ братьями. Въ нашей церковной практикѣ утрачивается соборный характеръ нашихъ Таинствъ, въ томъ числѣ и таинства покаянія.

Мы, допуская частую исповѣдь и причащеніе, иногда забываемъ спасительную силу продолжительности говѣнія, которое возможно только въ Великомъ Посту — частыя и особенныя службы. Тогда въ теченіе недѣли человѣкъ имѣетъ живой и убѣдительный опытъ борьбы съ грѣхомъ, радость побѣды надъ нимъ, видитъ результаты своей молитвы.

Для нераскаянныхъ, окамененныхъ, думаю, нужна бы публичная и с п о в ѣ д ь передъ всею церковью, какъ въ древней церкви.

Уроки истекшаго поста:

1. Какъ бы ни былъ утомленъ, прояви максимальную внимательность, не торопись.

2. Лучше всѣмъ оказывать полную любовь, снисхожденіе, сочувствіе, никого не отпугивать строгостью.

3. Если даже неправильно ведутъ исповѣдь (тщеславятся, перечисляютъ свои добродѣтели, рассказываютъ подробности своихъ жизненныхъ обстоятельства) — не будь рѣзокъ, не останавливай — многіе несчастные для того и приходятъ, чтобы поплакать о своей тяжелой жизни.

4. Внятно читать исповѣдующемуся молитву передъ исповѣдью: «...Коснись сердца его, отверзи очи его сердечныя, даждь ему, Господи, зрѣти его прегрѣшенія, пошли скорбь о грѣхахъ его, духъ сокрушенія сердечнаго и покаяніе, да очистится, освятится...» и т. д. Часто у равнодушныхъ, послѣ молитвы, пробуждается чувство покаянія.

5. Главное — добиться искренняго покаянія, если можно — слезъ, при которыхъ не нужны подробности, но для появленія которыхъ часто нуженъ подробный и кснкретый рассказъ.

6. Давать эпитиміи в с ѣ м ѣ. Эпитимія — это памятка, урокъ, упражненіе; она приучаетъ къ духовному подвигу, рождаетъ вкусъ къ нему; необходимо ее ограничивать точнымъ срокомъ, напр., прочесть 40 акаѣистовъ и т. п. (рассказъ ** какъ ему не хотѣлось бросать ежедневное чтеніе акаѣиста, когда срокъ прошелъ). Возможные виды эпитиміи — поклоны, молитва Іисусава, вставаніе на полунощницу, чтеніе, постъ, милостыня — кому что нужнѣе.

7. Нормальный порядскъ исповѣди:

- а) молитва и краткій совѣтъ, какъ исповѣдываться;
- б) дать выговориться, не перебивая, только помогая, если молчить;
- в) совѣты;
- г) молитва о ниспосланіи сердечнаго сокрушенія кающагося и прощенія ему грѣховъ;
- д) разрѣшеніе.

Человѣкъ часто не знаетъ, какъ приступить къ исповѣди; — надо помочь ему, разбудить въ немъ покаянное чувство, задать наводящіе вопросы — была ли за этотъ періодъ какая-либо духовная жизнь (борьба съ грѣхомъ, молитва, самопринужденіе, усилія стать лучше), успѣлъ ли въ чемъ-нибудь, не двинулся ли назадъ? Какой грѣхъ считаетъ самымъ тяжкимъ? Какую добродѣтель самой важной?

Совѣтъ молодымъ священникамъ — исповѣдывать каж-

даго приходящаго такъ, какъ будто это его послѣдняя, предсмертная исповѣдь.

Во время исповѣди очень многіе, если не всѣ, больше всего нуждаются, чтобы священникъ помолился съ ними. Этой совмѣстной молитвой смягчается сердце, обостряется покаяніе, уточняется духовное зрѣніе.

Одна изъ заповѣдей священнику — «не привыкать служить» — идетъ отъ Іоанна Кронштадтскаго.

При обычныхъ возраженіяхъ противъ монашества и аскетизма, надо имѣть въ виду слѣдующія двѣ аксіомы религіозной жизни: 1) нельзя врачевать чужія души, не измѣнивъ себя, приводить въ порядокъ чужое духовное хозяйство съ хаосомъ въ собственной душѣ, нести миръ другимъ, не имѣя его въ себѣ. 2) Наша помощь людямъ заключается часто не въ системѣ обдуманныхъ дѣйствій на ихъ душу, а въ невидимомъ и невѣдомомъ для насъ дѣйствіи нашихъ духовныхъ даровъ на нихъ. Когда Антоній Великій спросилъ своего молчаливаго посѣтителя: «Почему ты ничего меня не спросишь?», тотъ сказалъ: «Мнѣ достаточно смотрѣть на тебя, святой отецъ».

Какъ много значитъ костюмъ. Съ одеждой, формой связанъ цѣлый комплексъ чувствъ, понятій, душевныхъ движеній. Въ частности, священникъ не долженъ, я чувствую, сдѣлать штатское. Снимая свою одежду, онъ неизбѣжно пріобрѣтаетъ «несвященническое самочувствіе», — въ какой-то степени измѣняетъ своему священству.

Всякій человѣкъ-христіанинъ, а особенно священникъ, долженъ быть всегда готовъ отказаться для Бога отъ всего, когда Богъ этого потребуетъ.

Не надо колебаться посѣщать самыя даже сомнительныя въ церковномъ смыслѣ семьи, по опыту знаю — будутъ рады, всюду принимать съ большой радостью, не отпускаютъ, благодарять.

Когда я обдумываю, что сказать, почти всегда у меня начинается настоящий процесс богословскаго и словеснаго творчества, и проповѣди, такимъ образомъ, становятся репродукціей. Значить, надо этотъ первый процессъ совершать вслухъ, при людяхъ. Но для этого два условія — наполненное сердце и полная простота.

Съ родными умершихъ говорить о Воскресеніи Христа, совѣтовать читать Евангеліе о Воскресеніи, о мытарствахъ, о трагическомъ положеніи души умершаго. О необходимости молитвы и для нихъ, родныхъ, молитвы объ умершемъ — это отвлекаетъ отъ скорби эгоистической, о тѣлѣ умершаго (этотъ вопросъ смущаетъ многихъ).

По окончаніи п а н и х и д ы нѣкоторое время помолиться про себя объ укрѣпленіи, утѣшеніи, дарованіи силъ «предстоящимъ и молящимся».

Многіе спрашиваютъ, какъ вести себя въ церкви, какъ молиться соотвѣтственно съ ходомъ службы — это могло бы быть темой особой бесѣды.

Надо какъ-нибудь въ проповѣди или общей бесѣдѣ разобрать типичныя «претыканія», «домашнія ереси», которыми заражено большинство приходящихъ на исповѣдь. Вотъ нѣкоторыя, наиболѣе распространенныя: Бога не надо бояться, примать морали; святые — эгоисты; отрицаніе постовъ; отрицаніе Ветхаго Завѣта; превосходство домашней молитвы.

Члены Christian science укоряютъ насъ, православныхъ, въ маловѣріи и неумѣннй силой духа преодолевать свои болѣзни. Ихъ аргументъ — что Христосъ освободилъ насъ отъ рабства плоти (гл. 8 Римл.).

Что сказать на это?

Даръ исцѣленія у христіанъ не есть даръ всемогущества и божественной власти надъ природой..

Вѣдь и сами апостолы болѣли, многіе праведники (св. Амвросій) до конца своихъ дней страдали неисцѣляемыми болѣзнями.

Объясняется это тѣмъ, что пока мы живемъ въ этомъ «тѣлѣ смерти», то несемъ и всѣ послѣдствія этого — до возстановленія всеобщаго — «всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса» (2 Кор. 4, 10).

Планъ бесѣды о страданіи (записано карандашемъ незадолго до смерти).

1. Фактъ безвинныхъ страданій праведниковъ.
2. Евангельскіе тексты: «узкій путь», «многими скорбями...», «въ мірѣ скорбны будете».
3. Виды страданій:
 - а. отъ грѣховъ — «скорбь и тѣснота всякому человѣку, творящему злое ;
 - б. отверженіе себя — крестъ;
 - в. несоотвѣтствіе съ міромъ.
4. Участіе въ страданіяхъ Христа.
5. Созиданіе тѣла Христова въ мірѣ — пріятіемъ Христа преобращеніемъ себя.

Тема проповѣди на Рождество.

Радость вѣры въ чудо и созерцаніе чуда въ противоположность кошмару и тяжести признанія незыблемости законовъ природы.

Тема для водосвятнаго молебна.

Близость Бога, Духа Святаго и Его благодатныхъ дѣйствій — не только въ молитвѣ, но во всякой нашей чистой, безкорыстной радости, даже въ матеріи міра сего — въ хлѣбѣ, елѣ и чистѣйшей изъ стихій — всдѣ.

Освященіе дома, предметовъ и т. д. не есть колдовство, магія, т. к. православіе есть религія абсолютной свободы, и здѣсь

благодать Божія, нисходящая на башъ домъ, ожидаетъ встрѣчнаго движенія вашего сердца; вотъ почему вы могли слышать сейчасъ въ молитвахъ призывъ къ покаянію.

Обращеніе къ Богу и совмѣстныя молитвы — лучшее средство разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и затрудненій.

Символика брака, какъ тема для проповѣди при вѣнчаніи:

Мѣна кольцами — вѣчность, всеобщее; свѣчи — яркое горѣніе душъ; атласъ подъ ногами — общность судьбы; вѣнцы — знакъ побѣды, какъ награда за цѣломудріе до брака, какъ напоминаніе вѣнцовъ мученическихъ; общая чаша, хожденіе вокругъ аналоя — вѣчность и т. д.

Раскрытіе чуда въ Канѣ Галилейской, какъ символа: вода — будничная жизнь превращается въ вино радости, творчества, необыкновенности взаимной любовью супруговъ.

Всякій даетъ сначала лучшее «вино», потомъ все хуже и хуже. Это законъ міра сего, законъ «прогресса».

Ребенокъ, ангелоподобное существо, вырастая, пріобрѣтаетъ черты грубости, лжи, вкуса ко злу. Простая цѣльная натура, пройдя черезъ школу, университетъ, черезъ жизнь — утрачиваетъ всѣ черты своей цѣлостности, является раздвоенность, лживость, дряблость. Такова и исторія народовъ. Таковъ, въ большинствѣ, и бракъ. Въ началѣ — взаимное сближеніе, легкость общенія; потомъ приходитъ вялость, равнодушіе и скука, или же, еще хуже злора, часто ненависть, и даже окончательный разрывъ.

Не таковы законы Царствія. Вода, натуральная простая стихія, обращается въ высшую стихію, въ свхаристическую влагу.

И бракъ — въ его данности, не плохой, но человѣческій, натуральный, мы должны не только снижать въ болѣе низкія плоскости, — но мы должны стремиться и достигать настоящаго единенія духомъ. Быть не только «въ плоть едину», но и «въ духъ единъ», въ подобіе брака Христа и Церкви, созидать свой бракъ.

Тема для погребенія.

Наше обычное чувство единственности этого міра есть полное невѣріе въ «Царство Небесное». Отсюда — скорбь по умершимъ, которая въ основѣ своей — язычество и безбожіе. Необходимо перейти къ христіанскому ощущенію реальности Царства Небеснаго;

Тема для надгробнаго слова: «Величайшее благо для нашего сердца — знать, что выше всей суеты, злобы и обмана нашей жизни есть великій покой» (Фальдингъ, «Душа одного народа»).

Тема для проповѣди причастникамъ.

Отъ Тайной Вечери есть три пути:

Путь Христа — подвигъ, страданіе, смерть и воскресеніе.

Апостолы дремали въ Геосиманскомъ саду.

Иуда пошелъ на предательство, отчаяніе, гибель.

Мысли для надгробнаго слова.

Понятны наши страданія, душевная боль, слезы: вѣдь мы такъ связаны съ нашими усопшими — ихъ тѣло, наше тѣло; и вотъ эта плоть разлагается, умираетъ, обращается въ землю. И душѣй нашей съ ними — мы одно существо; и вотъ часть этого существа отрывается, уходитъ. Какъ же не страдать намъ и душою, и тѣломъ?

Но отсюда и другой выходъ: душа, оставившая свое тѣло, находится въ смутномъ, смятенномъ, скорбномъ состояніи, какъ бы праведна она ни была при жизни. Самое отдѣленіе отъ тѣла есть болѣзненный процессъ, непривычка воспринимать безъ тѣлесныхъ органовъ, а съ другой стороны, у умершихъ — непосредственное сущеніе и видѣніе духовныхъ сущностей, нападеніе демоновъ и т. д. Наше горе, смущеніе, слезы, а иногда и отчаяніе, усугубляютъ смущеніе души: вѣдь она еще очень близка къ намъ, она — одно существо съ нами, и если при жизни, закрытая тѣломъ, она не всегда чувствовала душевное состояніе

близкихъ, то сейчасъ она особенно беззащитна противъ нашего отчаянія, усиливающаго ея смущеніе. Вотъ почему нашъ долгъ передъ почившими — оказать имъ помощь приbedеніемъ себя въ состояніе молитвы — гармоническаго свѣтлаго вибрированія, которсе распространяется и на нихъ.

Всякая смерть — урокъ для насъ, оставшихся; она чудо, какъ и чудо рожденія: «како предахомся тлѣнію»: она — напoминаніе о нашей близкой смерти, и въ построеніи плана нашей жизни надо ориентироваться и на смерть — „respice finem.”

Слова, проповѣди, статьи

СЛОВО НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Обычай желать счастья — не христіанскій. Христось не общалъ намъ счастья въ смыслѣ земномъ. Онъ общалъ скорби и гоненія своимъ послѣдователямъ, да врядь ли найдется кто-либо теперь, кто съ достаточной увѣренностью могъ бы пожелать счастья въ наше гибельное время. Когда міръ сошелъ съ рельсъ, когда онъ потрясается въ своихъ основахъ, когда онъ весь минированъ, и никто не знаетъ, гдѣ произойдетъ очередной взрывъ — ироніей и сарказмомъ звучать пожеланія счастья.

Есть одно прочное пріобрѣтеніе нашей эпохи, это — убѣжденіе, что на путяхъ земныхъ, на путяхъ стяжанія счастья не найти. Вся жизнь нашего міра двигалась до сихъ поръ къ цѣли личнаго земного счастья. Сейчасъ эта цѣль отнята отъ человѣчества. Всякій знаетъ, что никакими усиліями въ наше сомнительное и невѣрное время не построить этотъ карточный домикъ личнаго счастья. Это — одинъ изъ глубокихъ сдвиговъ нашего времени. Міръ колеблется, какъ чаши вѣсовъ, «ни Звѣря власть признать не смѣя, ни ига легкаго Христа».

Въ чемъ задача христіанина въ такія критическія эпохи? Выборъ нашъ сдѣланъ. Мы добровольно приняли «игу легкое Христа». Въ этой борьбѣ силъ Свѣта и Тьмы мы должны всѣ наши силы, способности, таланты и матеріальныя средства отдать силамъ Добра, и тогда мы наслѣдуемъ тѣ блаженства, которыя обѣ-

щаль Христось идущимъ по Его путямъ, а не по невѣрному пути счастья земного.

СЛОВО НА ОСВЯЩЕНІЕ ДѢТСКАГО ЛАГЕРЯ ВЪ ГОРАХЪ.

Помолиться передъ всякимъ дѣломъ, это не только благочестивый обычай, но естественное для христіанина и полезное дѣйствіе. Всякое самое малое дѣло начинайте молитвой—призываніемъ силы Божіей на ваше дѣло и вознесеніе этого дѣла на высоту. Тогда не будетъ, не сможетъ быть у васъ плохихъ дѣлъ.

Вотъ сейчасъ Богъ привелъ насъ провести короткія лѣтнія недѣли въ горахъ, среди лѣса и благовонныхъ луговъ. Наши Святые Отцы учатъ изъ всѣхъ вещей видимаго міра извлекать себѣ уроки. Смотримъ ли мы на этотъ ручей — мы учимся стъ него неустанной бодрой дѣятельности; смотримъ на зелень луговъ и лѣсовъ, — и намъ приходитъ на мысль свѣжесть, сила, юность — и мы желаемъ себѣ и друзьямъ вѣчной молодости — вѣдь можно быть молодымъ и до сѣдыхъ волосъ, какъ обратно, вы, вѣрно, замѣчали, — можно молодому годами имѣть помятую и усталую душу.

Чему же насъ учатъ горы?

Какъ ни хороши стихіи Божьяго міра: степь, лѣсъ, море, — но во всѣхъ ихъ есть что-то вслнующее, безпокойное, будящее неопредѣленное тоскливое чувство. И только въ горахъ чувствуешь себя, какъ въ общеніи съ мудрымъ умираннымъ человекомъ: только горы низводятъ намъ въ душу свои свойства — ясность, свѣжесть, тишину, спокойствіе. Откуда всѣ эти свойства? — стъ высоты.

Въ нашей жизни три высокихъ ступени:

Жизненный путь, главное дѣло нашей жизни; (какъ часто искривляемъ и губимъ его мы капризомъ, взрывомъ самолюбія).

2. Общіе наши интересы — прежде всего Россія. Любовь къ ней, приготовленіе себя на служеніе ей и

3. Главное — правда Божія.

Да благословить васъ Господь въ трудахъ, мирѣ и радости провести эти дни. Да поможетъ Онъ приобщиться на всю жизнь божественныхъ свѣйствъ высоты — ясности, свѣжести, тишины, которыя будутъ у васъ, если вы приобретете это главное.

СЛОВО ПРИЧАСТНИКАМЪ ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ.

Вы пришли къ Св. Чашѣ, руководясь различными побужденіями: одни хотѣли соблюсти свой долгъ по отношенію къ Церкви. Другіе — побороть все уныніе и тоску. Еще иные — чтобы съ помощью Господа, просвѣтившись исповѣдью и Причастіемъ, разобраться въ трудныхъ душевныхъ конфликтахъ. Наконецъ, иные — съ безкорыстнѣйшѣй цѣлью — съ цѣлью быть какъ можно ближе ко Христу. Да получить каждый изъ васъ по своему желанію — да укрѣпить еще больше Господь первыхъ за ихъ смиреніе и послушаніе уставамъ Церкви; да сниметъ Онъ тяжкое бремя грѣховъ, — источникъ унынія и тоски, со вторыхъ; да умирить сердце и просвѣтитъ умъ третьихъ; да исполнить чистоты и радости духовной послѣднихъ, такъ какъ Онъ источникъ Чистоты, Свѣта, Радости и Силы.

СЛОВО ПРИЧАСТНИКАМЪ.

Сегодня Господь допустилъ васъ къ своей Тайнственной Трапезѣ. Черезъ тысячи препятствій, которыя создаетъ намъ наша многозаботливая и суетная жизнь, преодолевъ вялость и лѣность нашей души, мы достигли Св. Чаши, и Господь принялъ насъ «причастниками» — участниками Тайной Вечери. Это участіе — причастіе — великая радость и источникъ силы. Но не надо обольщаться. Послѣ Тайной Вечери учениковъ Христа ожидали тягчайшія искушенія; на ихъ глазахъ Божественный Учитель, Котораго они признавали Христомъ — Мессіей, грядущимъ царемъ Израиля и міра, Сыномъ Бжгіимъ, былъ схваченъ, подвергнутъ унижительному суду, истязаніямъ и всенародно казненъ, какъ преступникъ, вмѣстѣ съ разбѣйниками, оказавшись безпо-

моцнымъ передъ злыми людьми. И только пройдя черезъ эти искушенія, они удостоились созерцанія ослѣпительнаго свѣта Св. Пасхи.

И мы выйдемъ отсюда на искушенія. Изъ храма, согрѣтаго нашими молитвами и молитвами тѣхъ, кто молился здѣсь до насъ, мы выйдемъ въ мракъ и холсдъ внѣшняго міра. Насъ ждутъ искушенія этого міра и самыя большія искушенія — нашей собственной души.

Да поможетъ намъ Христосъ, съ которымъ мы ссединились сегодня тѣсными узами, преодолѣть и преодолѣвать эти искушенія и дальше и донести нашу радость до слѣдующей Пасхи, а то и до той Пасхи, когда мы будемъ вкушать новое вино въ не-вечернемъ днѣ Царствія Небеснаго.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Въ шествиіи Христа, встрѣчаемаго восторженными толпами, таилось трагическое недоразумѣніе — Христосъ шелъ на вольныя страданія, а толпа привѣтствовала начало Его земного Царствія. Люди поражены были чудесами, они насытились хлѣбами, они жаждали власти надъ собой и авторитета.

Христосъ могъ бы теперь все сдѣлать въ предѣлахъ «міра сего», но люди, неся Ему поклоненіе и почести, не принесли главнаго — прошедшихъ черезъ покаяніе, обращенныхъ, преображенныхъ душъ.

Какъ же мы встрѣчаемъ Христа? Не ждемъ ли мы отъ Него хлѣба, чудесъ въ матеріальномъ планѣ и не остаемся ли въ прежней, плотской, суетной жизни? Мы имѣемъ больше, чѣмъ тѣ, мы имѣемъ Голгофу, Крестъ и Воскресеніе Спасителя, и это насъ обязываетъ къ иной Его встрѣчѣ.

Принесемъ же и положимъ къ Его стопамъ наши сокрушенныя о свсемъ грѣхѣ сердца, жажду очищенія и участія въ «жизни будущаго вѣка».

О ЛЮБВИ БОЖЕСТВЕННОЙ.

Сегодняшнее Евангеліе, несмотря на свою краткость, содержитъ изложеніе важнѣйшаго момента въ проповѣди Христа. Въ немъ говорится о любви Божественной, о той любви, которая покрываетъ множество грѣхъ, которая отмѣняетъ законъ, замѣняетъ исполненіе всѣхъ заповѣдей; о той любви, которая даетъ жизнь, потому что приводитъ въ соприкосновеніе съ Источникомъ Жизни; которая даетъ высшее вѣдѣніе: «Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога» (1 Іонн., 4, 8), и, наоборотъ, — «Всякій любящій — знаетъ Бога» (1 Іоанн. 4, 7). Знаетъ Его по закону добія.

Мы думаемъ о себѣ, что всѣ мы причастны этой любви: каждый изъ насъ любить что-либо, кого-либо. Если и есть рѣдкіе люди, которые ничего не любятъ, уже здѣсь пребывающіе «въ мракъ преисподнѣйшемъ», то это рѣдчайшее явленіе. Мы всѣ любимъ близкихъ, родныхъ, друзей, людей нашего образа мыслей. Но та ли это любовь, которой ожидаетъ отъ насъ Христосъ? Относительно любви къ роднымъ, всѣмъ ясно, что это та же эгоистическая любовь къ своему, къ себѣ. Но любовь къ друзьямъ, близкимъ — не есть ли это то же самое? Изъ безконечнаго количества явленій и лицъ мы выбираемъ родственныя намъ, включаемъ ихъ въ свое расширенное «я» и любимъ ихъ. Но стоитъ имъ отойти немногъ отъ того, за что мы ихъ избрали — какъ мы изольемъ на нихъ полную мѣру ненависти, презрѣнія, въ лучшемъ случаѣ — равнодушія. Это человѣческое, плотское, природное чувство, часто очень цѣнное въ этомъ мірѣ, не теряющее свой смыслъ въ свѣтѣ жизни вѣчной. Оно не прочно, легко переходитъ въ свое противоположеніе, принимаетъ демоническій характеръ.

Если бы въ насъ была дѣйствительно стихія любви, то она изливалась бы на всякаго — на добраго и злого, на пріятнаго и отвратительнаго.

Но какъ это возможно? — Заповѣдь Евангельская не можетъ быть неисполнимой, иначе Евангеліе оказалось бы собраніемъ прекрасныхъ словъ, непримѣнимыхъ къ жизни. Къ такимъ словамъ стносится и слово о любви къ врагамъ. Какъ возможна такая любовь?

Два обстоятельства закрываютъ намъ путь къ пониманію этой заповѣди: первое, это что мы не исполнили предыдущей заповѣди — «Если кто хочетъ итти за Мною, да отвержется себя» — заповѣдь о нищетѣ духовной. Только на пути отреченія отъ себя и своего, отъ своихъ симпатій и антипатій, сужденій, привычекъ, точекъ зрѣнія, можно понять Евангеліе, и въ частности заповѣдь о любви къ врагамъ.

Второе — надо отказаться и отъ той точки зрѣнія, что въ человѣчествѣ есть два враждебныхъ стана, двѣ породы людей: праведные и грѣшные, предназначенные блаженству и обреченыя гибели. Этого нѣтъ. Мы все грѣшны, все поражены первороднымъ грѣхомъ, и за всехъ насъ пострадалъ Господь. Онъ другъ грѣшниковъ, Онъ предостерегаетъ считающихъ себя праведными, что мытари и блудницы впереди нихъ идутъ въ Царство Небесное. Ему дороги одинаково все, и это Ему принадлежитъ окончательный судъ. Вотъ почему непосредственно за словами Христа о любви идутъ слова о неосужденіи — «Не судите, да не судимы будете». Не судите — вамъ легче будетъ тогда полюбить всякаго, не судите — и у васъ не будетъ враговъ. Смотрите на «враговъ», какъ на больныхъ одной съ вами болѣзнію, какъ на погибающихъ. Оставьте точку зрѣнія личнаго суда и станьте на точку зрѣнія Божьяго дѣла въ мірѣ. Вспомните, что Добро должно побѣдить окончательно и повсюду, ничего не оставивъ дьяволу.

ИЗЪ СЛОВА ВТОРОБРАЧНЫМЪ.

...Вы вступаете въ новую жизнь, проживъ уже полную, законченную жизнь. Многіе изъ насъ говорятъ: «Если бы Богъ снова послалъ меня въ жизнь, я совсѣмъ иначе прожилъ бы ее». Надъ вами Господь дѣлаетъ это чудо: вѣдь каждый бракъ есть цѣльная большая жизнь, и вотъ Богъ даетъ вамъ возможность начать новую жизнь, избѣгая прежнихъ ошибокъ. Желаю счастья въ ней, но напоминаю, что счастье не есть самоцѣль; оно производное отъ правильной жизни. Будетъ правильно построена жизнь, будетъ и счастье; а правильная жизнь — это праведная жизнь...

СЛОВО ДЛЯ СБОРА НА БѢДНЫХЪ.

Многихъ смущаютъ своей прозаичностью и кажутся совсѣмъ неумѣстными денежные сборы въ церкви.

Горе намъ, если мы это разсматриваемъ житейски, буднично. Вообще говоря, для христіанина нѣтъ темъ будничныхъ, скучныхъ, не религіозныхъ. Только «по-христіански». И тогда всякая тема становится глубокой и многозначительной. Дѣло не въ темѣ, а въ отношеніи къ ней. Развѣ не бываетъ, что тема высокая, святая трактуется кощунственно или лецемѣрно.

Апостолъ Павелъ, производя свои сборы на церковь, перевоза пожертвванія, пишетъ объ этомъ, не сомнѣваясь, что дѣлаетъ дѣло святое: дающіе умножаютъ въ своемъ сердцѣ плоды духа, принимающіе побуждаются этимъ къ прославленію Бога и благодарности тѣмъ, кто проповѣдуетъ Евангеліе не только языкомъ, но и исполняетъ его своимъ сердцемъ. Если мы одно тѣло при одной Главѣ — Христѣ, то какъ можемъ мы терпѣть въ своей средѣ бѣдныхъ, голодныхъ братьевъ? Принимайте церковные сборы, какъ испытаніе вашей вѣры, вашей любви, вашего патристизма. Такіе сборы являются провѣркой не столько вашихъ денежныхъ возможностей, сколько богатства вашего сердца. Смотрите внимательно, какими чувствами встрѣчаетъ оно призывы о помощи. — Тысячами рукъ больныхъ и сиротъ самъ Христосъ стучится въ ваше сердце, и вы откроете двери и впустите Его; а что это Онъ, вы узнаете по тому чувству радости, которое знаетъ всякое милующее сердце. Богъ можетъ и самъ, «чудомъ», помочь, но это чудо совершится черезъ людей; блаженны тѣ, кто явятся «служителями чуда».

О БЛАГОДАРНОСТИ.

Добродѣтель благодарности, какъ и всѣ другія наши добродѣтели, какъ подвиги поста, молитвы, — нужна прежде всего намъ самимъ. Само наличіе въ насъ чувства благодарности свидѣтельствуешь о томъ, что въ насъ дѣйствительно живетъ несомнѣвающаяся вѣра и любовь къ Богу. Благодарность наша — удостовѣреніе о правильно установленной религіозной душѣ.

Всѣ мы умѣемъ просить; даже невѣрующіе въ крайніе моменты прибѣгаютъ къ Богу, но благодарить мы не умѣемъ. Благодарственная молитва — знакъ высоко поднявшейся души. Хорошо вспомнить Бога въ несчастіи; но не забыть Его въ радости — знакъ души, утвердившейся въ Богѣ. Молитва просительная можетъ уживаться въ сердцѣ съ нашимъ эгоизмомъ, гордостью, злобой; молтва благодаренія не совмѣстима съ такими чувствами.

Будемъ же прибѣгать къ Бсгу въ нашихъ бѣдахъ и обстояніяхъ, но потщимся взойти и на болѣе высокую ступень — благодарственной молитвы.

«О СУХОСТИ СЕРДЕЧНОЙ».

Невозможно всегда находиться въ состояніи духовнаго подъема. Бсгъ допускаетъ перебои въ нашей молитвѣ, потому что Онъ не хочетъ ни лишить насъ бодрости (наши восхожденія), ни питать нашу гордость (наши паденія).

Предоставьте вашему сердцу итти такъ, какъ Богъ его ведетъ.

Правда, эти перемѣны — тяжелое испытаніе; но намъ полезно узнать на своемъ опытѣ, что моменты духовнаго подъема не зависятъ отъ насъ, а есть даръ Божій, который Онъ отъ насъ отнимаетъ, когда Ему это заблагоразсудится.

Если бы этотъ даръ Божій всегда былъ съ нами, то мы не чувствовали бы ни тяжести креста нашего, ни безсилія нашего; испытанія наши не были бы настоящими испытаніями, наши добрыя дѣла не имѣли бы цѣны.

Поэтому переносите терпѣливо періоды упадка и сухости сердечной. Они учатъ насъ смиренію и недовѣрію къ самимъ себѣ; они даютъ намъ чувствовать, насколько непрочно и слаба наша духовная жизнь, они заставляютъ насъ чаще прибѣгать къ помощи Божіей.

Въ этомъ состояніи сердечной сухости и безчувствія, въ отсутствіи горячей молитвы берегитесь прерывать ваши духовныя

упражненія, оставлять вашу ежедневную молитву. Этимъ вы нанесли бы себѣ величайшій вредъ.

Мы склонны думать, что разъ мы не ощущаемъ опредѣленнаго удовлетворенія въ молитвѣ, то не стоитъ и молиться.

Чтобы въ этомъ разубѣдиться, достаточно вспомнить, что молитва и любовь къ Богу — одно и то же. Существо молитвы не состоитъ въ тѣхъ радостныхъ ощущеніяхъ, которыми она иногда сопровождается. Любовь-молитва можетъ существовать и безъ нихъ, и это болѣе очищенный и безкорыстный видъ ея, такъ какъ, будучи лишенной радости духовной, она имѣетъ цѣлью только Бога.

Можно чувствовать себя лишеннымъ благодатныхъ утѣшеній и все же сохранить твердую волю, согласную на все то тяжелое, что посылаетъ намъ Господь, и смиренно принимающую все, вплоть до того состоянія душевнаго упадка, который мы ощущаемъ.

Если мы сумѣемъ съ такими чувствами переносить періоды сухости сердечной, то они явятся для насъ плодотворнымъ духовнымъ упражненіемъ.

Молиться горячо — отъ Бога; молиться какъ-нибудь — въ нашей власти; вотъ эту слабую, недостаточную, сухую молитву и принесемъ въ даръ Богу, какъ единственное, на что мы способны, какъ мѣдныя кофѣйки святой вдовицы. И «Божія сила изольется на твою немощь, и молитва сухая и разсѣянная, но частая и постоянная, обрѣтши навыкъ, ставши твоей второй природой, сдѣлается молитвой достодождливой, свѣтлой, пламенной» (Маркъ Подвижникъ).

СЛОВО

на погребеніи Сергія Димитріевича Сазонова

Сегодня мы своими молитвами и слезами провожаемъ въ жизнь вѣчную большого русскаго человѣка. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которымъ суждено было быть орудіями Промысла Божія, милующаго или разящаго и карающаго; отъ его

словъ и дѣйствій зависѣли судьбы миллионовъ русскихъ людей, судьбы народовъ и царствъ.

Но не объ этомъ мы будемъ говорить сегодня; объ этомъ много уже было сказано, еще больше будетъ сказано, написано, напечатано.

Не это вслунуетъ сейчасъ насъ, его знакомыхъ, друзей и родныхъ, окружающихъ его гробъ. Среди насъ есть много людей, имѣвшихъ большее положеніе, власть, могущество, все потерявшихъ и научившихся различать временное и человѣческое величіе отъ сокровищъ нетлѣнныхъ и вѣчныхъ; поэтому насъ не огорчаетъ, что душа покойнаго идетъ къ престолу Всевышняго, обнаженнѣй отъ своей человѣческой славы, какъ не утѣшить воспоминаніе и перечисленіе его заслугъ передъ Родиной и міромъ. Насъ волнуютъ другіе вопросы: какія нетлѣнные сокровища стяжала здѣсь его душа? съ чѣмъ предстанетъ онъ передъ Страшнымъ, такимъ близкимъ для него судомъ Божиимъ? На что можемъ надеяться о немъ мы, любившіе его здѣсь?

Дерзостью было бы похищать то, что принадлежитъ Бгу, и съ увѣренностью предпрѣшать то, что рѣшается только Судомъ Божиимъ. И все-таки близкіе люди не могутъ отказаться отъ вопрошаній, гаданій и надеждъ.

Я зналъ почившаго только послѣдній годъ его жизни. Уже одно то, что онъ избралъ себѣ духовникомъ самаго младшаго и малоопытнаго изъ всего клира, показываетъ его скромность, его смиренную душу. Какъ духовникъ его, я знаю, какъ внимателенъ онъ былъ къ состояніямъ своей души, какъ онъ боялся грѣха, какъ онъ былъ безпощаденъ къ себѣ на исповѣди. Все это было въ немъ плодомъ твердой православной вѣры. Я подчеркиваю это. Люди большого ума имѣютъ и свои большія искушенія. Имѣя возможность общаться съ самыми выдающимися умами самыхъ разныхъ направленій, читая философскія и богословскія изслѣдованія на всѣхъ языкахъ Европы, зная прекрасно всю безконечную пестроту и разнообразіе религіозныхъ и философскихъ системъ, — онъ съ самой юности своей оставался вѣренъ Церкви. Какъ легко было бы злоупотребить свободою своей мыс-

ли, поддаться искушенію, построить рядомъ въ величественнымъ Божиимъ строеніемъ — Церковью Христовой — свою убогую постройку, — истинный плодъ гордости и невѣжества! Многіе образованные люди идутъ именно этимъ путемъ. Почившій не пошелъ этой дорогой и до конца своихъ дней жилъ и духовно питался Церковью. Не дальше, какъ сегодня утромъ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ его высокой молитвенной настроенности: желая помолиться въ промежуткахъ между панихидой и выносомъ тѣла, я взялъ книжку, лежавшую на столикѣ у его постели. Это оказалась славянская псалтырь, судя по отмѣткамъ и подчеркиваніямъ — многократно и молитвенно-вдумчиво читанная.

«Не отверзи мене во время старости, вѣгда оскудѣти крѣпости моеи не оставь меня» — читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ.

Въ другихъ мѣстахъ подчеркнуто:

«Грѣхъ юности моя и невѣдѣнія моего не помяни».

«Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ».

«Съющіе слезами, радостью пожнутъ».

Еще примѣръ, мѣсто, которое можно считать молитвой покойнаго за Россію: «Возврати насъ, Боже спасеній нашихъ, и отвори ярость Твою отъ насъ! Егда во вѣки прогнѣваешься на насъ? Или прострещи гнѣвъ Твой отъ рода въ родъ? Ты обращаешься оживиши ны, и люди Твоя возвеселятся о Тебѣ» (Пс. 84).

Вотъ въ немногихъ словахъ, что извѣстно о почившемъ — уголки его внутренней жизни — то, что единственно важно сейчасъ и для него, и для насъ.

Неужели Господь, принимающій приходящихъ къ Нему даже въ послѣдній, единонадесятый часъ не только «пріемлющій дѣла», но и «предложенія хвалящій и намѣренія дѣлюющій», — неужели Онъ отвергнетъ раба своего смиреннаго, вѣрнаго, всю надежду свою возложившаго на Него?

Вотъ почему съ надеждой, съ увѣренностью мы можемъ воскликнуть: «Христіолюбивый братъ нашъ Сергій! Богъ отпустить тебѣ грѣхи твои, рая двери отверзетъ тебѣ, успокоитъ тебя въ странѣ живыхъ, жителя тебя сотворитъ Царства Своего небеснаго, вѣчнаго! Аминь».

СЛОВО НАДЪ ГРОБОМЪ **.

Скорбь и плачь... и отъ этой скорби не защититъ насъ ни естественная наша привязанность къ жизни, ни мужество перенесенія страданій, ни житейская мудрость, ни даже вѣра, какъ бы ни была она велика. Смерть — явленіе двустороннее: умираетъ уходящій отъ насъ, и въ этомъ процессѣ болѣзненнаго раздѣленія болитъ и замираетъ и наша душа. Но для христіанина заказанъ путь безпросвѣтной скорби, мрака и унынія; онъ не долженъ отступать передъ страданіями; онъ не долженъ безсильно коснѣть въ немъ; онъ долженъ всѣмъ напряженіемъ своихъ духовныхъ силъ пройти *сквозь* страданія и выйти изъ него укрѣпленнымъ, углубленнымъ, умудреннымъ.

Почившая страдальца — живой намъ урокъ. Близкіе свидѣтельствуютъ, какъ мудро переносила она свои страданія, какъ не сдавалась имъ, какъ въ страданіяхъ своего тѣла она сохраняла независимость бодрого духа, какъ освѣтили и одухотворили ее ея скорби. Нашъ прямой путь и наше утѣшеніе — слѣдовать въ этомъ за ней. Но какъ? Можно ли это создать себѣ, если этого намъ не дано? Можно ли развить, вырастить, умножить эту силу духа, если наша мудрость и наша вѣра такъ слабы, такъ немощны? Пусть наша вѣра и вообще наша духовная жизнь слабы, но вѣдь наша любовь къ почившей, вѣдь она-то не слаба; вѣдь отъ того и скорбь наша такъ велика, что велика наша любовь. Такъ пусть она же, эта наша любовь къ почившей выведетъ насъ изъ мрака скорби. Напряженіемъ нашей любви къ ней переступимъ и мы тотъ роковой порогъ, который переступила она. Войдемъ усиліями нашего воображенія въ тотъ міръ, въ который вступила она, дадимъ въ своей жизни больше мѣста тому, чѣмъ она сейчасъ живетъ, — и постепенно, незамѣтно наша печаль обратится въ радость, которую никто не отниметъ отъ насъ.

СЛОВА НА ПОГРЕБЕНІЕ **.

Смерть всегда зло и ужасъ, будетъ ли это смерть старца, ребенка, грѣшника или праведника. Смерть — всегда побѣда

дьявола, временная, но все же побѣда. Тѣло наше, созданное для безсмертія, подчиняется злѣму закону смерти, отдѣляется отъ души, распадается, разлагается, обращается въ ничто.

Грѣхомъ смерть вошла въ міръ, — она входитъ въ насъ съ дѣтскихъ нашихъ лѣтъ, она бороздитъ морщинами грѣха лицо, заставляетъ погасать живой огонь глазъ, дѣлаетъ разслабленнымъ тѣло. Христосъ — побѣдитель смерти и ада, и въ дѣлѣ Христовомъ самое главное, это — побѣда смерти воскресеніемъ: «Если Христосъ не воскресъ, то вѣра наша тщетна» (I Кор. 15).

Если наша правда, наши добрыя дѣла, наши подвиги даже и дѣйствительно велики, — что они передъ Правдой Божіей, что такое нашъ свѣтъ передъ неприступнымъ свѣтомъ Божіей Славы, что наша красота передъ нетлѣнной красотой садовъ эдемскихъ? — Вотъ почему и праведники трепещутъ смерти и содргаются и не увѣрены въ своемъ спасеніи.

Почившій, дорогой всѣмъ намъ, былъ человѣкъ исключительнаго благородства, прямсты мужества, убѣжденный патріотъ, вѣрный слуга Родины. Но развѣ наши достоинства оправдываютъ насъ передъ Богомъ? Немного больше, немного меньше, — это какъ земныя разстоянія — два километра, два милліона километровъ — ничто въ сравненіи съ разстояніями звѣздныхъ міровъ. Важно не количество нашихъ добрыхъ дѣлъ, а направленіе нашей жизни — вправо или влѣво, + или —, къ Добру или къ Злу, къ Богу или къ Тьмѣ.

Какъ духовникъ покойнаго, твердо могу сказать, что душа его, мысли и сердце были направлены къ Богу. Онъ искалъ Правды, онъ тревожился и болѣлъ вопросами о Богѣ, о грѣхѣ, о душѣ, — о томъ, что поэтъ называлъ «тайнами вѣчности и гроба», и Господь, «пришедшій не праведниковъ спасти, а грѣшниковъ», и малую лепту горѣнія раба своего, втайнѣ любившаго и искавшаго Его, обратить въ пламя, которое откроетъ ему врата вѣчности.

ПОЛЕЗНОСТЬ ВѢРЫ (конспектъ).

Тема эта — для невѣрующихъ, о томъ, что даетъ религія съ ихъ матеріалистической точки зрѣнія. Вѣрующимъ это без-

различно — плоды вѣры они получаютъ, какъ результатъ, а не какъ самоцѣль.

Фактъ религіи, даже эмпирически говоря, коренящійся въ природѣ человѣка, не нуждается въ утвержденіи такого временнаго и относительнаго явленія, какъ европейская наука даннаго десятилѣтія. Но такъ какъ всѣ мы люди образованные и просвѣщенные, живемъ въ значительной степени по стихіямъ міра сего, въ томъ числѣ въ связяхъ съ наукой, то для многихъ этотъ вопросъ не безразличенъ.

Образованное общество Европы давно ушло изъ-подъ свода своихъ храмовъ. Протестантство было первой къ этому ступенькой. Былъ боевой періодъ безвѣрія и борьбы. Потомъ явилось безразличіе. Чеховъ пишетъ въ письмѣ къ Дягилеву: «Я давно растерялъ свою вѣру и съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго». Такой взглядъ — уже превзойденная точка зрѣнія. Европа прошла фазу религіобоязни, одержимости матеріалистическими и позитивистическими теоріями. Она такъ далеко ушла отъ религіи, что смогла снова повернуться къ ней лицомъ и изслѣдовать ее со стороны, какъ объективный фактъ, въ ряду другихъ фактовъ.

Теперь для науки религія — предметъ изученія, съ опытами по новѣйшимъ научнымъ методамъ, съ выводами, теоріями, открытіями. И вотъ научная мысль дѣлаетъ цѣлый рядъ открытій (для себя):

1) Исторія культуры: открытіе богатой религіозной культуры у примитивныхъ народовъ. «Вся культура — изъ храма» (Фрэзеръ). Религія — сби́льный родникъ. «Суевѣрія» являются корнемъ, откуда выросли государственная власть, собственность, бракъ, уваженіе къ личности, всѣ искусства и всѣ науки. «Самое интересное и цѣнное въ человѣкѣ, это — его идеалы и вѣрованія. Это же приложимо и къ націямъ и историческимъ эпохамъ» (Джемсъ).

Религіозное броженіе — симптомъ жизни общества и знаменіе богатыхъ жатвъ во всѣхъ сферахъ.

2) Психологія. Изученіе религіозной психологіи. Религія —

цѣлесообразное установленіе, воспитательное средство. Дисциплина вниманія (молитва). Ритмъ.

Обряды — организація эмоцій и аффектовъ («плакальщицы»).

3) Психіатрія. Вредъ эгоизма. Эгоцентризмъ — основное явленіе психопатологіи. Полезность объективнаго, какъ выходъ изъ себя, увлеченіе, идеализація. Помѣщеніе центра своей души въ надежное мѣсто. «Я ощущаю чье-то мощное и сладостное присутствие», «Богъ окружаетъ меня, какъ физическая атмосфера, Онъ ближе ко мнѣ, чѣмъ мое собственное дыханіе» (Джемсъ).

Терапія, связь религіи съ невропатіей.

Душевные болѣзни — отъ задержки эмоцій. Исповѣдь, съ точки зрѣнія медицины — разрядъ эмоцій. (Фрейдъ и его школа). Преодоленіе въ религіи эгоцентризма и солипсизма. Любовь — якорь въ объективное. Эгоизмъ, какъ источникъ болѣзней. «Боязнь — основное явленіе психопатологіи» (Дюбуа). «Идеализмъ — физіологическій факторъ» (Яроцкій). «Душевный миръ — единственная панацея».

Признаніе одного доктора — «Я предписалъ моей больной исповѣдаться, и загадочные припадки, противъ которыхъ безсильно было трехмѣсячное пребываніе въ водолѣчебницѣ, прошли послѣ одного часа исповѣди.

«Лучшее лѣкарство отъ всѣхъ душевныхъ болѣзней — радость» (Штокль). «Религія — лучшая профилактика» (Дежеринъ и Гокларъ). Практичность религіи, цѣнность святости, вредъ грѣха. Сойти съ ума — это значитъ потерять какую-то твердую точку, закружиться въ солипсизмѣ. Противоположеніе — молитва, Богъ, любовь — объективное.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что христіанство вновь открыто внѣрелигіозной Европѣ, какъ могучее профилактическое средство.

БЕСѢДА ПЕРЕДЪ ИСПОВѢДЬЮ.

«Се время благопріятно, и день очищенія». Время, когда мы можемъ отложить тяжкое бремя грѣховное, разорвать вериги грѣховъ: «скинію падшую и сокрушенную» нашей души увидѣть

вновь выставленной и свѣтлой. Но къ этому блаженному очищенію ведетъ не легкій путь.

Мы еще не приступили къ исповѣди, а душа наша слышитъ искушающіе голоса: «Не отложить ли? достаточно ли я приготовленъ? не слишкомъ ли часто говѣю?» Нужно дать твердый отпоръ этимъ сомнѣніямъ. «Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою къ искушенію» (Сирахъ, 2, 1). если ты рѣшилъ говѣть, — явится множество препятствій, внутреннихъ и вѣшнихъ: они исчезаютъ, какъ только мы проявимъ твердость въ нашихъ намѣреніяхъ. Въ частности, вопросъ о частой исповѣди: надо исповѣдываться много чаще, чѣмъ это у насъ принято; по крайней мѣрѣ во всѣхъ четырехъ постахъ. Намъ, одержимымъ «дреманіемъ лѣнствнымъ», неискуснымъ въ покаяніи, необходимо вновь и вновь учиться каяться; это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, необходимо тянуть какую то ниточку отъ исповѣди къ исповѣди, чтобы промежутки между періодами говѣнія были исполнены духовной борьбой, усиліями, питаемыми впечатлѣніями отъ послѣдняго говѣнія, и возбуждаемыми ожиданіемъ близкой новой исповѣди.

Другой смущающій вопросъ, это вопросъ о духовникѣ: къ кому идти? Держаться ли одного во что бы то ни стало? Можно ли мѣнять? Въ какихъ случаяхъ? Опытные въ духовной жизни отцы утверждаютъ, что мѣнять не слѣдуетъ, даже если это только твой духовникъ, а не духовный отецъ, руководитель твоей совѣсти. Бываетъ правда, что послѣ удачной исповѣди у незнакомаго священника, послѣдующія исповѣди, у него же, выходятъ какими-то вялыми и слабо переживаются, и тогда является мысль о переѣздѣ духовника. Но это — недостаточное основаніе для такого серьезнаго шага. Не говоря уже о томъ, что наши личныя ощущенія на исповѣди не касаются существа таинства, — недостаточный духовный подъемъ во время исповѣди часто бываетъ знакомъ нашего собственнаго духовнаго неблагополучія. Объ этомъ о. Іоаннъ Кронштадтскій говоритъ: «Покаяніе должно быть совершенно свободное и никакъ не вынужденное лицомъ исповѣдывающимся». Для человѣка, дѣйствительно страдающаго язвой своего грѣха, — безразлично, черезъ кого онъ ис-

повѣдуетъ этотъ томящій его грѣхъ; лишь бы какъ можно скорѣе исповѣдать его и получить облегченіе. Другое дѣло, если мы, оставивъ существо таинства покаянія, идемъ на исповѣдь для бесѣды. Встѣ тутъ-то и важно различать и с п о в ѣ д ь о т ь д у х о в н о й б е с ѣ д ы, которая можетъ совершаться и внѣ таинства, и лучше, если совершается отдѣльно отъ него, такъ какъ бесѣда, хотя и о духовныхъ предметахъ, можетъ разсѣять, расхолодить исповѣдывающагося, вовлечь въ богословскій споръ и ослабить остроту его покаяннаго чувства.

Исповѣдь не есть бесѣда о своихъ недостаткахъ, сомнѣніяхъ, не есть освѣдомленіе духовника о себѣ и тѣмъ менѣе не «благочестивый обычай». Исповѣдь — горячее покаяніе сердца, жажда очищенія, идущая отъ ощущенія святости, умираніе для грѣха и сживаніе для святости. Раскаянность — уже степень святости, и безчувственность, невѣріе — полсженіе внѣ святости, внѣ Бога.

Разберемся, какъ намъ относиться къ таинству покаянія, что требуется отъ приходящаго къ таинству, какъ къ нему готовится, что считать важнѣйшимъ моментомъ (въ той части таинства, которая касается исповѣдывающагося).

Несомнѣнно, первымъ нашимъ дѣйствіемъ будетъ и с п ы т а н і е н а ш е г о с е р д ц а. Для этого и положены дни подготовки къ таинству (говѣніе). «Видѣть грѣхи свои въ ихъ множествѣ и во всей ихъ гнусности — дѣйствительно, есть даръ Божій», говоритъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Обычно, люди неопытные въ духовной жизни не видятъ ни множественности своихъ грѣховъ, ни ихъ «гнусности». «Ничего особеннаго», «какъ у всѣхъ», «только мелкіе грѣхи» — «не украсть, не убить» — таково обычное начало исповѣди у многихъ. А самолюбіе, перенесеніе укоровъ, черствость, челоуѣкоугодіе, слабость вѣры и любви, малодушіе, духовная лѣность — развѣ это не важные грѣхи? Развѣ мы можемъ утверждать, что достаточно любимъ Бога, что вѣра наша дѣйствительна и горяча? Что cadaго челоуѣка мы любимъ, какъ брата во Христѣ? Что мы достигли кротости, безгнѣвія, смиренія? Если же нѣтъ, то въ чемъ заключается наше христіанство? Чѣмъ объяснить нашу самоувѣренность на исповѣди, какъ не «скамененнымъ нечувствіемъ», какъ не «мертво-

стью сердечной, душевной смертью, тѣлесную предворяющей»? Почему святые отцы, оставившіе намъ покаянныя молитвы, считали себя первыми изъ грѣшниковъ, съ искренней убѣжденностью взывали къ Іисусу Сладчайшему: «Никто же согрѣши на земли отъ вѣка, якоже согрѣшихъ азъ окаянный и блудный», а мы убѣждены, что у насъ все благополучно? Чѣмъ ярче свѣтъ Христовъ озаряетъ сердца, тѣмъ яснѣе сознаются всѣ его недостатки, язвы и раны. И наоборотъ: сердца, погруженные въ мракъ грѣховный, ничего не видятъ въ своемъ сердцѣ; а если и видятъ, то не ужасаются, такъ какъ имъ не съ чѣмъ сравнивать.

Поэтому прямой путь къ познанію своихъ грѣховъ, это — приближеніе къ свѣту и молитва съ этомъ свѣтѣ, который есть судъ міру и всему «мірскому» въ насъ самихъ (Іо. 3, 19). А пока нѣтъ такой близости къ Христу, при которой покаянное чувство является нашимъ обычнымъ состояніемъ (Макарій Египт.) — надо, готовясь къ исповѣди, провѣрять свою совѣсть — по заповѣдямъ, по нѣкоторымъ молитвамъ (напр., 3-ья вечерняя, 4-ая передъ св. причащеніемъ), по нѣкоторымъ мѣстамъ Евангелія (напр., Мѡ. 5 гл., Римл. 12 гл., Ефесс. 4., посл. Іакова, особенно гл. 3 и 4), по «Руководству къ исповѣди» (издано въ эмиграціи).

Разбираясь въ своемъ душевномъ хозяйствѣ, надо постараться различать основныя грѣхи отъ производныхъ, симптомы отъ болѣе глубоко лежащихъ причинъ. Напримѣръ, очень важны, — разсѣянность на молитвѣ, дремота и невниманіе въ церкви, отсутствіе интереса къ чтенію Священнаго Писанія; но не происходятъ ли эти грѣхи отъ маловѣрія и слабой любви къ Богу? Нужно отмѣтить въ себѣ своеволіе, непослушаніе, самооправданіе, нетерпѣніе упрековъ, неуступчивость, упрямство; но еще важнѣе открыть ихъ связь съ самолюбіемъ и гордостью. Если мы замѣчаемъ въ себѣ стремленіе къ обществу, словоохотливость, смѣхословіе, усиленную заботу о своей наружности и не только своей — но своихъ близкихъ, обстановкѣ дома, — то надо внимательно изслѣдовать, не является ли это формой «многообразнаго тщеславія». Если мы слишкомъ близко принимаемъ къ сердцу житейскія неудачи, тяжело переносимъ разлуку, неутѣшно

скорбимъ объ стѣдшихъ, то, кромѣ силы и глубины нашихъ чувствъ, не свидѣтельствуемъ ли все это также о невѣріи въ Промыслъ Божій?

Есть еще одно вспомогательное средство, ведущее насъ къ познанію своихъ грѣховъ, — вспоминать, въ чемъ обычно обвиняютъ насъ другіе люди, враги наши, а особенно, бокъ-о-бокъ съ нами живущіе, близкіе; почти всегда ихъ обвиненія, укоры, нападки имѣютъ основанія.

Можно даже, побѣдивъ самолюбіе, прямо спросить — со стороны виднѣе. Необходимо еще передъ исповѣдью просить прощенія всѣхъ, передъ кѣмъ виновенъ, итти къ исповѣдису неотягченной совѣстью.

При такомъ испытаніи нашего сердца нужно слѣдить, чтобы не впастъ въ чрезмѣрную мнительность и мелочность, подозрительность ко всякому движенію сердца; ставши на этотъ путь, можно потерять чувство важнаго и неважнаго, запутаться въ мелочахъ. Въ такихъ случаяхъ надо временно оставить испытаніе своей души и, посадивши себя на простую и питательную духовную діету — молитвой и добродѣланіемъ упростить и прояснить свою душу. Дѣло не въ томъ, чтобы возможно полно вспомнить и даже записать свои грѣхи, а въ томъ, чтобы достигнуть такого состоянія сосредоточенности, серьезности и молитвы, при которыхъ, какъ при свѣтѣ, становятся ясны наши грѣхи.

Но знать свои грѣхи, это еще не значить — к а я т ь с я въ нихъ. Правда, Господь принимаетъ исповѣданіе — искреннее, добросовѣстное, — когда оно и не сопровождается сильнымъ чувствомъ раскаянія (если мы исповѣдуемъ мужественно и этотъ грѣхъ — наше «окамененное нечувствіе»). Все же «с о к р у ш е н і е с е р д ц а», скорбь о грѣхахъ своихъ, есть важнѣйшее изъ всего, что мы можемъ принести на исповѣдь. Но что же дѣлать, если «ни слезъ, ниже покаянія имамъ, ниже умиленія»? Что же дѣлать, если «изсохшее грѣховнымъ пламенемъ» наше сердце не орошается живительными водами слезъ? Что если «немошь душевная и плоти неможеніе» такъ велики, что мы не способны на искреннее покаяніе? Это все-таки не причина откладывать исповѣдь — Богъ можетъ коснуться нашего сердца и въ теченіе са-

мой исповѣди: само исповѣдываніе, наименованіе нашихъ грѣховъ можетъ смягчить наше сердце, уточнить духовное зрѣніе, обострить покаянное чувство. Больше же всего къ преодолѣнію нашей духовной вялости служатъ приготовленія къ исповѣди, постъ, который, истощая наше тѣло, нарушаетъ гибельное для духовной жизни наше тѣлесное благополучіе и благодушіе, молитва, ночныя размышленія о смерти, чтеніе Евангелія, житій святыхъ, твореній св. отцовъ, усиленная борьба съ собой, упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ. Наше безчувствіе на исповѣди большею частью имѣетъ своимъ корнемъ отсутствіе страха Божія и скрытое невѣріе. Сюда и должны быть направлены наши усилія. Встъ почему такъ важны слезы на исповѣди, — онѣ размягчаютъ наше окаменѣніе, потрясаютъ насъ «отъ верху до ногу», упрощаютъ, даютъ благодѣтельное samozабвеніе, устраняютъ главное препятствіе къ покаянію, нашу «самость». Гордые и самолюбивые не плачутъ. Разъ заплакалъ, значитъ — смягчился, истаялъ, смирился. Вотъ почему послѣ такихъ слезъ — кротость, безгнѣвіе, умягченность, умиленность, миръ въ душѣ у тѣхъ, кому Господь послалъ «радостотворный (творящій радость) плачъ». Не нужно стыдиться слезъ на исповѣди, нужно дать имъ свободно литься, омывая наши скверны. «Тучи ми подаждь слезъ въ поста красный день, якъ да восплачу и омыю скверну, яже отъ сластей, и явлюся тебѣ очищенъ» (1-ая седмица Великаго Поста, понед. вечера).

Третій моментъ исповѣди — словесное исповѣданіе грѣховъ. Не нужно ждать вопросовъ, надо самому сдѣлать усилія; исповѣдь есть подвигъ и самопринужденіе. Говорить надо точно, не затемняя неприглядность грѣха общими выраженіями (напр., «грѣшенъ противъ 7-ой заповѣди»). Очень трудно, исповѣдуясь, избѣгнуть соблазна самооправданія, попытокъ объяснить духовнику «смягчающія обстоятельства», ссылокъ на третьихъ лицъ, введшихъ насъ въ грѣхъ. Все это признаки самолюбія, отсутствія глубокаго покаянія, продолжающагося коснѣнія въ грѣхѣ. Иногда на исповѣди ссылаются на слабую память, не дающую, будто, возможности вспомнить грѣхи. Дѣйствительно, часто бываетъ, что мы легко забываемъ свои грѣхопаденія; но происходитъ ли это только отъ слабой памяти? Вѣдь, напримѣръ,

случаи, особенно больно задѣвшіе наше самолюбіе, или, наоборотъ, польстившіе нашему тщеславію, наши удачі, похвалы по нашему адресу — мы помнимъ долгіе годы. Все, что производитъ на насъ сильное впечатлѣніе, мы долго и отчетливо помнимъ, и, если мы забываемъ наши грѣхи, то не значитъ ли это, что мы просто не придаемъ имъ серьезнаго значенія?

Знакъ совершившагося покаянія — чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, когда грѣхъ кажется такъ же труденъ и невозможенъ, какъ только что далека была эта радость.

Раскаяніе наше не будетъ полнымъ, если мы, каясь, не утвердимся внутренно въ рѣшимости не возвращаться къ исповѣданному грѣху. Но, говорить, какъ это возможно? Какъ я могу обѣщать себѣ и своему духовнику, что я не повторю своего грѣха? Не будетъ ли ближе къ истинѣ какъ разъ обратное — увѣренность, что грѣхъ повторится? — Вѣдь опытомъ своимъ всякій знаетъ, что черезъ нѣкоторое время неизбѣжно возвращаешься къ тѣмъ же грѣхамъ; наблюдая за собой изъ года въ годъ, не замѣчаешь никакого улучшенія, «подпрыгнешь — и опять станешь на томъ же мѣстѣ!» — Было бы ужасно, если бы это было такъ. Къ счастью, это не такъ! Не бываетъ случая, чтобы при наличіи добраго желанія исправиться, послѣдовательныя исповѣди и послѣдующее св. Причастіе не произвели бы въ душѣ благотѣльныхъ перемѣнъ. Но дѣло въ томъ, что — прежде всего — мы не судимъ самимъ себѣ; человѣкъ не можетъ правильно судить о себѣ, сталъ ли онъ хуже или лучше, такъ какъ и онъ, судящій, и то, что онъ судитъ, — величины мѣняющіяся. Возросшая строгость къ себѣ, усилившаяся зрячесть духовная, обостренный страхъ грѣха могутъ дать иллюзію, что грѣхи умнѣжались и усилились: они остались тѣ же, можетъ быть, даже ослабѣли, но мы ихъ раньше не такъ замѣчали. Кромѣ того, Богъ, по способу Промышленію Своему, часто закрываетъ намъ глаза на наши успѣхи, чтобы защитить насъ отъ злѣйшаго грѣха — тщеславія и гордости. Часто бываетъ, что грѣхъ-то остался, но частыя исповѣди и причащеніе Св. Тайнъ расшатали и ослабили его корни. Да сама борьба съ грѣхъ-хмъ, страданіе о своихъ грѣхахъ — развѣ не пріобрѣтеніе? «Не устрашайся», говоритъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, «хотя бы

ты падалъ каждый день, и не отходи отъ путей Божіихъ; стой мужественно, и Ангель, тебя охраняющій, почтитъ твое терпѣніе».

Если же нѣтъ этого чувства облегченія, возрожденія, надо имѣть силы вернуться, до конца освободить свою душу отъ нечистоты, слезами омыть ее отъ черноты и скверны. Стремящійся къ этому всегда достигнетъ того, чего ищетъ.

Только не будемъ приписывать с е б ѣ свои успѣхи, рассчитывать на с в о и силы, надѣяться на свои усилія, — это значило бы погубить все пріобрѣтенное. *«Разсѣянный мой умъ собери, Господи, и оледянѣвшее сердце мое очисти; яко Петру, дай ми покаяніе, яко мытарю — воздыханіе и якоже блудницѣ — слезы».*

ДЕМОНСКАЯ ТВЕРДЫНЯ.

(О тщеславіи и гордости).

Величайшій знатокъ глубинъ человѣческаго духа, преп. Исаакъ Сиринъ въ своемъ 41-мъ слсвѣ говорить:

«Восчувствовавшій свой грѣхъ выше того, кто молитвою своею воскрешаетъ мертвыхъ; кто сподобился видѣть самого себя, тотъ выше сподобившагося видѣть Ангеловъ».

Встѣ къ этому познанію самого себя и ведетъ разсмотрѣніе вопроса, который мы поставили въ заголовкѣ.

И гордость, и самолюбіе, и тщеславіе, сюда можно прибавить — высокомеріе, надменность, чванство, — все это разные виды одного основнаго явленія — «обращенности на себя», — оставимъ его, какъ общій терминъ, покрывающій всѣ вышеперечисленные термины.

Изъ всѣхъ этихъ словъ наиболѣе твердымъ смысломъ отличаются два: тщеславіе и гордость; они, по «Лѣствицѣ», какъ отрокъ и мужъ, какъ зерно и хлѣбъ, начало и конецъ.

Симптомы тщеславія, этого начальнаго грѣха: нетерпѣніе упрековъ, жажда похвалы, исканіе легкихъ путей, непрерывное ориентированіе на другихъ — что они скажутъ? какъ это покажется? что подумаютъ? «Тщеславіе издала видить приближающа-

гося зрителя и гнѣвливыхъ дѣласть ласковыми, легкомысленныхъ — серьезными, разсѣянныхъ — сосредоточенными, обжорливыхъ — воздержанными и т. д.» — все это, пока есть зрители.

Дѣтская и юношеская застѣнчивость часто не что иное, какъ то же скрытое самолюбіе и тщеславіе.

Гой же оріентировкой на зрителя объясняется грѣхъ самооправданія, который часто вкрадывается незамѣтно даже въ нашу исповѣдь: «грѣшенъ, какъ въ сѣ», — «только мелкіе грѣхи — никого не убилъ, не укралъ». Въ дневникахъ гр. С. А. Толстой есть такое характерное мѣсто: «И то, что я не умѣла воспитать дѣтей (вышедши замужъ дѣвочкой и запертая на 18 лѣтъ въ деревнѣ), меня часто мучаетъ». Главная покаянная фраза совершенно отмѣняется самооправданіемъ въ скобкахъ.

Бѣсъ тщеславія радуется, гсворить преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, видя умноженіе нашихъ добродѣтелей: чѣмъ больше у насъ успѣховъ, тѣмъ больше пищи для тщеславія. «Когда я храню постъ, я тщеславлюсь; когда же для утаенія подвига моего, скрываю его — тщеславлюсь о своемъ благоразуміи. Если я красиво одѣваюсь, я тщеславлюсь, а переодѣвшись въ худую одежду, тщеславлюсь еще больше. Говорить ли стану — тщеславіемъ обладаю; соблюдаю молчаніе — паки оному предаюся. Куда сіе терніе ни поверни, все станетъ оно вверхъ своими спицами».

Ядовитую сущность тщеславія хорошо зналъ Левъ Толстой. Въ своихъ раннихъ дневникахъ онъ жестоко обличаетъ себя за все тщеславіе. Въ одномъ изъ дневниковъ 50-хъ годовъ онъ горько жалуется, что стоитъ появиться въ его душѣ доброму чувству, непосредственному душевному движенію, какъ сейчасъ же появляется оглядка на себя, тщеславное ошупываніе себя, и вотъ — драгоцѣннѣйшія движенія души исчезаютъ, таютъ, какъ снѣгъ на солнцѣ. Таютъ, значить умираютъ; значить — благодаря тщеславію — умираетъ лучшее, что есть въ насъ, значить — мы убиваемъ себя тщеславіемъ; реальную, простую, добрую жизнь замѣняемъ призраками. Тщеславный — стремится къ смерти и ее получаетъ.

«Я рѣдко видѣлъ, — пишетъ одинъ изъ современныхъ мыслителей, — чтобы великая нѣмая радость страданія проходила

далями человеческихъ душъ, не сопровождаемая своимъ отвратительнымъ спутникомъ — суетнымъ, болтливымъ кокетствомъ (тщеславіемъ). Въ чемъ сущность кокетства? По-моему, въ неспособности къ бытію. Кокетливые люди — люди, въ сущности, не существующіе, ибо бытіе свое они сами приравниваютъ къ мнѣнію о нихъ другихъ людей. Испытывая величайшія страданія, кокетливые люди органически стремятся къ тому, чтобы показать ихъ другимъ, ибо посторонній взглядъ для нихъ то же, что огни рампы для театральныя декораціи» (Степунъ, «Николай Переслѣгинъ», стр. 24).

«Усилившееся тщеславіе рождаетъ гордость».

Гордость есть крайняя самоувѣренность, съ отверженіемъ всего, что не мое, источникъ гнѣва, жестокости и злобы, отказъ отъ Божіей помощи, «демонская твердыня»; она — «мѣдная стѣна» между нами и Богомъ (Авва Пимень) и вражда къ Богу; она — начало всякаго грѣха, она — во всякомъ грѣхѣ — вѣдь всякій грѣхъ есть вольная отдача себя с в о е й страсти, сознательное попраніе Божьяго закона, дерзость противъ Бога, хотя «гордости подверженный какъ разъ имѣетъ крайнюю нужду въ Богѣ, ибо люди спасти такового не могутъ» («Лѣств.»).

Откуда же берется эта страсть? Какъ она начинается? Чѣмъ питается? Какія степени проходить въ своемъ развитіи? По какимъ признакамъ можно узнать ее?

Послѣднее особенно важно, такъ какъ гордый обычно не в и д и тъ своего грѣха. Нѣкій разумный старецъ увѣщаль на духу одного брата, чтобы тотъ не гордился; а тотъ, ослѣпленный умомъ своимъ, отвѣчалъ ему: «Прости меня, отче, во мнѣ нѣтъ гордости». Мудрый старецъ ему отвѣтилъ: «Да чѣмъ же ты, чадо, могъ лучше доказать свою гордость, какъ не этимъ отвѣтомъ!»

Во всякомъ случаѣ, если человѣку трудно просить прощенія, если онъ обидчивъ и мнителенъ, если помнить зло и осуждаетъ другихъ, то это все — несомнѣнные признаки гордости.

Объ этомъ прекрасно пишетъ Симеонъ Новый Богословъ:

«Кто, будучи безчестимъ или досаждаемъ, сильно болѣетъ отъ этого сердцемъ, о томъ человѣкъ вѣдомо да будетъ, что онъ носитъ древняго змія (гордость) въ нѣдрахъ своихъ. Если онъ

станетъ молча переносить обиды, то сдѣлаетъ змія этого немощнымъ и разслабленнымъ. А если будетъ противорѣчить съ горечью и говорить съ дерзостью, то придастъ силы змію изливать ядъ въ сердце его и немилосердно пожирать внутренности его».

Въ «Словѣ на язычникъ» Св. Аѳанасія Великаго есть такое мѣсто:

«Люди... впали, въ самовожделѣніе, предпочетши с о б с т в е н н о е созерцанію божественнаго» (Творенія, т. 1, стр. 8, изд. 1851 г., М.). Въ этомъ краткомъ опредѣленіи вскрыта самая сущность гордости: человѣкъ, для котораго дсселѣ центромъ и предметомъ вожделѣнія былъ Богъ, отвернулся отъ него, «впалъ въ с а м о-вожделѣніе», восхотѣлъ и возлюбилъ себя больше Бога, предпочелъ божественному созерцанію — созерцаніе самого себя.

Въ нашей жизни это обращеніе къ «самосозерцанію» и «самовожделѣнію» сдѣлалось нашей природой и проявляется хотя бы въ видѣ могучаго инстинкта с а м о с о х р а н е н і я, какъ въ тѣлсной, такъ и въ душевной нашей жизни.

Какъ злокачественная спухоль часто начинается съ ушиба или продолжительнаго раздраженія опредѣленнаго мѣста, такъ и болѣзнь гордости часто начинается или отъ внезапнаго потрясенія души (напр., большимъ горемъ), или отъ продолжительнаго личнаго самочувствія, вслѣдствіе, напримѣръ, успѣха, удачи, псто-яннаго упражненія своего таланта.

Часто это — такъ называемый «темпераментный» человѣкъ, «увлекающійся», «страстный», талантливый. Это — своего рода извергающійся гейзеръ, своей непрерывной активностью мѣшающій и Богу, и людямъ подойти къ нему. Онъ полонъ, поглощенъ, упоенъ собой. Онъ ничего не видитъ и не чувствуетъ, кромѣ своего горѣнія, таланта, которымъ наслаждается, отъ котораго получаетъ полное счастье и удовлетвореніе. Едва ли можно сдѣлать что-нибудь съ такими людьми, пока они сами не выдохнутся, пока вулканъ не погаснетъ. Въ этомъ опасность всякой одаренности, всякаго таланта. Эти качества должны быть уравновѣшены полной, глубокой духовностью.

Въ случаяхъ обратныхъ, въ переживаніяхъ горя — тотъ же

результатъ: человѣкъ «поглощенъ своимъ горемъ, окружающій міръ тускнѣетъ и меркнетъ въ его глазахъ; онъ ни о чемъ не можетъ ни думать, ни говорить, кромѣ какъ о своемъ горѣ; онъ живетъ имъ, онъ держится за него, въ концѣ концовъ, какъ за единственное, что у него осталось, какъ за единственный смыслъ своей жизни». Въдѣ есть же люди, «которые даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія посягнули отыскать наслажденіе» (Достоевскій, «Зап. изъ подп.»).

Часто эта обращенность на себя развивается у людей тихихъ, покорныхъ, молчаливыхъ, у которыхъ съ дѣтства подавлялась ихъ личная жизнь, и эта «подавленная субъективность порождаетъ, какъ компенсацію, эгоцентрическую тенденцію» (Юнгъ*) въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ: обидчивость, мнительность, кокетство, желаніе обратить на себя вниманіе даже поддерживаніемъ и раздуваніемъ дурныхъ о себѣ слуховъ, наконецъ, даже въ видѣ прямыхъ психозовъ характера навязчивыхъ идей, маніей преслѣдованія или маніей величія (Поприщинъ у Гоголя).

Итакъ, сосредоточенность на себѣ уводитъ человѣка отъ міра и отъ Бога; онъ, такъ сказать, отщепляется отъ общаго ствола міроизданія и обращается въ стружку, завитую вокругъ — пустого мѣста.

Попробуемъ намѣтить главные этапы развитія гордости отъ легкаго самодовольства до крайняго душевнаго омраченія и полной гибели.

Вначалѣ это — занятость собой, почти нормальная, сопровождаемая хорошимъ настроеніемъ, переходящимъ часто въ легкомысліе. Человѣкъ доволенъ собой, часто хохочетъ, посвистываетъ, напѣваетъ, прищелкиваетъ пальцами. Любитъ казаться оригинальнымъ, поражать прадоксами, острить; проявляетъ особые вкусы, капризенъ въ ѣдѣ. Охотно даетъ совѣты и вмѣшивается, по-дружески, въ чужія дѣла; невольно обнаруживаетъ свой исключительный интересъ къ себѣ такими фразами (перебивая чужую рѣчь): «нѣтъ, что я вамъ расскажу», или «нѣтъ, я знаю лучше случай», или «у меня обыкновеніе...», или

*) «Психологическіе типы». Цюрихъ, 1929 г.

«я придерживаюсь правила...», «я имѣю привычку предпочитать» (у Тургенева).

Говоря о чужомъ горѣ, безсознательно говорятъ о себѣ: «Я такъ была потрясена, до сихъ поръ не могу притти въ себя». Одновременно, огромная зависимость отъ чужого одобренія, въ зависимости отъ которыхъ человѣкъ то внезапно расцвѣтаетъ, то вянетъ и «скисаетъ». Но въ общемъ, въ этой стадіи настроеніе остается свѣтлымъ. Этотъ видъ эгоцентризма очень свойствененъ юности, хотя встрѣчается и въ зрѣломъ возрастѣ.

Счастье человѣку, если на этой стадіи встрѣтятъ его серьезныя заботы, особенно о другихъ (женитьба, семья), работа, трудъ. Или плѣнить его религіозный путь, и онъ, привлеченный красивой духовнаго подвига, увидитъ свою нищету и убожество и возжелаетъ благодарной помощи. Если этого не случится, болѣзнь развивается дальше.

Является искренняя увѣренность въ своемъ превосходствѣ. Часто это выражается въ неудержимомъ многословіи. Въдѣ что такое болтливость, какъ, съ одной стороны, отсутствіе скромности, а съ другой — самоуслажденіе примитивнымъ процессомъ самообнаруженія. Эгоистическая природа многословія ничуть не уменьшается отъ того, что это многословіе иногда на серьезную тему: гордый человѣкъ можетъ толковать о смиреніи и молчаніи, прославлять постъ, дебатировать вопросъ, что выше — добрыя дѣла, или молитва.

Увѣренность въ себѣ быстро переходитъ въ страсть командованія; онъ посягаетъ на чужую волю (не вынося ни малѣйшаго посяганія на свою), распоряжается чужимъ вниманіемъ, временемъ, силами, становится наглъ и нахаленъ. Свое дѣло — важно, чужое — пустяки. Онъ берется за все, во все вмѣшивается.

Въ этой стадіи настроеніе гордаго портится. Въ своей агрессивности онъ, естественно, встрѣчаетъ несогласіе, противодѣйствіе, отпоръ; является раздражительность, упрямство, сварливость; онъ убѣжденъ, что его никто не понимаетъ, даже его духовникъ; столкновенія съ «міромъ» обостряются, и гордецъ окончательно дѣлаетъ выборъ: «я» противъ людей, но еще не противъ Бога.

Душа становится темной и холодной, и въ ней поселяется

надменность, презрѣніе, злоба, ненависть. Помрачается умъ, различіе добра и зла дѣлается спутаннымъ, такъ какъ оно замѣняется различіемъ «моего» и «не моего». Онъ выходитъ изъ всякаго повиновенія, невыносимъ во всякомъ обществѣ; его цѣль — вести свою линію, посрамить, поразить другихъ; онъ жадно ищетъ извѣстности, хотя бы скандальной, мстя этимъ міру за непризнаніе и беря у него реваншъ (психологія революціонера). Если онъ монахъ, то бросаетъ монастырь, гдѣ ему все невыносимо, и ищетъ собственныхъ путей. Иногда эта сила самоутвержденія направлена на матеріальное стяжаніе, на карьеру, общественную и политическую дѣятельность, иногда, если есть талантъ, на творчество, и тутъ гордецъ можетъ имѣть, благодаря своему напору, нѣкоторыя побѣды. На этой же почвѣ создаются расколы и ереси.

Наконецъ, на послѣдней ступенькѣ, человѣкъ разрываетъ и съ Богомъ. Если раньше онъ дѣлалъ грѣхъ изъ озорства и бунта, то теперь разрѣшаетъ себѣ все: грѣхъ его не мучитъ, онъ дѣлается его привычкой; если въ этой стадіи ему можетъ быть легко, то ему легко съ дьяволомъ и на темныхъ путяхъ. Состояніе души мрачное, безпросвѣтное, полное одиночество, но вмѣстѣ съ тѣмъ искреннее убѣжденіе въ правотѣ своего пути и чувство полной безопасности, въ то время, какъ черныя крылья мчатъ его къ гибели.

Собственно говоря, такое состояніе мало чѣмъ отличается отъ помѣшательства.

Гордый — и въ этой жизни пребываетъ въ состояніи почти полной изоляціи (тѣма кромѣшная). Посмотрѣть, какъ онъ бесѣдуетъ, спорить: онъ или вовсе не слышитъ того, что ему говорятъ, или слышитъ только то, что совпадаетъ съ его взглядами; если же ему говорятъ что-либо, несогласное съ его мнѣніями, онъ злится, какъ отъ личной обиды, издѣвается и яростно отрицаетъ. Въ окружающихъ онъ видитъ только тѣ свойства, которые онъ самъ имъ навязалъ, такъ что даже въ похвалахъ своихъ онъ остается гордымъ, въ себѣ замкнутымъ, непроницаемымъ для объективнаго.

Характерно, что наиболѣе распространенныя формы душевной болѣзни — манія величія и манія преслѣдованія — прямо

вытекають изъ «повышеннаго самощущенія» и совершенно немислимы для смиренныхъ, простыхъ, забывающихъ себя людей. Въдѣ и психіатры считаютъ, что къ душевной болѣзни (паранойя) ведутъ, главнымъ образомъ, преувеличенное чувство собственной личности, враждебное отношеніе къ людямъ, потеря нормальной способности приспособленія, извращенность сужденій. Классическій параноикъ никогда не критикуетъ себя, онъ всегда правъ въ своихъ глазахъ и остро недоволенъ окружающими людьми и условіями своей жизни.

Вотъ гдѣ выясняется глубина опредѣленія преп. Іоанна Лѣствичника: «Гордость есть крайнее души убожество».

Гордый терпитъ пораженіе на всѣхъ фронтахъ:
психологически — тоска, мракъ, бесплодіе,
морально — одиночество, изсяканіе любви, злора,
съ богословской точки зрѣнія — смерть души, предварающая
смерть тѣлесную, геенна еще при жизни,
гносеологически — солипсизмъ,
фізіологически и патологически — нервная и душевная болѣзнь.

Въ заключеніе естественно поставить вопросъ: какъ бороться съ болѣзью, что противопоставить гибели, угрожающей идущимъ по этому пути?

Отвѣтъ вытекаетъ изъ сущности вопроса — смиреніе, послушаніе объективному; послушаніе — по ступенькамъ — любимымъ людямъ, близкимъ, законамъ міра, объективнѣй правдѣ, красотѣ, всему доброму въ насъ и внѣ насъ, послушаніе Закону Божию, наконецъ — послушаніе Церкви, ея уставамъ, ея заповѣдямъ, ея таинственнымъ воздѣйствіямъ.

А для этого — то, что стоитъ въ началѣ христіанскаго пути: «Кто хочетъ итти за Мною, пусть отвержется себя».

Да отвержется,... да отвергается каждый день; пусть каждый день — какъ стоитъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ — беретъ челоуѣкъ свой крестъ — крестъ терпѣнія обидъ, поставленія себя на послѣднее мѣсто, перенесенія огорченій и болѣзней и молчаливаго принятія поношеній — (лѣкарство тщеславія, умерщвле-

ніе самолюбія, этой кормилицы страстей), полного безоговорочнаго послушанія — немедленнаго, добровольнаго, радостнаго, безстрашнаго, постояннаго.

И тогда намъ откроется путь въ царство покая, «глубочайшаго смиренномудрія, всѣ страсти истребляющаго».

Богу нашему, «Который гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать», — слава.

Imprimerie de Navarre
5, rue des Gobelins, Paris (13^e)

[Зуб]

Чуб 11 коп (1986)

PA 2199⁴

~~583~~

Замес.

Св.ц. Владимов.



YMCA — PRESS
10, Boulevard Montparnasse. Paris - XV.